

ПИСЬМА К. А. СОМОВА К К. М. ЖИВОТОВСКОЙ (1925—1938)

*Подготовка текстов, вступ. статья Т. С. Царьковой,
комментарии и биографическая справка Е. П. Яковлевой,
перевод с англ. Е. А. Тереховой*

Письма Константина Андреевича Сомова бережно хранились в семье адресата – Клеопатры Матвеевны Животовской многие десятилетия. В конце жизни К. М. Животовская передала их вместе с фотографиями К. А. Сомова и своими фотографиями русской писательнице Алле Кторовой,¹ проживающей с 1958 г. в Роквилле (США, штат Мэриленд). Со стороны Животовской этот поступок не был случайным. Алла Кторова заслужила абсолютное доверие эмигрантов первой волны (к моменту знакомства с ней многие из них были уже в весьма преклонных летах) своим бескорыстным участием, вниманием к их нуждам, неутомимым собиранием и фиксацией их рассказов, а также книг и документов по истории Русского Зарубежья.

Все это составило документально-фактическую основу книг А. Кторовой, в частности «Пращуры и правнуки». Но Кторова не коллекционер. Она охотно и даже ревностно стремится передать всё, с ее точки зрения, ценное для культуры России, на родину. Так, одному из публикаторов настоящих материалов довелось в октябре 1990 г. по инициативе А. Кторовой встретиться в Вашингтоне с легендарной «майкопской атаманшей» – Ниной Федоровной Буровой и привезти в дар от нее в фонды Рукописного отдела Пушкинского Дома три письма А. М. Ремизова, ей адресованные, три его книги с авторскими дарственными надписями Н. Ф. Буровой и ее докторскую диссертацию по психологии «Сны Пушкина», защищенную в Сорбонне.² Сама Алла передала десятки книг русских писателей-эмигрантов в библиотеку Пушкинского Дома. Тогда же в своем доме она предложила бегло ознакомиться с письмами К. А. Сомова и договориться о возможной их публикации. Первые, выборочные публикации писем писательница подготовила сама.³ А в 1997 г. привезла и подарила Рукописному отделу ИРЛИ 6 фотопортретов К. А. Сомова (1935—1936), письмо его Виктору Тимофеевичу Животовскому (1926), 28 писем Клеопатре Мат-

вевне Животовской (1925—1938), письмо Евгению Ивановичу Сомову (1934), 5 писем Т. Чернавиной к К. М. Животовской (1935—1939).⁴

Устный рассказ Аллы Кторовой о семье Животовских позволяет добавить несколько штрихов к обстоятельному комментарию Е. П. Яковлевой к публикуемым письмам.

По словам Кторовой, Клеопатра Матвеевна родилась в 1890 г. под Киевом в семье начальника железнодорожной станции. Ее родители, как и родители ее будущего мужа Виктора Тимофеевича, были против их брака, возможно, из-за принадлежности семей к разным конфессиям, что послужило причиной бегства влюбленных. Не исключено, что за рубежом Животовские оказались еще до октября 1917 г.

Современникам из русской диаспоры Нью-Йорка молодая Клеопатра Матвеевна запомнилась как веселая, привлекательная, очень общительная, постоянная посетительница концертов и выставок, на которые она являлась с неизменной корзинкой, наполненной домашними пирожками. Не получившая серьезного образования, не нашедшая в жизни «творческого дела» (так она жалуется в письмах, на что К. А. Сомов отвечает: «Устройте себе диету и массаж, и все будет all right»), Животовская так тянулась к людям искусства, что легко срывалась за ними в поездки по другим городам и штатам. Она была хорошо знакома с семьей Рахманиновых, с Ф. И Шаляпиным, ее переписка с К. А. Сомовым, с которым она виделась лишь в 1924—1925 гг. в Нью-Йорке и в 1926 г. в Париже, продолжалась до последних месяцев его жизни. Особо близкие отношения у нее сложились с семьей Евгения Ивановича и Елены Константиновны Сомовых, американских родственников художника, в которой и произошло знакомство К. А. Сомова с его будущей моделью. Сомов написал два портрета Животовской, один она получила в подарок и никогда с ним не расставалась, вероятно, и теперь он хранится у ее потомков; местонахождение другого, более известного — «Дама в черных перчатках» — не установлено.

Алла Кторова познакомилась с Клеопатрой Матвеевной в Вашингтоне, затем ездила к ней в штат Флорида, дружила с ее дочерью Ириной, которая умерла раньше матери. Клеопатра Матвеевна скончалась в 1980 г. (?) в американском городе Санкт-Петербург. У нее остались внуки. Во время своего рассказа Алла постоянно повторяла: «Светлый человек».

Письма К. А. Сомова глубоко личные. В них описания повседневности, меняющихся настроений перемежаются сообщениями о работах художника, восприятии выставок, впечатлениями о прочитанном, о встречах со старыми и новыми друзьями, переживаниями об утратах. Существенной особенностью этих писем является то, что 9 из 28 датированы 1936—1938 гг., временем, о котором в жизни художника известно немного. Широко привлекаемые комментатором опубликованные и неопубликованные письма и дневники Сомова, иные документальные материалы эмигрантского периода, сохранившиеся лишь частично, обрываются до этой даты.

Местонахождение писем К. М. Животовской, адресованных К. А. Сомову, не установлено. По контексту ответных посланий можно предположить, что они были не столь информативны, сколь дружественны и исповедальны. Молодая женщина нуждалась в советах, сочувствии и ободрении, и, надо полагать, Сомов отвечал этим ожиданиям. Ведь еще о мо-

лодом художнике в его петербургский период другой мирискусник — А. Н. Бенуа в своих воспоминаниях писал: «Он вообще обладал склонностью дружить с дамами, а дамы, что называется, льнули к нему, охотно делая его своим конфидентом».⁵ В этой связи заметим, что большинство писем К. А. Сомова 1900—1910 гг., хранящихся в РО ИРЛИ, также адресовано дамам: З. А. Венгеровой (ф. 39), Е. С. Зарудной-Кавос (ф. 445), М. В. Сабашниковой (ф. 562), В. М. Сюннерберг (ф. 474), Ал. Н. и Ан. Н. Чеботаревским (ф. 189 и 289).

Тексты писем приводятся на языке оригинала. Письма, написанные на английском языке, снабжены переводом. Перевод иноязычных вставок дается в тексте в угловых скобках, чтобы не перегружать комментарии. В угловые скобки также заключены отсутствующие в автографах и условно установленные места написания писем, авторские сокращения и некоторые уточнения. Письма печатаются по современным нормам орфографии и пунктуации, но в исключительных случаях авторская пунктуация сохранена. Место написания письма и его дата приводятся в правом верхнем углу независимо от того, где они находятся в оригинале. Инициалы имени автора, приводимые в конце письма, не раскрываются. Уменьшительно-ласкательные имена, например Таничка (Т. С. Рахманинова), даются в авторском написании. В комментариях названия месяцев в точных датах написания письма обозначаются сокращенно.

Цитируемые фрагменты писем К. А. Сомова сестре, А. А. Михайловой, адресованные в Петроград — Ленинград, приводятся по изданию: Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников / Вступ. ст., сост., примеч. и летопись жизни и творчества К. А. Сомова Ю. Н. Подкопаевой и А. Н. Свешниковой. М.: Искусство, 1979 (далее: *Сомов*). В тексте издание обозначается в сокращении, со ссылкой на цитируемую страницу. Цитирование опубликованных комментариев оговаривается. Не публиковавшиеся ранее фрагменты писем и дневников из фонда К. А. Сомова в СР ГРМ приводятся со ссылкой на данный источник.

Публикаторы благодарят П. Р. Заборова за консультации.

Сомов Константин Андреевич

18 (30) ноября 1869, Санкт-Петербург — 6 мая 1939, Париж

Родился в семье Андрея Ивановича Сомова (1830—1909) — историка искусства, возглавлявшего Картинную галерею Императорского Эрмитажа. Учился в петербургской гимназии К. И. Мая (1879—1888), Императорской Академии художеств (1888—1897, с 1894 — в мастерской И. Е. Репина). Посещал академию Ф. Коларосси в Париже (1898).

С 1895 г. — участник выставок, в том числе ученических, групповых, международных. Один из основателей группы «Мир искусства» (1898). Член и экспонент художественных объединений «Мир искусства» и «Союз русских художников». Академик живописи (1914). Работал в области станковой живописи, акварели, книжной и журнальной графики, декоративно-прикладного и театрально-декорационного искусства. Автор картин,

сюжеты которых навеяны французским XVIII веком и русским ампиром: «Конфиденции» (1897), «Радуга» (1897), «В боскете» (1899), «Остров любви» (1900), «Волшебство» (1902), «Дама в розовом платье» (1903), «Фейерверк» (1904), «Осмеянный поцелуй» (1908), «Язычок Коломбины» (1913—1915). Создал галерею многочисленных портретов: родителей, сестры Анны, др. родственников, а также друзей — А. Н. Бенуа, В. Ф. Нувеля, А. П. Остроумовой, Е. Н. Званцевой, Г. Л. Гиршман, М. Г. Лукьянова, Н. С. Позднякова, М. В. Брайкевича и др. Писал заказные портреты, в т. ч. по предложению Н. П. Рябушинского в 1906—1910 гг. исполнил цикл графических портретов деятелей русской культуры: Вяч. Иванова, Е. Е. Лансере, А. А. Блока, М. А. Кузмина, Ф. К. Сологуба, М. В. Добужинского.

Основные поездки по Европе: 1890 — с матерью (Варшава, Германия, Швейцария, Италия), 1894 — с отцом (Германия, Италия); 1897, 1898, 1899, 1905, 1924 (июнь) — Париж. Декабрь 1923, 1924 — Америка. Май 1925 — переезд во Францию.

Персональные выставки:

1903 — салон «Современное искусство», Санкт-Петербург, Берлин, Гамбург.

1919 — выставка к 50-летию со дня рождения, Государственная Третьяковская галерея, Москва.

1924 — магазин В. О. Гиршмана и Н. А. Асса, Париж.

1928 — галерея С. Лесника, Париж.

1930 — галерея Голицына, Лондон.

Посмертные выставки:

1950 — мемориальная выставка, Оксфорд.

1969 — юбилейная выставка, приуроченная к 100-летию со дня рождения, Ленинград, Москва.

Произведения художника хранятся во многих музеях и частных коллекциях России и других стран.

Принятые сокращения

ГРМ — Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея, Москва

ОР ГТГ — Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, Москва

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

СР ГРМ — Сектор рукописей Государственного Русского музея, Санкт-Петербург

¹ Алла Кторовая (наст. имя – Виктория Ивановна Сандор, урожденная Кочурова; р. 1926, Москва) – прозаик, публицист и журналист. Автор книг, выходящих в США, а с 1990 г. и в России: Лицо Жар-Птицы. Вашингтон, 1969. 2-е изд. Нью-Йорк, 1984; 3-е изд., включающее «Крапивный отряд». М., 1990; Экспонат молчаливый и другое. Мюнхен, 1974; Крапивный отряд. Дом с розовыми стеклами. Вашингтон, 1976; Мелкий жемчуг. MD, USA, 1987; Сладостный дар. Вашингтон, 1990; 2-е изд. М., 1996; На розовом коне. М., 1994; Прашур и правнуки. СПб., 1997; Артист и девочка. Воспоминания об А. П. Кторове. СПб., 1998; Минувшее. Москва пятидесятих годов. М., 2003; Минувшее. Американочка Ивановна рассказывает... М., 2005 и др. Наша публикация выходит в юбилейный для Аллы Кторовой год. Приносим ей сердечные поздравления.

² Подробнее о Н. Ф. Буровой см. в публикации: *Царькова Т. С. Н. Ф. Бурова* — корреспондент А. М. Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 253—258.

³ 1) Письма Сомова / Публ. писем К. А. Сомова к К. М. Животовской Аллы Кторовой. Вашингтон, 1990 // Художник. 1991. № 5. С. 61—63. Оpubл. письма от 22.04.1935 и 08.10.1937 (без коммент.); 2) «Я все еще люблю жизнь...» (Письма К. А. Сомова к К. М. Животовской) / Вступ. ст. Т. С. Царьковой, публ. А. Кторовой // Новый журнал. СПб. 1995. № 2. С. 125—134. Оpubл. письма от 25.06.1925, 10.03.1932, 18.04.1932, 22.04.1935, 28.10.1935, 10.01.1936, 18.06.1936.

⁴ РО ИРЛИ, Р. I, оп. 8, № 36—41.

⁵ *Бенуа А. Н. Мои воспоминания*: В 5 кн. М., 1990. Кн. 4—5. С. 247.

1

1 июня 1925
<Пароход «New Amsterdam»>¹
Mr Eugen Somoff
136, Liberty Street
New-York City
U. S. of America
<...> mrs Paty²

Дорогая моя mrs Paty!

Шлю Вам большой, сердечный привет! Через 2 часа приедем во Францию. Путешествие прошло как нельзя лучше. Почти не качало, я был совершенно здоров, за 9 дней в море все же становится скучно, хотя я много читал и много видался с семьей «The happy family» <«счастливой семьей» — *англ.*>, как мы ее называем.³ И в особенности с молод<ым> Вол<конским>,⁴ кот<орый> каждое утро навещал меня. Не хочу и не буду забывать Вас, милых нью-йоркцев,⁵ в особ<енности> Вас, миленькая Paty, кот<оторая> так очаровательно ко мне мила. Долго, пока не завяли, нюхал Ваши цветы.

Серд<ечный> привет.

Из деревни⁶ напишу Вам подробнее.

¹ На такой же почтовой карточке *Holland-America Line Rotterdam — New York* с цветным фотоснимком парохода «Новый Амстердам» на лицевой стороне 1 июня 1925 г. К. А. Сомов отправил письмо сестре, А. А. Михайловой (СР ГРМ, ф. 133, д. 145, л. 10). Оба были написаны на борту пятнадцатилетнего «от роду», «чистенького, уютного, немного старомодного» парохода «Новый Амстердам», на котором с 23 мая по 1 июня 1925 г. Сомов плыл из Америки в Европу. В каюте он занимал «верхнюю койку с круглым окном на море». «Когда я лежу, вижу горизонт и пену от движения парохода, — писал он сестре. — Нас в каюте 3 и не тесно. Публика простая, немного вульгарная, но симпатичная». Подробнее см. в письме Сомова сестре от 25 мая 1925 г. (*Сомов. С. 275—277*).

² Письмо, предназначенное «mrs Paty», т. е. Клеопатре Матвеевне Животовской (1890/1894?—1980?), адресовано *Евгению Ивановичу Сомову* (1881—1962) — родственнику К. А. Сомова (предположительно его двоюродному племяннику), в прошлом инженеру, сыну владельца известной в Москве типографии, мужу Елены Константиновны Сомовой (1889—1969), подруги Клеопатры Матвеевны. Имя Paty, Patty, Пати, Патти — уменьшительное от Клеопатры.

³ Со «счастливой семьей» композитора и пианиста Сергея Васильевича Рахманинова (1873—1943) К. А. Сомов плыл на пароходе «Новый Амстердам». Познакомились они в Америке в 1924 г. при участии Евгения Ивановича Сомова, который в Соединенных Штатах жил

с 1919 г., с 1922 г. работал секретарем С. В. Рахманинова и являлся членом Комитета русской секции Американского Красного Креста, возглавляемого композитором; кроме того Евгений Иванович был другом Рахманинова и старым другом его семьи (товарищем Евгения Ивановича по Московскому университету был брат жены композитора Владимир Александрович Сатин). Помимо общих в Нью-Йорке Сомовы и Рахманиновы вместе проводили свободное время на дачах, расположенных в 50 милях от Нью-Йорка, в Нью-Джерси, на побережье залива Атлантического океана. Рахманиновы жили в Локуст Пойнт, Сомовы — в городке Хайленде (Highlands), где сложилась своеобразная русская колония, в которую кроме Сомовых входили Животовские и другие русские эмигранты.

Семья Рахманиновых в этот период состояла из родителей — Сергея Васильевича и Натальи Александровны (урожд. Сатиной; 1870—1951), их дочерей — Ирины Сергеевны (в замуж. светлейшей княгини Волконской; 1903—1969) и Татьяны Сергеевны (1907—1961), а также зятя — светлейшего князя Петра Григорьевича Волконского (1897—1925). Вместе с К. А. Сомовым все семейство Рахманиновых направлялось в Европу. Сомов, Наталья Александровна и чета Волконских — в Париж. По прибытии они сошли на берег в Boulogne, а Сергей Васильевич с младшей дочерью Татьяной — в Роттердаме, откуда прямым поездом планировали поехать в Дрезден, близ которого на даче, снятой в Эмзер Аллее, жили их родственники. Об этом см. письмо С. В. Рахманинова С. А. Сатиной от 1 июня 1925 г., написанное на борту того же парохода. «Каждый вечер после ужина нас посещал Сомик <К. А. Сомов. — Е. Я.>, — сообщал Рахманинов Сатиной, — раза два играли по вечерам в покер, причем я <...> оба раза всех обыгрывал» (*Рахманинов С.* Литературное наследие: В 3 т. / Сост.-ред., автор вступ. ст., коммент., указ. З. А. Апстян. М.: Советский композитор, 1980. Т. 2. С. 172). О посещениях Рахманиновых писал сестре 25 мая 1925 г. и Константин Андреевич: «Делаю визиты в 1-й класс в *sabine de luxe*, в котором едет вся семья С. В. <Рахманинова> с собачкой, пикенезом <...>. Их присутствие на пароходе делает меня не одиноким» (*Сомов С.* 276). По утрам Сомова навещал зять композитора, «милый молодой художник»; по словам Константина Андреевича, к девятиму дню путешествия они «уже обо всем, кажется, переговорили». Несмотря на то что зять Рахманинова «скоро будет отцом», он, по словам Сомова, «производит очень юное впечатление и как человек, и как художник. С. В. находит, что семья приобрела в нем не помощника, а 3-го младшего ребенка» (Там же. С. 277).

О встречах К. А. Сомова с С. В. Рахманиновым см. коммент. к письмам С. В. Рахманинова Е. И. Сомову от 22 июля 1928 г. и 21 июня 1929 г. (*Рахманинов С.* Литературное наследие. Т. 2. С. 489—491, 498).

⁴ *Волконский Петр Григорьевич* — светлейший князь, с лета 1924 г. муж Ирины Сергеевны Рахманиновой, начинающий художник, ученик Франца фон Штука (1863—1928), племянник С. М. Волконского (1860—1937) — известного театрального деятеля и художественного критика. В Америке брал уроки живописи у К. А. Сомова. По возвращении во Францию продолжал навещать его. 19—20 июня 1925 г. С. В. Рахманинов писал С. А. Сатиной: «Петик <П. Г. Волконский. — Е. Я.> последнюю неделю проводил у Сомика в деревне. Это хорошо. Он, наверное, отдохнул там от сутолоки и Нью-Йорка и Парижа...» (*Рахманинов С.* Литературное наследие. Т. 2. С. 174).

⁵ Так К. А. Сомов называет компанию русских эмигрантов, в которую входили Сомовы, Рахманиновы, Животовские и др.

⁶ К. А. Сомов направлялся в Нормандию, в деревню Гранвилье, находившуюся «в 2 1/2 часах от Парижа, по дороге через Версаль» (*Сомов С.* 277). Там в начале 1925 г. приобрел ферму (земельный участок с домом) Мефодий Георгиевич Лукьянов (1892—1932) — эмигрант, близкий друг К. А. Сомова с 1910 г., в прошлом танцовщик. Художник неоднократно портретировал Лукьянова. Наиболее известны его портрет 1911 г. из собрания ГТГ (бумага на картоне, графитный и цветной карандаш; 44,4 × 31,4) и портрет 1918 г. из собрания ГРМ (холст, масло; 91,7 × 102,5, овал). Вместе с Лукьяновым в Гранвилье жил его друг, тоже эмигрант, Михаил Васильевич Кралин (1892—1977).

Миленькая моя Пати!

25 июня 1925

<Гранвилье>

Вы висите у меня в комнате,¹ и я постоянно Вас вижу. Мне это очень приятно, хотя портрет и не передает весь Ваш *charm and nicety* <шарм и изящество — *англ.*>. Вспоминаю с умилением, какой Вы были *darling* <милый — *англ.*> со мной. Я был ужасно тронут Вашей и Виктора² телеграммой, ругая Вас за расточительность, но в глубине сердца радовался, что Вы меня не забыли. Как-то вы все живете в вашем *Club'e*? Женья³ пишет о виде из окна, который гораздо лучше того, что я намалевал,⁴ значит, у вас очень хорошо. У нас восхитительно, но только иначе, что как будто я на другой планете и века два назад. Здесь нельзя себе и представить, что есть Нью-Йорк. Здесь нравы такие патриархальные, что, например, старуха, которой 70 лет, ни разу в жизни не была в Париже, а Париж всего в 2 1/2 часах от нас езды.

Наша соседка *m-m Petit*, фермерша тоже, ей 34 года, была там раз, когда ей было 13 лет.⁵

У нас, куда ни помотришь, необъятные поля — кое-где фермы, деревни и рощи и так на десятки верст, все плоско, воздух живительный. Меня здесь тоже балуют и ублажают, такая уж моя доля счастливая! Все за меня делают, раз только я полон огород и пас козу и козленка, и то ради своего собств<енного> удовольствия.⁶ Ваш портрет⁷ всем, кто его видел, очень понравился, моя подруга Генриетта⁸ (не ревнуйте!) очень одобрила и живопись, и особу, и костюм. Пока я заленился и, боюсь, надолго. А надо работать. Завязал в Париже кое-какие худож<ественные> связи,⁹ и надеюсь, к осени что-нибудь для меня выйдет хорошее. Примите мой нежный поцелуй, несмотря на *Victor'a*. Но он добрый и тоже послал мне телеграмму. Простите за каракули! Поймете ли Вы мою руку?

Ваш Кoko.

¹ К. А. Сомов имел в виду портрет Клеопатры Матвеевны Животовской (холст, масло), над которым он работал в Нью-Йорке с 9 по 16 февраля 1925 г. Художник поставил цель написать «портрет непременно в неделю, не больше, не меньше, считая сеанс в 3 часа» (Сомов. С. 267). На восьмом сеансе работа была завершена. 17 февраля 1925 г. Сомов писал сестре: «Этот портрет четырехугольный, по пояс. Сидит она <Животовская. — Е. Я.> в черном суконном платье с красно-карминным, тоже суконным, воротником и такими же отворотами на рукавах. Руки в черных шведских перчатках, на одном плече красно-рыжая с серыми разводами шаль. На голове — черный бархатный трикорн. Лицо вышло и похоже, и непохоже. Дама улыбается, лицо бледное, и сильно покрашен рот» (СР ГРМ, ф. 133, д. 143, л. 18). Сообщил художник и то, что Клеопатра Матвеевна осталась «очень довольна» его работой. В качестве «вознаграждения» он получил от «модели букет прелестных роз, банку пьяных вишен и...!! ливерной колбасы к завтраку». «Она знает, что эту колбасу я очень люблю», — писал Сомов (Там же). Портрет не был заказным, поэтому остался у автора. Впоследствии он счел его «неудачным» и «непоэтичным» и продал неизвестному лицу (об этом см. письмо К. А. Сомова от 21 марта 1937 г. в наст. изд.). Ныне местонахождение произведения неизвестно.

В Гранвилье, в своей комнате, помимо портрета К. М. Животовской Сомов поместил другие работы, в том числе написанный в 1924 г. в Нью-Йорке портрет Елены Константиновны

Сомовой (холст, масло; 70 × 55,5, овал; с 1969 г. — в собрании ГРМ: передан Е. К. Сомовой через кн. Н. Д. Лобанова-Ростовского). Этот портрет, написанный в Америке в период с 7 мая по 3 июня 1924 г., художник высоко ценил. 9 апреля 1925 г. он писал сестре: «Я его не считаю шедевром, — но по сравнению со всеми отвратными моими дамскими портретами (исключая, может быть, Остроумовой) он хороший» (*Сомов*. С. 272). В письме сестре от 18 июня 1924 г., Сомов описал его: «Елена Константиновна изображена мной в простой позе, анфас <...>. Сама она смутная с очень черными густыми бровями и очень ярким красным ртом. Большие глаза. Это первый портрет, на котором я изобразил модель не некрасивой» (Там же. С. 244—245). Покидая Америку, художник в благодарность подарил портрет родственникам, но они настояли, чтобы он взял его в Париж и там его выставил.

«Теперь моя комната сделалась жилой», — писал Сомов сестре 5 июня 1925 г. (*Сомов*. С. 278). Портрет племянника, Евгения Сергеевича Михайлова (1897—1975), сына А. А. Михайловой, советского кинооператора (1916; холст, масло) автор «повесил в столовой над диваном» (Там же). После смерти художника портрет принадлежал М. В. Брайкевичу, ныне хранится в Музее Эшмолеан, Лондон.

Портреты К. М. Животовской (под названием «Givotovsci») и Е. К. Сомовой были опубликованы в январском номере журнала «Kunst und Kunstler» за 1926 г. (Jahrgang XXIV. Heft IV. 1926. Januar). В 1928 г. портреты К. М. Животовской, Е. С. Михайлова, С. В. Рахманинова и другие произведения Сомова экспонировались на Международной выставке в Брюсселе. Об участии художника в этой выставке см. письма К. А. Сомова от 8 декабря 1927 г. и 8 июня 1928 г. в наст. изд.

² Виктора Тимофеевича Животовского, мужа Клеопатры Матвеевны.

³ Евгений Иванович Сомов.

⁴ «Восхитительный вид» из окна дачи Е. И. и Е. К. Сомовых, находившейся «в чудной местности на берегу океана» (*Сомов*. С. 242), в Хайлендах, художник описал сестре 15 октября 1924 г.: «...наш сад, за ним узкая полоса полуострова и потом океан, в котором ослепительно отражается солнце. Этот вид я и пытался изобразить...» (*Сомов*. С. 254). В начале июня 1924 г. этот вид «изобразил» И. Э. Грабарь (1871—1950). Свой этюд «Взморье под Нью-Йорком» художник подарил «милому Е. И. Сомову». В письме жене, написанном 8 июня 1924 г. на «даче, нанятой Сомовыми на берегу моря, под Нью-Йорком», Грабарь описал ее: «Дача очень хорошая. Сомовы живут с приятелями <с Животовскими. — Е. Я.>. Но дачи здесь не дешевы: они платят 600 долларов за все лето. Конечно, все американские удобства, горячая вода, ванны и пр. Вид прямо на океан. Отличный сад с персиковыми и грушевыми деревьями, на которых уже множество маленьких фруктиков, большими и малыми деревьями, кустами роз, цветами; все крыльцо во вьющихся розовых кустах» (*Грабарь И.* Письма 1917—1941. М.: Наука, 1977. С. 145). Возможно, другой пейзаж Грабаря, «Усадьба под Нью-Йорком», датированный маем 1924 г. (о нем художник писал жене 1 июня 1924 г.), также связан с дачей Сомовых (Там же). Документальным свидетельством пребывания Грабаря на даче Сомовых является фотография, опубликованная с ошибочной надписью «На даче у К. А. Сомова под Нью-Йорком, 1924 г.» (Там же, вклейка). На ней запечатлены И. Э. Грабарь, К. А., Е. И. (?) и Е. К. Сомовы, К. М. Животовская с дочерью, эмигранты Е. И. и Н. О. Гришковские и художник С. А. Виноградов. Дочь Животовской ошибочно названа дочерью Е. И. Сомова.

⁵ В неопубликованных фрагментах письма К. А. Сомова сестре от 5 июня 1925 г. содержится следующее описание m-me Petit (Пти) и членов ее семьи: «...m-me Petit, матрона 34 л<лет>, толстая и румяная, очень болтливая и любезная — постоянно оказывающая нашим <М. Г. Лукьянову и М. В. Кралину. — Е. Я.> услуги и, кажется, бескорыстно. Говорит картинно с нормандским выговором. У нее 4 детей и муж без кисти одной руки, за кот<орого> она вышла замуж по любви против воли родителей. Двое младших детей при ней, Odette 10 лет, George 5 лет. Но он уже курит, и родители его не бьют и не наказывают за это, говорит только про жандармов и про рак, кот<орый> будто бы у него может сделаться. Он брал у меня папироску и курил как большой. <...> M-me Petit явно лучше относится к Michel'ю, чем к M<ефодию>. Когда говорит, смотрит только на него и обращается к нему. Это не помешало ей прийти в мои именины, 3-го, с детьми и букетом цветов для меня. Мы угощали ее чаем, red portom и американским шоколадом. Вчера вечером она пригласила нас в свой убогий домик, угощала нас сидром <нрзб.> и познакомила меня со своим симпатичным мужем, рабочим на фермах» (СР ГРМ, ф. 133, д. 145, л. 11—11 об.). 15 июня 1925 г. в письме сестре Сомов вновь вспомнил «замечательно милых и услужливых соседей»: «Вчера они пригласили нас в свою хижину и

угощали нас...» (Там же, л. 17 об.). О пребывании в гостях у m-me Petit см. опубликованную часть этого письма (Сомов. С. 280—281).

Помимо мадам Пти «фермерами» К. А. Сомов называл своих друзей Мефодия Георгиевича Лукьянова и Михаила Васильевича Кралина, которые, поселившись в Гранвилль, занялись «разведением и продажей домашней птицы и кроликов» (Сомов. С. 573, коммент.). С 1926 г. ферма Гранвилль «юридически принадлежала Сомову, который, желая помочь нуждающемуся Лукьянову, выплатил ему за нее деньги» (Сомов. С. 590, коммент.).

⁶ Об этом же К. А. Сомов писал сестре 23 июня 1925 г.: «Мне здесь чрезвычайно нравится — так тихо, так мирно, мои компаньоны так со мной милы, так меня балуют — ничего мне не позволяють делать по хозяйству <...>. Раз только для своего удовольствия и под протесты Мефодия я полон огород, очень приятное удовольствие, и раз пас козу и козленка, держа на веревке в каждой руке...» (Сомов. С. 279).

⁷ Портрет К. М. Животовской работы К. А. Сомова (1925).

⁸ Гиршман Генриетта Леопольдовна (урожд. Леон; 1885—1970) — многолетний друг К. А. Сомова, жена Владимира Осиповича Гиршмана (1867—1936), эмигранта, в прошлом — московского фабриканта, коллекционера, мецената. С семьей Гиршманов Сомов дружил еще в России; художник неоднократно портретировал Генриетту Леопольдовну. Помимо ее портретов 1908, 1910 и 1915 гг. в дореволюционное собрание Гиршманов входило свыше восьмидесяти других работ Сомова, например «Портрет Н. Ф. Обер», «Поэты», «Пейзаж», «Заросший пруд», «На балконе», «Дама в розовом платье», «Спящая молодая женщина», «Портрет М. А. Кузина» и др. Национализированное после революции 1917 г. художественное собрание Гиршманов поступило в московские музеи, а его бывшие владельцы в 1922 г. эмигрировали во Францию. В Париже Владимир Осипович занимался устройством интерьеров в богатых домах. Кроме того, ему и его родственнику, Н. А. Ассу, принадлежал антикварный магазин-салон на улице St. Nonopé, ставший своеобразным клубом русской художественной эмиграции. В магазине устраивались выставки русских художников, в т. ч. с 18 июля по 9 августа 1924 г. проходила выставка произведений Сомова, включавшая 20 работ, представленных на двух стенах «среди старинной некричащей мебели» (Сомов. С. 246). В феврале 1929 г. на должность устроителя выставок в этом магазине был приглашен М. Г. Лукьянов, однако вскоре, в связи с мировым экономическим кризисом, магазин прекратил существование, Владимир Осипович заболел, а Генриетта Леопольдовна перешла работать сначала в книжный магазин, а потом в женский пансион-гимназию под Парижем. Последние годы жизни Г. Л. Гиршман прошли в Нью-Йорке. Умерла она во Франции. Похоронена в Ницце.

Помимо Сомова Генриетту Леопольдовну портретировали В. А. Серов, З. Е. Серебрякова, Ф. А. Малявин, К. Ф. Юон, Н. Д. Милиоти, Л. О. Пастернак и другие русские художники.

По словам В. Ф. Шухаевой, жены художника В. И. Шухаева, Генриетта Леопольдовна была «очаровательной женщиной»: «веселая, умная, очень начитанная, любила музыку и была непременно посетительницей всех хороших концертов в Париже, даже когда уже не было денег на билеты в партере, а приходилось сидеть на галерке». Вспоминая о годах эмиграции в Париже, Шухаева писала, как «по воскресеньям у Гиршманов собирались на чашку чая их друзья, и постоянными посетителями этих воскресений были К<онстантин> А<ндреевич> и Мефодий Л<укьянов>» (Шухаева В. Ф. О Сомове К. А. <Машинопись>. СР ГРМ, ф. 154, ед. хр. 71, л. 4).

⁹ 23 июня 1925 г. К. А. Сомов писал сестре, что «успел за это время побывать в Париже, провел там три дня и много и многих видел» (Сомов. С. 278).

3

To Paty

16 August 1925
<Orsay, Corbeville>

My sweet friend, my more than that!

You know what sad event we are in! So You must not be cross with me, if my letter will not be cheerful and entertaining. Your adorable letter, I got it and what

a shame, only to-day I am answering it. If I were before You, I should ask You to slap me, to beat me, and then forgive me. You did not like, when I was sad and felt old and all these last times I felt it. Because I was unwell-something with one of my feet, something beastly, which prevented me from moving and walking; then very bad and miserable work.

Your effigy — which, alas, is so far from Your loveliness — is standing in the room of our little cottage and I can mentally converse with You every day and imagine many lovely things, when I look at it: our walks in the woods and highlands, garlands of flowers and leaves, Your bright and hearty laugh, which I loved so much, those roses, which You so liberally gave me, our little intimate lunches in Your flat of the 83th Street, and (pardon me, I am not a glutton and beast, but even food in a delightful company has its charm and poetry) those scrambled eggs made by Your hands, leberwurst, coffee of Your preparation!

Now I am living as a guest in the formerly «happy family» in a gorgeous castle with a huge old and splendid park, in a most stupendous site on a high hill. Were my work successful, I could be happy here, every one is so kind towards me. The days are beautiful... But! I am an old lazy stupid thing, no energy for struggle with the difficulties in my work, lack of knowledge! And I cannot improve — too late for me. Every one here thinks I am gay and lively, I can conceal my suffering.

In a day or so I am returning to Normandy in our (that is Mefodi's) little cottage, where I shall begin my great (because of the size, not otherwise) work and, God knows, what will be the end of it! I must be in a hurry, it must be ready for the beginning of the new season in New-York. Darling Paty, You must forgive me this tiresome letter, my laments etc. I should be so happy, if it could give you the least pleasure, but I do not think it will! Do not forget me, please and write me sometimes. If You have photos of your dear lovely face, send me some! Give my compliments to your charming husband, some kisses to dear Helena and to every body my «lows». And then by-by!

Your friend for ever Kostia or diadia Kostia. The letter must be full of faults?

ПЕРЕВОД:

Пати

16 августа 1925
<Орсэ, Корбевиль>¹

Мой милый, и даже более того, друг!

Вы знаете о нашем печальном событии.² Поэтому не должны на меня сердиться, если это письмо не выйдет бодрым и занимательным. Ваше чудесное письмо³ я получил и, к своему стыду, отвечаю на него только сегодня. Если бы я находился перед Вами, то попросил бы дать мне оплеуху, поколотить, а затем простить. Вам не нравилось, когда я бывал грустен и чувствовал себя стариком, а все последнее время я именно таков. Чувствую себя нехорошо — что-то ужасное с ногами, дающее знать о себе во время движения и ходьбы; к тому же работается плохо и мало.

Ваш портрет⁴ — которому, увы, так далеко до Вашей прелести, — висит в комнате нашего маленького коттеджа,⁵ и я могу каждый день мысленно беседовать с Вами и воображать, глядя на него, множество приятных вещей: наши прогулки в лес и горы, венки из цветов и листьев, Ваш звонкий и сердечный смех, который я очень люблю; розы, преподнесенные Вами с такой щедростью; наши маленькие интимные ланчи в Вашей квартире на 83 улице и (простите, я — не обжора и не хищник, но даже и еда в восхитительном обществе имеет свой шарм и поэзию) яичницу-болтуню, сделанную Вашими руками, ливерную колбасу и кофе Вашего приготовления!⁶

В настоящее время я живу в качестве гостя у некогда «счастливой семьи»⁷ в великолепном замке с огромным старинным и роскошным парком, чудесно расположенным на высоком холме.⁸ Будь моя работа успешной,⁹ я был бы здесь счастлив, все так внимательны ко мне. Дни стоят прекрасные... Но! Я — нечто старое, ленивое и глупое, и без сил, чтобы бороться с трудностями в моей работе, за недостатком знаний! И не могу уже измениться к лучшему — слишком поздно для меня. Здесь все считают, что я весел и полон жизни, я способен скрывать свои страдания.

Через день или около того я возвращаюсь в Нормандию в наш (вернее — Мефодия)¹⁰ маленький коттедж, где начну мою большую (по размерам, а не по чему-либо другому) работу,¹¹ и, Бог знает, чем это кончится! Я обязан спешить, потому что она должна быть готова к открытию нового сезона в Нью-Йорке. Милая Пати, Вы должны простить мне это скучное письмо, эти жалобы и <ак> д<алее>. Я был бы счастлив, если бы оно доставило Вам, по крайней мере, удовольствие, но не думаю, что так будет! Не забывайте меня, пожалуйста, и пишите иногда. Если у Вас есть фотографии Вашего дорогого, прелестного лица, пришлите мне какую-нибудь! Передайте от меня привет Вашему очаровательному мужу,¹² поцелуй — Елене¹³ и всем — мои поклоны. И затем до свидания!

Ваш друг навсегда Костя,
или дядя Костя.

Письмо, должно быть, полно ошибок?

¹ Письмо написано на даче, снятой Рахманиновыми в Орсе, в замке Корбевиль, в 40 км от Парижа. К. А. Сомов находился там в гостях с 31 июля по 17 августа 1925 г.

² 12 августа 1925 г. во Франции скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг светлейший князь Петр Григорьевич Волконский, двадцативосьмилетний зять С. В. Рахманинова, муж его старшей дочери Ирины Сергеевны. К. А. Сомов был свидетелем душевной болезни «молодого Волконского», о чем писал сестре 21 августа 1925 г. (*Сомов*. С. 283). Драматизм случившегося усугублялся тем, что вдова находилась на последнем месяце беременности. 2 сентября у Ирины Сергеевны родилась дочь, княжна Софья, «как две капли воды» похожая на покойного мужа. Внучку, по словам Рахманинова, назвали Софьей («в честь матери Петрика <отца ребенка. — Е. Я.> и в честь сестры се деда», т. е. Софьи Александровны Сатиной (*Рахманинов* С. Литературное наследие. М., 1980. Т. 2. С. 179).

Софья Петровна Волконская (во втором браке Ванамэйкер; 1925—1968), была любимицей семьи. Ее портрет написал художник Б. Ф. Шаляпин, когда летом 1940 г. работал над картиной «С. В. Рахманинов за роялем». Именем Софьи Ванамэйкер назван выставочный зал Культурного центра США в Сан-Хосе (Коста-Рика), в строительстве которого участвовал ее муж, Алисон Темпле Ванамэйкер — советник по культуре посольства США в Коста-Рике. О Софье Петровне и ее потомках см.: *Островская-Розанова С. Д.* Русские находки в Коста-Рике. Новое о Рахманинове и Бунине // Наше наследие. 1989. № 5. С. 673—677.

10 сентября 1925 г. Сомов писал сестре, что, по его мнению, Ирина Сергеевна «не очень долго будет горевать» по мужу: «они мало подходили друг к другу, и я уверен, что она никогда бы не вышла за него замуж, не будь он prince sevenisime <светлейший князь — франц.>» (СР ГРМ, ф. 133, д. 147, л. 1 об.).

³ Местонахождение писем К. М. Животовской, адресованных К. А. Сомову, не установлено.

⁴ Портрет К. М. Животовской работы К. А. Сомова (1925). См. письмо К. А. Сомова от 25 июня 1925 г. в наст. изд.

⁵ Коттедж в Гранвиле, по словам К. А. Сомова, представлял собой «малосенький, старинный каменный домик с черепичатой (так! — Е. Я.) крышей» с прильнувшими к нему двумя деревьями. Бревенчатые потолки М. Г. Лукьянов и М. В. Кралин окрасили в белый цвет. В письме сестре от 5 июня 1925 г. художник так описал свое новое жилище: «Две комнаты побольше, одна из них столовая, другая, лучшая, моя. Потом еще две крохотных комнатки. В одной они спят, другая может быть отдана в найм хотя бы Зине <художнице З. Е. Серебряковой. — Е. Я.>, но это еще не решено (она сейчас в Лондоне). У меня, как и во всех комнатах, красный из кирпичичей пол, покрытый линолеумом и большим ковром около кровати. Стоит большой, нормандский старинный с резьбой шкаф, приобретенный ими с домом. В больших комнатах по камину, или, лучше сказать, очагу. В вечер моего приезда в нем горел огонь. Много служебных построек, разных сараев для зверушек. Четыре фруктовых дерева, большая орешина, зеленый луг, частью отгороженный проволокой для кур, гусей и цесарок. Несколько огородов, где всякая всячина — картофель, капуста, редиска, томаты, огурцы. Часть земли отгорожена от дороги высокой каменной с воротами стеной, часть — живой изгородью и колючей проволокой. Две стороны „имения“ вдоль проезжей, но очень тихой, дороги, две другие выходят в поле, и вид далекий, далский, до горизонта. Кое-где видны фермы и деревья вокруг <нрз.>, вдали кладбище, настолько не близко, что оно бы тебя не пугало, не навредило бы грусти. Я еще там не был, но М<сфодий> говорит, что оно из „Жизели“. Чтобы тебе дать представление о величине нашей фермы, увеличь в голове приблизительно всю площадь нашего петербургского дома с его двором раза в 4 или 5, и поймешь тогда.

Наша деревня маленькая и разбросанная, каждый дом имеет свой сад, сарай, ограду. Людей почти не видно. Приходит только соседка m-me Petit <...>. Воздух здесь удивительный, душистый, какой-то особенный, не похожий ни на русский, ни на американский. <...> Вообще все здесь мне напоминает сельские романы G. Sand. <...> Эти места такие патриархальные, кажется, 100 лет тому назад были совсем такие, и после Америки не веришь, что живешь в 1925. <...> У нас автомобиль — sabriollette, козлы для шофера и рядом с ним место, и сзади нечто вроде крытого фургона» (СР ГРМ, ф. 133, д. 145, л. 11—12).

⁶ К. А. Сомов перечисляет эпизоды, относящиеся ко времени его пребывания в Америке (сентябрь 1924—май 1925), в частности букет роз, подаренный ему К. М. Животовской по окончании работы над ее портретом (см. примеч. к письму К. А. Сомова от 25 июня 1925 г. в наст. изд.).

⁷ Семья Рахманиновых.

⁸ В письме сестре от 3 августа 1925 г. К. А. Сомов описал «восхитительную» местность и замок Корбевиль: «Представь себе, на склоне высокого холма, с которого прелестный вид на долину с городками и селениями, большой, четырехугольный замок начала 17 века (1617 г.) с четырьмя круглыми башнями, покрытыми остроконечными крышами. 3 этажа, 23 комнаты и бесконечные закоулки и чуланы. <...> Дом стоит в обширном старом парке, обнесенном высокой каменной стеной, длинная-предлинная аллея лип при въезде. Все вековые липы, плющ, обвивающий стволы, и старинные каменные скамейки. Цветник с фонтаном (не играющим), заросший ряской, поэтический, совсем русский пруд. Огород, фруктовый сад. Отовсюду прекрасные виды» (Сомов. С. 281—282).

⁹ Речь идет о работе над портретом С. В. Рахманинова по заказу фортепьянной фирмы Стейнвей для нью-йоркского Карнеги-холла. Заказ «на идеальный, не реалистический портрет С<ергея> В<асильевича>, который будет висеть в зале их нового, еще не отстроенного помещения» (Сомов. С. 276), К. А. Сомов получил накануне отъезда из Америки через самого композитора. Предполагалось также, что «портрет будет воспроизведен и в красках, и в черном в разных форматах для рекламных целей» (Там же). Со 2 по 16 августа 1925 г. К. А. Сомов писал этюд к этому портрету (холст, масло; 63,7 × 51,6; ныне в собрании ГРМ).

¹⁰ М. Г. Лукьянова.

¹¹ Имеется в виду работа над портретом С. В. Рахманинова для фирмы Стейнвей.

¹² Виктору Тимофеевичу Животовскому.

¹³ Елене Константиновне Сомовой. К. А. Сомов с неизменной симпатией отзывался о Елене Константиновне. Так, 1 мая 1924 г. он писал сестре: «Елена Константиновна, чем больше я ее узнаю, тем больше ценю. Она очень благородна и умна. Весела, имеет долю легкомыслия, все понимает. Ни малейшей эскинности <скарденности, мелочности — франц.>, в этом, как и в том, что великодушная хозяйка без всякого шума и мелкохозяйственных разговоров, очень напоминает тебя. Только она другого темперамента, она болсе, чем ты, темпераментна, она полка по крови» (Сомов. С. 240). В письме от 2 окт. 1924 г. Сомов вновь пишет о Елене Константиновне: «Она женщина без недостатков, умна, все понимает, всегда приветлива, весела, любит гулять и кататься, чудная хозяйка без всякого шума, много читала, любит и понимает все искусство, обожает говорить о любви и приятно сплетничает. Очень тактична и деликатна» (СР ГРМ, ф. 133, д. 142, л. 2).

4

To Mrs Paty.

September 11
1925
Grandvilliers

Adorable Paty!

Your letter so friendly, kind and I <.....> was a sheer treat to me! A billion of times I thank You for it! Indeed, You are such a good rare darling! After my last letter to You I have spent three weeks in continual work, which was so hard and exhausting. Only now I begin to breathe afresh. To-morrow I am going to Orsay, where my picture will be exhibited.

I asked Your photographs — it was, as if You felt my desire and sent me two. They are very lovely, especially one, where You are standing. Such a nice girlish shape! I hope I shall soon receive more of Your news. Give my love to Your charming husband. Kissing Your handies I remain Your sincerely, friendly and lovingly.

Kostia.

ПЕРЕВОД:

Миссис Пати

11 сентября 1925
Гранвиллье

Восхитительная Пати!

Ваше письмо, такое дружеское, доброе и л<юбезное>, доставило мне настоящее удовольствие. Миллиард раз благодарю за него. Действительно, Вы на редкость добры и милы.

После моего последнего письма к Вам¹ я провел три недели в постоянной работе, которая была очень тяжела и изнурительна.² Только теперь впервые вздохнул с облегчением. Завтра отправляюсь в Орсе, где будет выставлена моя картина.³

Я просил Вашу фотографию — Вы, словно почувствовав мое желание, послали мне две. Они очень хороши, особенно та, где Вы стоите. Такой прелестный девичий образ! Надеюсь, что скоро получу еще известия от Вас. Передайте мой привет Вашему очаровательному мужу. Целую Ваши ручки и остаюсь искренне, дружески любящим Вас.

Костя.

¹ Вероятно, письмо от 16 авг. 1925 г. См. это письмо в наст. изд.

² С 19 августа по 9 сентября 1925 г., находясь в Гранвилле, К. А. Сомов писал большой по размерам портрет С. В. Рахманинова для фирмы Стейнвей. Извещая сестру об окончании этой работы, художник жаловался: «Стоила она мне нсвероятного труда, в жизни я никогда не работал так интенсивно. 20 дней никуда не выходя из комнаты, с 8—9 ч. утра и до 7 ч. вечера я, стоя, корпел. Устал я ужасно» (Сомов. С. 283—284).

³ 12 сентября К. А. Сомов присхал к Рахманиновым в Орсе, где гостил вплоть до 1 октября. 13 сентября он выставил на обозрение завершенный портрет композитора. «Сергей Васильевич и его семья были очень довольны работой», — писал художник сестре на следующий день (Сомов. С. 284). По условиям договора, в случас одобрения портрета композитором фирма Стейнвей должна была его приобрести. Сомов отправил в ее адрес письмо, к которому Рахманинов приписал «несколько лестных слов» о портрете.

5

3th March 1926
Grandvilliers
par Damville, Eure

My dear little Mrs Paty!

I have been such a terrible pig all this time! I think I am not deserving Your pardon ever! And You are such a darling, instead of throwing me away as an old rubbish, You send me a charming souvenir! A box of canton ginger! Which I like so much. I cannot explain my long silence by any plausible reason, I am a pig, that's all.

Perhaps only that letter-writing is not a natural thing whith me. You must not think I have forgotten that You exist! That will be never. I know that You began with our Helena to frequent american theatres, that You have seen already many charming plays, I envy You. In Paris they are so uninteresting compared with the american, that I go there very rarely, more in the opera. I have been only once to see a musical comedy «Mozart». The young ladies (Rachmaninoff s<ee> diary) invited me as their compagnon. This play is considered to be the great attraction of the season, but I find it poor.

Last month I was wholly in Paris, I painted two portraits ,one drawing in colored crayons, and one in oils. The first is finished already, I dislike it myself, but happily it pleased the lady and her husband. She is not handsome, but has something interesting in her face, which I could not catch. And then on my drawing she is a little older than she is in life. She is the wife of an important antiquary, they have many customers from America and she promised me to make my reclam, in exposing my drawing in their shop. The other portrait is only begun. It is after a russian lady, who married a wealthy man, a turk or an englishman, nobody knows, he is a bancer. She is charming stylish and very

elegant. I knew her a little in Russia, when she lived there her most gloomy days: her first husband an officer, was shot and she was imprisoned. I spend in her house very agreeable time, in the morning we work and then I have a very good lunch with wines liquors etc., to which lunch come one or two friends of hers or some of our mutual friends and we chatter, gossip and laugh. Now for a week she is gone to the french Riviera and I have a week to repose in my counts.

Paris is so exhausting! To combine work and pleasure there is sometimes very hard. I have many friends there and some of them are rather nuisance, but now avoid them! Too many ladies ,alas! And in general they are not young, women about of forty. Which does not impede them to dream of love and love-making, on contrary, the more oldish, the more erotic! It makes me sick and sady, happily I am not their target, I must be their confident! When I am in Paris, I stay as a paying guest in a very charming family, they are jews. I know them of old, when residing in Moskow. In their house I feel as in mine own. A lady is a charming and good companion. Understanding and with large vews. I liked her very much. In her good days she was a sheer beauty. In Paris I have met one or two of my best friends-more-friends of youth and childhood. That is a pleasure. A certain, Mr. Nouvel very witty and very bad old boy (but very good in the same time). Together with him we are adventuring gayly and agreeable. Paris is a divine place, not withstanding many drawbacks. But one must be young, rich and strong! Paris is overwhelmingly exhausting; how many interests, attractions, places to visit, exhibitions. One must gallop all the time not to be in the rear. Your portrait, dear friend, is here in Paris a huge success. I do not undestand how it happens! Not less that Helena's. They find it vivid, elegant and a goodly painting. And the lady herself is attractiv, they say. Here in the country the spring begins to display it's splendours. The fruit trees are in blossom.

The air is perfumed, grass is emerald green! Good by, dear friend, You are too good to grudge me seriously, although I deserve it. Pardon me and write me again. My love to Your husband. Kostia.

Приписки на полях:

Do write me again! I love your letters! And I shall be better boy myself I shall answer You at once.

You must not feel jealous of Tania, I feel toward her very tepid, she is a good nature, but now tires me, gloomy and capricious! Especially in winter and in their winter flat. Landscape and summer dresses are more becoming and enlivening her!

I hope I shall be able to send You another photo of mine. Wait a little. There is an immens difference between You and O. J.! I do cure here, and don't there!

ПЕРЕВОД:

3 марта 1926

Гранвилье

через Данвиль, Эр

Моя дорогая маленькая миссис Пати!

Все это время я был ужасной свиньей! Думаю, что даже не заслуживаю Вашего прощенья! А Вы так милы и, вместо того чтобы отбросить меня

как старый хлам, присылаете мне прелестный сувенир! Коробку кантонского имбиря!¹ Который я так люблю. Я не могу объяснить моего долгого молчания какими-либо уважительными причинами, я — свинья, вот и все. Только, вероятно, письмописание не является для меня чем-то натуральным. Вы не должны думать, будто бы я забыл о Вашем существовании! Этого не случится никогда.

Я знаю, что Вы вместе с нашей Еленой² начали посещать американские театры и уже видели много прелестных пьес, я завидую Вам. В Париже они так неинтересны в сравнении с американскими,³ что я хожу на них очень редко, больше в оперу. Только единственный раз я смотрел музыкальную комедию «Моцарт».⁴ Молодые леди (Рахманиновы, смотри приписку)⁵ пригласили меня в качестве их спутника. Эта постановка считается наиболее замечательным событием сезона, но я нашел ее слабой.

Последний месяц я целиком провел в Париже, писал два портрета,⁶ один — цветной пастелью,⁷ а другой — маслом.⁸ Первый почти окончен и не нравится мне самому, но, к счастью, понравился даме и ее мужу. Она некрасива, хотя имеет что-то интересное в лице, но этого я не схватил. К тому же, на моем рисунке она выглядит немного старше, чем в жизни. Она — жена крупного антиквара,⁹ у них много покупателей из Америки, и она обещала сделать мне рекламу, выставив рисунок в их магазине. Другой же портрет только начат. Он изображает русскую даму, вышедшую замуж за господина из Содружества,¹⁰ то ли турка, то ли англичанина — никто не знает; он банкир.¹¹ Она привлекательна, шикарна и очень элегантна.¹² Я был с ней немного знаком еще в России, в то время, когда там она переживала свои наиболее черные дни: ее первого мужа, офицера, расстреляли, а ее саму посадили в тюрьму.

Я очень приятно проводил время в ее доме, утром мы работали, а затем у меня был ланч с разнообразными винами, ликерами и тому подобным, к каждому ланчу приходили один-два из ее или наших общих друзей, и мы болтали, сплетничали, смеялись. Теперь она на неделю уезжает на французскую Ривьеру, и, по моим расчетам, я имею неделю отдыха.

Париж так изматывает. Иногда в нем трудно сочетать работу с развлечениями. У меня здесь много друзей, и некоторые из них довольно утомительны, но как можно их бросить! Увы, слишком много дам! И в основном они уже не молоды, женщины — около сорока, что не мешает им мечтать о любви и ухаживаниях, более того, чем старше, тем эротичнее. Это навевает на меня тоску и уныние; к счастью, я не являюсь их мишенью, но должен быть конфидентом! Когда я бываю в Париже, то останавливаюсь в качестве платного гостя в очень приятной семье,¹³ они евреи, я знаком с ними давно, со времен жизни в Москве.¹⁴ В их доме я чувствую себя, как в своем собственном. Дама¹⁵ — обаятельная и хороший товарищ. Понимающая и с широкими взглядами. Я ее очень люблю. В свои лучшие дни она была совершенной красавицей. В Париже я встретил одного-двух из моих лучших друзей, даже более того, юности и детства.¹⁶ Это приятно. Разумеется, г-н Нувель — очень остроумный и очень скверный большой ребенок (но, в то же время, и очень хороший).¹⁷ Вместе с ним мы весело и в полном согласии пускаемся в авантюры. Париж — божественное место, не чинящее многих препятствий. Но необходимо быть молодым, богатым и сильным! Париж

решительно выматывает; столько интересного, привлекательного, заслуживающего быть увиденным, выставок. Чтобы везде успеть, требуется все время галопировать. Ваш портрет, дорогой друг, здесь, в Париже, имеет большой успех.¹⁸ Я не понимаю, как это произошло! Не меньший, чем Елены.¹⁹ Его находят живым, элегантным и хорошо написанным, говорят, что и сама дама привлекательна.

Здесь за городом весна начала выказывать свое великолепие. Фруктовые деревья стоят в цвету. Воздух благоухает, трава изумрудно-зеленая! До свидания, дорогой друг, Вы слишком хороши, чтобы всерьез сердиться на меня, хотя я это заслужил. Простите меня и пишите. Мой привет Вашему мужу. Костя.

Напишите мне еще. Я люблю Ваши письма! И сам я буду хорошим мальчиком! Отвечу Вам сразу же!

Вы не должны ревновать к Тане,²⁰ я к ней отношусь очень прохладно, у нее хорошая душа, но сейчас она, мрачная и капризная, утомляет меня. Особенно зимой в их зимней квартире. Ландшафт и летние платья ей более к лицу и оживляют её!

Я надеюсь, мне удастся прислать Вам мое другое фото. Подождите немного. Между Вами и О<льгой> Л<авровной>²¹ огромная разница! Я исцеляюсь здесь, а не там. Кстати! Как она с Вами?

¹ Пряности, изготавливаемые из сушеного, молотого, засахаренного или консервированного в сиропе корневища многолетнего травянистого растения семейства имбирных. Имбирь кантонский растет в Юго-Восточной Азии, обладает пряным ароматом и острым пряным вкусом, употребляется для производства горьких ликеров, фруктовых соков и пуншей, а также для супов, теста, пудингов, консервированных огурцов и т. д. Придает приятный вкус жареной свинины и особенно печеной утке и грибам.

² С Еленой Константиновной Сомовой.

³ Во время пребывания в Америке в 1924—1925 гг. К. А. Сомов много и охотно посещал театры и потому хорошо представлял себе американскую театральную жизнь. 15 марта 1925 г. он писал сестре из Нью-Йорка: «Я увлекаюсь здесь с Еленой американскими актерами и актрисами. Мы ходим в последние ряды галерки, но там видно превосходно. Такой совершенной игры и таких талантов я давно не видел» (Сомов. С. 270).

⁴ «Моцарт» — комедия в стихах Саши Гитри (1885—1957) на музыку французского композитора Ган Рейнальдо (1874—1947) шла на парижской сцене в постановке автора. В роли Моцарта выступала его жена, актриса Ивонн Принтем.

⁵ Дочери С. В. Рахманинова Ирина и Татьяна.

⁶ «...Начинается моя парижская карьера портретиста!» — писал К. А. Сомов сестре 28 января 1926 г. (Сомов. С. 295).

⁷ Портрет Берты Ефимовны Поповой (бумага, графитный карандаш, акварель, пастель; 49,3 × 39,3, овал; с 1969 г. в собрании ГРМ). К. А. Сомов так охарактеризовал свою модель в письме сестре от 28 января 1926 г.: «Дама эта молодая — лет 35, может быть, даже 30. Не очень красивая, но лицо курьезное и рисовать ее интересно. Гонорар скромный, зато она обещает меня популяризировать — у нее множество богатых клиснтов и знакомых. Говорят, она очень ловкая» (Сомов. С. 294—295). Спустя неделю, 7 февраля 1926 г., художник уже жаловался сестре: во время трех сеансов дама «неистово» болтала и плохо «держала позу» (Там же. С. 296). Как явствует из этого письма, работой автор остался недоволен. Сходный, но более резкий отзыв содержится в его письме сестре от 24 февраля 1926 г.: «За эти дни я кончил портрет антикварши, всем он понравился, и ей, и ее мужу, по-моему же, он отвратный. Это не кривляние, а честный отзыв» (Там же. С. 297).

⁸ Портрет Елены Сергеевны Питтс (1891—1974), урожденной Поповой, в первом браке Билибиной, художницы прикладного искусства (холст, масло; 80,5 × 64,5, овал; с 1973 г. — в собрании ГРМ).

⁹ Александра Александровича Попова, портрет которого (бумага серая, пастель; 38,4 × 27,1) К. А. Сомов исполнил в 1928 г. В 1969 г. Б. Е. Попова, вдова изображенного, передала этот и свой портреты в дар ГРМ, где они хранятся в настоящее время.

¹⁰ Т. е. гражданина одной из стран, входящих в Британское содружество.

¹¹ «Он богатый банкир, — писал о муже Е. С. Питтс К. А. Сомов 15 февраля 1926 г. — Похож на Черномора, но довольно симпатичный и культурный, любит искусство и книги. И собирает старину <...> мы вместе обсуждали позу и костюм» Елены Сергеевны (Сомов. С. 296).

¹² «Она, как манекен в модном доме, — писал К. А. Сомов сестре 15 февраля, — переодевалась 5 раз, и я выбрал закрытое бархатное платье цвета *lie de vin* <винный — франц.>. На старинной бержерке <кресло — франц.>, обитой желтым с узорами штофом. Она так близорука, что носит очки <...> себя ими очень портит <...>. Предложил их держать в руках, чьму она очень обрадовалась...» (Сомов. С. 296—297). 19 февраля 1926 г., довольный первым сеансом миссис Питтс, Сомов спешил подлиться с сестрой: «Каким-то чудом мне удалось начать ее — хотя она позировала всего час — очень удачно, я начал прямо красками, едва набросав несколько линий углем» (Там же. С. 297).

¹³ Вплоть до 1927 г., приезжая из Гранвилле в Париж, Сомов останавливался в семье Гиришманов (Сомов. С. 575, коммент.). О Гиришманах см. примеч. к письму К. А. Сомова от 25 июня 1925 г. в наст. изд.

¹⁴ В московском доме Гиришманов у Красных ворот К. А. Сомов останавливался в январе 1910 г., когда работал над портретом Г. Л. Гиришман (1910—1911, холст, масло; 118,3 × 74,5; ныне в Приморской красной картинной галерее, Владивосток).

¹⁵ Генриетта Леопольдовна Гиришман. По словам В. Ф. Шухасвой, она была «очень дружна с К<онстантином> А<ндреевичем> и называла его Костей» (Шухасова В. Ф. О Сомове К. А. <Машинопись>. СР ГРМ, ф. 154, ед. хр. 71, л. 4).

¹⁶ Нувеля Вальтера Федоровича (1871—1949) и Бенуа Александра Николаевича (1870—1960).

¹⁷ *Нувель Вальтер Федорович*, Валичка, как называли его близкие, — один из старых друзей К. А. Сомова, одноклассник А. Н. Бенуа и Д. В. Filosofova по петербургской гимназии К. И. Мая, их сокурсник по юридическому факультету Императорского Санкт-Петербургского университета. К. А. Сомов посещал ту же гимназию, но окончил ее двумя годами раньше, в 1888 г. В отличие от своих друзей-универсантов Константин Андреевич учился в Императорской Академии художеств (1888—1897). На протяжении гимназических и последующих лет Сомов, Бенуа, Нувель и Filosofova продолжали дружить, а в 1898 г. вместе с С. П. Дягиловым, Л. С. Бакстом и другими создали новый художественный журнал — «Мир искусства» — и одноименную группу художников. Нувель был одним из ведущих членов редакции журнала (ответственным за музыкальный раздел). Композитор-любитель, он стал одним из организаторов «Вечеров современной музыки». М. В. Добужинский писал, что наряду с Бенуа, Filosofova и Дягиловым Нувель «был тем „прцем“, который придавал „Миру искусства“ особенную остроту» (Добужинский М. В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 203). По окончании университета Вальтер Федорович служил чиновником особых поручений в Канцелярии Министерства императорского двора. В эмиграции жил главным образом в Париже. После 1917 г. — постоянный сотрудник Дягилова, его биограф.

В 1914 г. по просьбе Нувеля, недовольного своим акварельным портретом работы Л. С. Бакста 1895 г. (ГРМ), Сомов исполнил портрет Вальтера Федоровича (бумага на ткани, графитный карандаш, сангина; 37,3 × 26; с 1925 г. в собрании ГРМ). Нувелю портрет понравился, автору — нет. «Сходство большое, но не животрепещущее, и для Валечкина лица интерпретация не острая. Работа очень сухая, мучительно задланная», — писал 25 сентября 1914 г. в дневнике Сомов (Сомов. С. 135).

¹⁸ Имеется в виду портрет К. М. Животовской работы К. А. Сомова, который, наряду с портретами Е. К. Сомовой и В. А. Сомова (племянника художника), был привезен в Париж и размещен в квартире Гиришманов.

¹⁹ Портрет Е. К. Сомовой.

²⁰ К Татьяна Сергеевне Рахманиновой — младшей дочери С. В. Рахманинова. В письме сестре от 23 сентября 1925 г. художник так охарактеризовал ее: «Танечка <...> замечательно милая девушка, с душой неудовлетворенной, с капризами несобидными. Мятущаяся, не знающая,

куда себя деть, недовольная собой и своей наружностью. Со мной большой друг. Мало любит, по-видимому, сестру, за что, я ее не виню. Боготворит отца и на него молится. Я как-то умею действовать на ее психологию, и ей со мной весело, даже при своей замкнутости она со мной откровенна» (Сомов. С. 286). Трижды — в 1924, 1925 и 1928 гг. — Сомов портретировал Татьяну Сергеевну.

²¹ Под инициалами О. Л., написанными в английском подлиннике по-русски, подразумевается Ольга Лавровна Сомова (ум. 1931, США) — мать Евгения Ивановича Сомова, в прошлом занималась издательской деятельностью. Что именно имел в виду К. А. Сомов в этом письме, неясно.

6

Вторник, 8 мая
1926
<Париж>

Миленьякая Paty!

Когда мы видимся?¹ Не хотите ли вы завтра вместе обедать, часов в 8-м? Назначьте мне свидание, где Вам удобнее — у вас в отеле, или где-нибудь в городе. Вчера вечером я сидел у Weber'a,² и мне казалось, что и Вы с мужем придете.

Bien à Vous

Constantin.

27, rue Casimir Périer.³

¹ В это время К. М. Животовская вместе с мужем и дочерью находилась в Париже. Свидетельства их встреч и общения с К. А. Сомовым содержатся в неопубликованных фрагментах писем художника сестре. Так, 5 апреля 1926 г., за месяц до этого письма, Константин Андреевич сообщил Анне Андреевне, что «Paty едет на лето в Париж с мужем» (СР ГРМ, ф. 133, д. 151, л. 5), а 30 мая — что она, по его предположению, «должна была приехать вчера». «Надо с ней немного повозиться, уж очень она была со мной мила в N<ew> Y<ork'>e». Приехала она с мужем и с беби 8 л<ет>, девочкой, довольно несносной. Там у меня с ней было нечто вроде романа <...> и больше с ее стороны. Теперь я совершенно не в настроении продолжать этак жить. Там больше роман этот был на глазок Елены и под ее подстрекательством. Втроем было забавно дурачиться — и ей tête-a-tête очень скучно. Вот» (Там же, л. 20 об.).

6 июня, в воскресенье, Сомов писал сестре, что день своих именин, 3 июня, он не отмечал: о них никто не знал. «Знала только приехавшая сюда Пати, но с ней этот день мы справляли только на следующий день, 4-го, легким ужином с souper de Chousogne в café Weber. Мне было лень как-то с ней возиться, когда я ее еще не видел. Но она и ее муж были так очаровательно милы и серьезны со мной, что мне пришлось растаять. Пати радовалась, увидавши меня, как ребенок. А накануне нашего 1-го свидания, с извещением, что они уже здесь, она прислала мне букет роз. Надо ей сделать удовольствие, пригласив в Grandvillie, ей, по-видимому, это очень хочется. Хочется познакомиться и с Мифемой <так Сомов и другие в узком кругу называли М. Г. Лукьянова. — Е. Я.>» (Там же, л. 22).

15 июня Сомов сообщил сестре, что познакомил Пати с Мифемой: «внешне было весело и оживленно. Но настоящего веселья не было. Миф<ема> нашла Paty милой, но незначительной» (Там же, л. 25 об.). Далее Константин Андреевич писал, что «много раз, насколько позволяла работа и усталость после нее — выдался с Paty и ее мужем». «Они очень милы, но не очень интересны. Paty увяла за то <время>, что я ее не видал, и вид у нее больной» (Там же).

Своим мнением о Животовских поделился с сестрой Сомова и Мефодий Георгиевич Лукьянов. В письме от 17 августа 1926 г. он писал: «Пати и ее муж оказались совсем неинтересными людьми, без всякой изюминки, так, что-то такое дю простое, молчаливое и к нашей компании мало подходящее, единственно, обожают Коко <К. А. Сомова. — Е. Я.>, а ему с ни-

ми скучно...») (СР ГРМ, ф. 133, д. 152, л. 22). Судя по этому письму, Пати и ее муж, приехав в Гранвиль в субботу, пробыли до понедельника. «Пати привезла пьяных вишен, а Владимир» Осипович» <Гиршман. — Е. Я.» — ананас для крющона, который испортили, положив туда змяничный компот, по совету Коко, — и весь крющон пропал!» (Там же).

Из письма Сомова сестре следует, что его начинало утомлять общение с Пати. 18 августа он писал: «Как Patty ни мила, ни проста, у меня с ней очень мало общего — только воспоминания о N<ew> Y<ork>», где она была придворной дамой Елены. Втроем нам было весело: Елена была зачинщицей всего, и отсутствия индивидуальности, некультурность и наивность Patty не имела значения...» (Там же, л. 23). Между тем Клеопатра Матвеевна осталась довольно озабоченным приездом и, вернувшись из Гранвиля в Париж, прислала оттуда Мефодию Георгиевичу и Михаилу Васильевичу Кралину «в двух аппетитных деревянных ящичках» «шоколадные конфеты и дорогие леденцы». «От Boissier, это марка!» — приписал Сомов и тут же «пожаловался»: «Т<ак> к<ак> это было прислано на их имя, меня обижают и отстраняют, и иногда только после долгих моих клянчаний и Миф<сних> отказов она <Мифема. — Е. Я.> мне в руке выносит или шоколадку или леденец! Не подло разве? А знакомые-то мои» (Там же, л. 25 об.).

В обратный путь Животовская собиралась отправиться в сентябре. 31 августа Сомов писал сестре, что 14 сентября намерен поехать в Париж, т. к. «обещал Изабелле Афанасьевне <Венгеровой. — Е. Я.> и Пати прийти повидать их перед их отъездом» в N<ew> Y<ork> (Там же, л. 28, об.). В письме от 6 сентября он уточнил цель поездки в Париж «в ближайшую субботу»: «Во-первых, сдать рисунки издателью <...>. А потом обещал двум дамам — Pату и Изабелле — их повидать перед их отъездом в Америку. Эти свидания меня совсем не привлекают, но „noblesse oblige“! С Пати мне очень скучно, она чрезвычайно мила и добра, но совершенно неинтересна, необразованна и незанимательна...» (СР ГРМ, ф. 133, д. 153, л. 1 об.).

И только 19 сентября 1926 г., уже простившись с Клеопатрой Матвеевной, Константин Андреевич отчитался сестре о том, «что делал и кого видел в Париже, где провел ровно неделю». Этот «отчет» весьма показателен, поскольку по-своему характеризует личность Константина Андреевича. Приведем его: «Приехал я туда в субботу 11-го к часу дня. К обеду поехал в пансион, где остановилась Пати со своей девочкой — муж ее уже 3 нед<ели> как уехал в N<ew> York. Хозяйка пансиона оказалась моей знакомой, т<ак> к<ак> я ее раз встретил в Америке, она тоже русская. Приятно по-домашнему укутили за небольшим круглым столом я, Пати с дочкой и один симпатичный молодой господин, друг Пати и Елены-Жени, но которого я раньше не знал. После обеда Пати мне демонстрировала все свои парижские покупки, платья, шляпки, роскошное белье, полты и другое. В 11 часов я поехал домой. Дома <у Гиршманов. — Е. Я.> совершенно пусто, т<ак> к<ак> вся семья <...> еще в отсутствии. На другой день к 11 часам утра поехал к черту на кулички на свидание с Изабеллой. Был у нее часа два. <...> От Беллы через весь город прокатился на tram'e к Пати, с ней позавтракал. А после она объявила, что везет нас, т<о> е<сть> меня и св<оего> америк<анского> друга (друг не в каком-нибудь дурном смысле!) на заказанном ею автомобиле в Versailles. Поездка была очень приятна, несмотря на воскресный день, когда в Versailles'e толпы народа, день был чудесный. Мы около двух часов гуляли по городу, смотрели боскеты и фонтаны (но они не били в этот раз), на воздухе между Vers<ailles> и Trianop'ом в ресторане пили вкусный чай с тостами и в 5 уехали в Париж опять той же красивой дорогой, через Париж, St. Cloud, через городок St. Cloude и через Булонский лес. Обедал я опять в пансионе Патти. <...> В этот же день у меня в 3 часа дня было назначено у дверей магазина <...> свидание с Пати. Мы провели в магазине около часа, и Пати покупала массу дребедени и для себя, и подарки, я ей помогал выбирать. И мне надо было купить подарки моим американцам: Ольге Лавровне — кружевное жабо, Жене — галстук, Елене — téticule. Потом с Пати пили кофе <...>. К 6-ти часам к черту на кулички, к Шуре Шишковой <к портнихе Александре Матвеевне Верховской, урожденной Шишковой, петербургской знакомой семьи Сомовых. — Е. Я.>, где я должен был видеть платье, заказанное Еленой, и весь гардероб Пати, тоже очень удачный. <...> Расставшись с Пати, я поехал домой отдохнуть...».

Накануне отъезда Животовской Сомов купил для нее в кондитерской «чудных caramels assortis», таких, как она присылала в деревню. «К 7 часам поехал к Пати в ее русский пансион обедать. После обеда провожал ее к родным ее мужа на полчас, где они должны были со всеми проститься. Пышная квартира, все сидели еще за обедом, роскошным, по-видимому, судя по его окончанию. Масса самодовольных свресев. Дядья и кузны ее мужа. С хозяйки написал портрет Сорин <...>. Потом я проводил Пати пешком, и мы трогательно расстались с поцелуя-

ми и завершениями в дружбе, любви и т<ак> д<алсе>. Она чрезвычайно добра и мила и просто-душна, настоящий человек, но, к сожалению, уж очень некультурный, хотя у нее и есть стремления образоваться, читать и смотреть на хорошие вещи. На вид она симпатичная обезьянка. Женя ее так окрестил: мартышка. Но т<ак> к<ак> она хорошо сложена и молода, ей 30 лет, то <...> ничего, особенно когда хорошо одета, что не всегда бывает, т<ак> к<ак> вкус ее в этом отношении не безукоризнен. Я ее не провожал на вокзал, т<ак> к<ак> ей негде в Cherbourg'с уходить в 8 ч<асов> утра» (Там же, л. 8—9).

² Кафе Вэбсра.

³ Парижский адрес Гиришманов.

7

12 июня <?>1926

<Гранвилье>

Дорогой

Виктор Тимофеевич.¹

Вернулся домой и сделал Вам список интересных книг, некоторые из них я читал сам, другие хороши по отзывам друзей и книжников:

Fiction :

André Gide: Les faux-monnayeurs (Edition de la revue française)

Edmond Jaloux: L'Escalier d'Or (Ed<ition> Plon-Nourrit)

Ramyn Gyzmez de la Serna: La veuve blanche et noire (Ed. S. Kra)

Tristan Bernard: Le Satyre intermittent.

Gaston Chéreau: Champi-Tortu (Ed<ition> Flammarion)

J. des Gachons: La mare aux gosses.

Taine: Thomas Graindorge.

Gabriel de Lautrec. Manuel du parfait concierge (Ed<ition> Baudinière
3 francs)

P. Feval: Le bossu (Ed<ition> Fayard et Co. 2 francs)

René Hissard: Contes sinistres (Cahiers de la 15-ne)

Elemir Bourges: Les oiseaux s'envolent et les fleurs tombent.

Henri Signoret: Noces fantastiques.

Fr. Carco: Perversités. (Ed<ition> Ferenzi)

Toulet: Bréviaire des courtisanes

Edouard Ramond: Histoire de filles et affranchis.

Pierre Mille: Christine et lui.

André de Beaunier: Picrate et Siméon.

Robert Boudry: Le valet de coeur.

Maurice de Genevoix: Rabillot.

Jean de Tinan: L'exemple de Ninon de Lenclos.

Tharaud. La tragédie de Ravailac.

... -"- Une relève.

Jules Renard: Les Cloportes.

Henri Béraud: Les seconds amours du chevalier des Grioux (1903)

André Maurois: Les silences du colonel Bramble.

No fiction:

Dr. Cabanès: Les 5 sens (Librairie: le français)

Paul Dottin: La vie et les aventures étranges de D. Foe (Perrin)

Lucas Dubreton: La petite vie de Samuel Pepys londonien (Ed<ition> Payot)
Emile Magne: Ninon de Lenclos (Ed<ition> Emile-Paul)
Dr. Cabanès: Balzac ignoré
Const. Photiadès: Cogliostro
Paul Olivier: Les Brinvilliers (Ed<ition> monde moderne).

¹ Письмо адресовано Виктору Тимофеевичу Животовскому, мужу Клеопатры Матвеевны.

8

August 4th 1926
<Grandvilliers>

My dearest Patty!

I am happy to know You are back to Paris! I am going to be there on Monday 9th. Shall we dine together? Then make me an appointment and send Your letter to Mr. Hirschmann 27, rue Casimir Perier. I shall find it when I arrive. I hope You are pleased with Your journey and quite healthy now. Did my letter to Nice reach You? Probably yes, as upon ask me how is Larionoff. Happily he is well now, only a little fizzle, he was very dangerously ill. I look forward to our assignation with the grew happiness.

Ваш К.

ПЕРЕВОД:

4 августа 1926
<Гранвилье>

Моя дражайшая Патти!

Счастлив узнать, что Вы возвратились в Париж!¹ Я намерен быть там в понедельник, 9-го. Может быть, пообедаем вместе? Тогда назначьте мне время и отправьте Ваше письмо м-ру Гиршману — 27, rue Casimir Périer.² Я найду его по приезде. Надеюсь, что Вы довольны своим путешествием и теперь вполне здоровы. Дошло ли до Вас мое письмо, отправленное в Ниццу? Вероятно, да, если Вы спрашиваете меня, как Ларионов.³ К счастью, сейчас он в порядке, только немного слаб, но был очень опасно болен. Жду нашей встречи с возрастающим нетерпением.

Ваш К.

¹ Из Ниццы.

² В этот приезд в Париж К. А. Сомов «остановился, как всегда, у Гени <Г. Л. Гиршман. — Е. Я.>. См. письмо художника сестре от 12 авг. 1926 г. (Сомов. С. 306).

³ Ларионов Михаил Федорович (1881—1964) — живописец, график, театральный художник, представитель раннего русского авангарда; в дореволюционный период — один из организаторов художественных объединений «Ослиный хвост» и «Бубновый валет». В 1915 г. вместе с женой, художницей Н. С. Гончаровой, в Швейцарии присоединился к балетной труппе С. П. Дягилева, оформил несколько балетных спектаклей Л. Ф. Мясина. С 1917 г. Ларионов и Гончарова жили в Париже. Об этом периоде жизни см.: Gontcharova et Larionov. Cinquante ans

9

8 dec<ember> 1927
Grandvilliers
par Damville
<Eure>
France

My dearest friend, charming
Paty!

First of all I wish You a very happy New Year and every thing which is good: health, successes and riches.

And then: can I be forgiven, I am still in the list of Your friends? I was piggish, piggish in the last degree with You! Answered not Your letter, did not thank You for Your wire, wich you send me to my name's day. Но я все же <...>

Send me Your regular photograph, if You have one!

ПЕРЕВОД:

8 декабря 1927
Гранвилье
через Данвиль
Эр
Франция

Мой дражайший друг, очаровательная Пати!

Прежде всего желаю Вам очень счастливого Нового года и всего хорошего: здоровья, успехов и благополучия. И затем: могу ли я быть прощен и остаться в списке Ваших друзей? Я поступил с Вами по-свински, по-свински в высшей степени! Не ответил на Ваше письмо, не поблагодарил Вас за телеграмму, которую прислали к моим именинам.¹

Но я все же чувствую, зная как Вы бесконечно добры, что Вы мне простите, тем более, что вообще «сердце не камень». И знаю я о Вас очень немного! Не то вы в New Heaven'е, не то в Нью-Йорке. Где вы поселились? Елена,² которая со мной не считается письмами и прощает мне мои долгие молчания, писала мне смутно и немного, а именно: как Вы с самоотверженностью ухаживали за больной Ольгой Лавровой,³ потом — и это уже oh shame и for shame <стыд и позор — *англ.*>! — что Вы шили одеяло для моего бывшего «врага» (впрочем, он им и не был) Джалгарова,⁴ что оно было очень роскошное, вероятно, для нечестных целей (а Вы — мать, как Вам не стыдно, и еще живя в prudish <стыдливой — *англ.*> Америке), и что самое удивительное, он Вам заплатил. Вообразил я себе сцену — Вас, сдающую работу этому дурню! В последнем письме Елена послала мне фотографию их волшебного замка с фигурками, из которых одна — Вы. Но

Вы так помолодели, что кажетесь едва старше Вашей дочки. Лет на 14, даже 12. Что делает Mr. Victor,⁵ и как вообще Ваши дела? Затеяли ли какую-нибудь business'у <деловую операцию — *англ.*> на этот год и какую? Наш Женя⁶ по-прежнему бьется как рыба о лед и ничего ему не везет. Бываете ли вы у Рахманиновых и какое на вас впечатление произвели молодые лэди's?⁷ «Светлейшая», по-моему, препротивная и дура⁸ — извините это выражение. А Таничка⁹ — мой flirt — все же ничего, она хороший человек, но с капризами и «западами». Важничает ли светлейшая с Вами, как, помнится, в тот первый приезд? Понравилось ли Вам платье, привезенное На<талей> Александровной?¹⁰ Они со мною советовались, голубого или розового цвета выбрать материю, — я ей посоветовал rose-mauve <сиреневый — *франц.*>, может быть, Вы не любите этого цвета, и я сделал ошибку, если она на этом цвете остановилась.

Про себя написать могу немного — уж очень моя жизнь однообразна — все живу в деревне — выезжаю в Париж приблизительно раз в месяц дней на 6 — на 10. Там кручусь целыми днями, очень устаю и особенного удовольствия не получаю. Много людей, много друзей, но таких, каких я имел в N<ew>Y<ork'e> (and certainly You included, and how!), <и, конечно, включая Вас, и еще как! — *англ.*>, нет. Самые, пожалуй, забавные и жизнерадостные, это Самойленки.¹¹ Но они так оба заняты: он — делами, она — шляпками — теперь она стала первоклассной модисткой,¹² — что их видишь только урывками. Из прежних нью-йоркцев часто вижу Перцова¹³ — он русский Dorian Gray of Russian <русский Дориан Грей — *англ.*>,¹⁴ хоть он и очень потерт — т<ак> к<ак> мы близко живем друг от друга и часто вместе едим в одном маленьком ресторанчике. Но хоть он и Перцов, перцу в нем никакого. Симпатичная, славянская, никчемушная натура, а теперь он уже давно «don la dèche» <без гроша — *франц.*> и все жалуется или сообщает мне один за другим свои проекты разбогатеть, и все нежизненные и нелепые. Но он мил и почему-то очень меня полюбил. Много у меня и дам «подруг», но одни из них или перезрелые в высшей степени not my taste that <не в моем вкусе — *англ.*> — другие вялые и грустные not this too <тоже не то — *англ.*> — или честолюбивые и страшные злючки — тоже very bad <очень плохо — *англ.*>! Елен и Пати не так легко найти на белом свете!

В своем уединении я очень много работаю, весь день с утра и до темноты; теперь, зимой, когда сумерки начинаются в 4 часа, меньше, а летом часов по 12. Пожалуй, даже на старости лет сделал некоторые успехи. У меня новый жанр — миниатюрить¹⁵ — верно, об этом слышали от Сомовых и, м<ожет> б<ыть>, даже кое-что видели, т<ак> к<ак> я с Венгеровой¹⁶ некоторые послал в Америку из этих работ. Но это не лучшее, что я сделал. Лучшее я оставил в Париже в виду двух возможных выставок, в Париже¹⁷ и в Брюсселе.¹⁸ Обитатели нашей фермы не все те, что вы видели. Вместо Кралина,¹⁹ уехавшего на место фермера за 100 кило<метров> от нас, с нами теперь живет мой родной племянник, тоже Сомов,²⁰ сын покойного брата.²¹ Славный, честный парень (ему 29 лет), но уж очень опростившийся, некультурный, неряшливый и простоватый. Также без перца, и мне с ним вдвоем бывает очень скучно.²² А это бывает довольно часто, т<ак> к<ак> Мефодий постоянно делает путешествия, кот<орые> длятся иногда неде-

лю, то в провинцию, то в Париж: покупать и продавать. Он ведь у нас теперь антиквар, и иногда его дела идут очень хорошо. Во всяком случае настолько, что уже теперь можно <скрасить> его скромную жизнь. Буду с Вами и со всеми мне милыми душой под Christmas и New Year's eves'ами <Рождество и Новый год — англ.>, хотите Вы того или нет; ведь мы их в N<ew> Y<ork'e> почти всегда вместе встречали! Теперь буду ждать Вашего письма! Докажите, что Вы добрая христианка и умеете прощать грехи. И пожалейте меня бедненького, смиренненького, сморщенного старичка! Поклон В<иктору> Т<имофеевичу>. Целую Ваши ручки! Ваш К. Сомов.

Приписка:

Пришлите мне какую-нибудь свою фотографию, если она у Вас есть.

¹ 30 ноября 1927 г. К. А. Сомову исполнилось 58 лет.

² Елена Константиновна Сомова.

³ Матерью Евгения Ивановича Сомова. См. примеч. к письму К. А. Сомова от 3 марта 1926 г. в наст. изд.

⁴ Представитель журнала «Opera Club», предложивший К. А. Сомову исполнить несколько обложек.

⁵ Виктор Тимофеевич Животовский.

⁶ Евгений Иванович Сомов.

⁷ Дочери С. В. Рахманинова. 22 июня 1926 г. в письме сестре К. А. Сомов так выразил свое отношение к ним: «А дочери его мне совершенно разонравились — старшую я никогда не одобрял — и теперь и младшая кажется мне нудной, капризной и невоспитанной. Я у них перестал бывать уже давно» (СР ГРМ, ф. 133, ед. хр. 151, л. 5).

⁸ Вдова светлейшего князя Ирина Сергеевна Волконская.

⁹ Татьяна Сергеевна Рахманинова.

¹⁰ Натальей Александровной Рахманиновой, женой композитора.

¹¹ *Самойленко Борис Николаевич и Фатъма Ханум* — супруги, парижские друзья К. А. Сомова, с которыми он, «американски» Сомовы и Животовские общались в 1924 г. в Америке в период пребывания там Самойленко. 28 января 1925 г. в письме сестре Константин Андреевич так охарактеризовал эту пару: «...из Нью-Йорка недавно уехали мои новые друзья в Париж — это магометанка и ее муж. С ней я познакомился летом в Париже, и она сразу стала моей подругой — она очень мила, забавна, остра на язык, говорит невероятные гадости, очень культурна, а на вид они элегантные парижане, одеты как <на> картинке из Vogue (журнал мод. — Е. Я.). Зовут ее Фатъма. Муж ее очень славный, статный и красивый самец лет 40. Хотя я с ним и редко здесь виделся, мне жаль, что они уехали. Она уже позвала к себе обедать 10-го мая: но едва ли попаду туда так рано» (СР ГРМ, ф. 133, д. 143, л. 12).

Впервые фамилия Самойленко появилась в дневнике К. А. Сомова в сентябре 1924 г. (СР ГРМ, ф. 133, д. 422, л. 47) и на протяжении 1925—1930 гг. упоминалась неоднократно. Наиболее частые упоминания о Самойленко можно встретить в дневнике композитора С. С. Прокофьева, дружившего с ними. Так, 16 июня 1928 г. он писал: «Едем обедать: Пташка, Дукельский и я, а затем к Самойленко, где Сомов, Боровский, Шушаев. Очень мило...» (*Прокофьев С. Дневник 1919—1933. Часть 2. Paris: Sprkfv, 2002. С. 635*).

Осенью 1928 г. по просьбе Сомова в течение шести сеансов, «даром, для упражнения», ему позировала Фатъма Ханум. 5 октября 1928 г. художник сообщил сестре о намерении подарить своей модели «этот этюд», от которого «она и ее муж в страшном восторге: и молодая-де, и хороша-де и т. д.». Сомов признавался, что давно сходство ему «не удавалось так живо», и тут же делал вывод: «5—7 сеансов мне довольно для довольно законченной головы» (*Сомов С. 344*). Спустя три года, 27 ноября 1931 г. художник писал сестре: «Фатъма <Самойленко> в последнее воскресенье разыграла мою масляную картину-натюрморт при свидетелях. Выигрыш достался некой русской персианке Лейлс Ханум, подруге Фатъмы. Выручила она 1800 фр., что очень хорошо, так как картину эту, лучше сказать, этюд, я писал всего один день — часов 5...» (Там же. С. 388).

Имсна Фатьмы Ханум и ее сестер Тамары и Мили Ханум встречаются также в дневниках и воспоминаниях других деятелей культуры, например в воспоминаниях композитора В. Дукельского. По словам последнего, «Фатьма-Ханум, осетинка по происхождению, обладала талантом жить широко и богато не будучи вовсе богатой. У нее был единственный в своем роде русский салон в Париже: лучшие наши художники — Сомов, Шухасв, Григорьев, Якулов, композиторы, дирижеры и кое-кто из писателей (Алданов, Зайцев, не помню, кто еще) постоянно бывали у Самойленко» (Дукельский В. Об одной прерванной дружбе // История и современность. Л., 1981. С. 248).

¹² «Фатьма для поправления финансов занялась шляпным делом (и очень успешно), и рахманиновская ссмыя была в числе ее заказчиц», — писал 2 декабря 1928 г. в дневнике С. С. Прокофьев (см.: Прокофьев С. Дневник 1919—1933. Часть 2. С. 653).

¹³ Перцов Дмитрий Петрович (1890?—?) — художник по ткани. Упоминания о нем встречаются в дневниках К. А. Сомова с февраля 1924 до 1931 г. 17 февраля 1925 г. из Нью-Йорка Сомов писал сестре: «...12-го я был на Русском балс <...>. Мне не хотелось ехать, но меня уговорила ехать вся наша компания <...>. Мне было очень скучно, хотелось домой, и я ни за что не соглашался танцевать, как меня ни упрасивали наши дамы — Таничка и Патти. Самой хорошенькой была Перцова — дочка Липковской. Ей лет 20—22. Она высокая, с совершенно безукоризненным лицом блондинки, чернбрововой, гораздо красивее своей матери. Перцов — москвич — тоже красавец, но уж слишком высокого роста и очень художавый». В 1924 г., по словам Сомова, Перцову было 34 года (СР ГРМ, ф. 133, д. 143, л. 19—19 об.).

¹⁴ Дориан Грей — герой романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1891).

¹⁵ «С апреля 1927 г. по март 1928 г. К. А. Сомов исполнил болес 50 акварельных миниатюр» (Сомов. С. 580, коммент.). 30 июня 1927 г. в письме сестре художник признавался: «Очевидно, миниатюра — мое призвание» (Там же. С. 322), а 13 ноября 1927 г. продолжал: «... право, кажется, миниатюра моя Forte <сильная сторона — франц.>, и я жалую, что давно не представлял собой жанровые сценки в духе живописи Сомова: «Объятие», «Зеркало», сценка с гуляющими в парке людьми, одетыми в костюмы XVIII в. 18 мая 1927 г. художник писал сестре, что «сделал 15 крохотных картинок, делал приблизительно по одной в день»: «Надо признаться без скромности, что некоторые из них вышли премиленными» (Там же. С. 318).

¹⁶ Венгерова Изабелла Афанасьевна (1877—1956) — пианистка, в эмиграции — профессор консерватории в Филадельфии, сестра известного петербургского историка литературы Семена Афанасьевича Венгерова (1855—1920). С Венгеровой К. А. Сомов и его сестра были знакомы еще в Петербурге, где они вместе музицировали. В Америке художник встретился с ней в мае 1924 г. Спустя несколько месяцев он познакомил Изабеллу Афанасьевну со своими американскими родственниками и их друзьями. Имя Венгеровой упоминается в письмах Сомова сестре неоднократно, в том числе от 20 и 23 февраля 1915 г. (Сомов. С. 141), 27 апреля 1915 г. (Там же. С. 145), 13 мая 1924 г. (Там же. С. 242), 11 и 25 декабря 1924 г. (Там же. С. 261, 262), 17 февраля 1925 г. (Там же. С. 268), 30 марта 1925 г. (Там же. С. 271).

¹⁷ К. А. Сомов, вероятно, имел в виду предстоящую выставку новых работ художников группы «Мир искусства», которая должна была открыться через полгода, 22 июня 1928 г.

¹⁸ «Выставка старого и нового русского искусства», приуроченная к открытию Дворца изящных искусств в Брюсселе, открылась в столице Бельгии 4 мая 1928 г. (см.: Palais des Beaux-Arts. Art russe ancien et moderne. Bruxelles, Inauguration des salles d'exposition. Mai-juin / Catalogue [Bruxelles, 1928]). К. А. Сомов представил на ней несколько работ маслом (портреты К. Животовской, С. Рахманинова, Е. Михайлова, картины «Радуга», «Русская пастораль», «Перед грозой», «Итальянская опера»), акварели, миниатюры, иллюстрации к «Манон Леско» и «Книге маркизы» и 2 фарфоровые скульптуры. О выставке см. письмо К. А. Сомова от 8 июня 1928 г. в наст. изд.

¹⁹ Кралин Михаил Васильевич (Мишель) — друг М. Г. Лукьянова, с которым он жил с начала 1925 г. на ферме в Гранвиле. См. примеч. к письму К. А. Сомова от 1 июня 1925 г. в наст. изд. В 1926 г. Сомов исполнил рисуночный портрет Кралина (местонахождение неизвестно).

²⁰ Сомов Владимир Александрович (1897—?) — сын старшего брата К. А. Сомова. В эмиграции жил во Франции, работал на фермах стюларом. Художник написал маслом его портрет (был в собр. Б. М. Снежковского, Париж), которым остался недоволен.

²¹ Сомов Александр Андреевич (1867—1903) — старший брат К. А. Сомова, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, служил в Министерстве финансов, умер от эндокардита.

Историческое

Список имен

из книги

1829

15.

исчерпавший

1)

талантливый человек

~~... ..~~
... ..
... ..
... ..
... ..

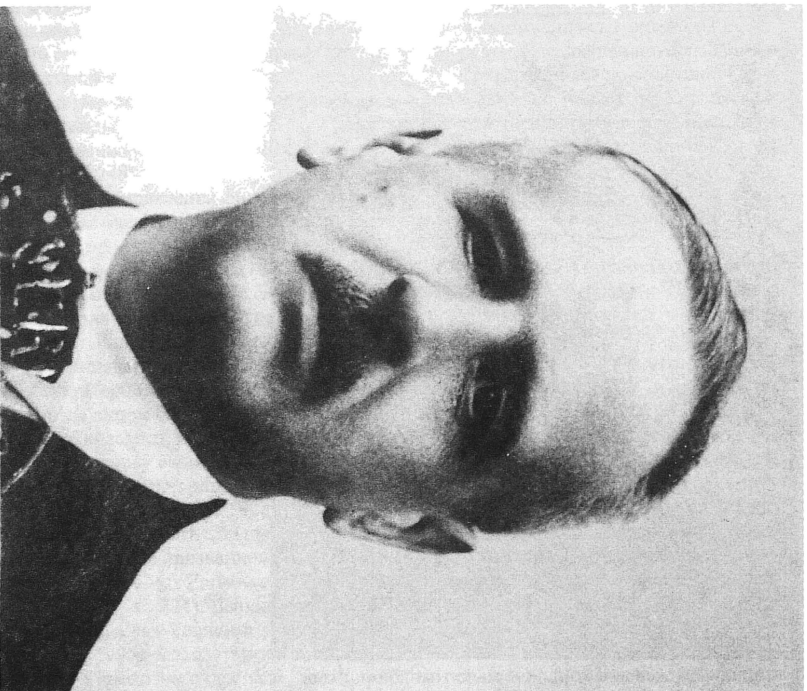
... ..
... ..
... ..

... ..
... ..

... ..
... ..
... ..
... ..

Рукопись статьи А. С. Пушкина "Отрывок из литературных летописей". (РО ИРЛИ)

В. В. Голубев. 1929 г. Париж. Фотография из паспорта.
(Частное собрание)

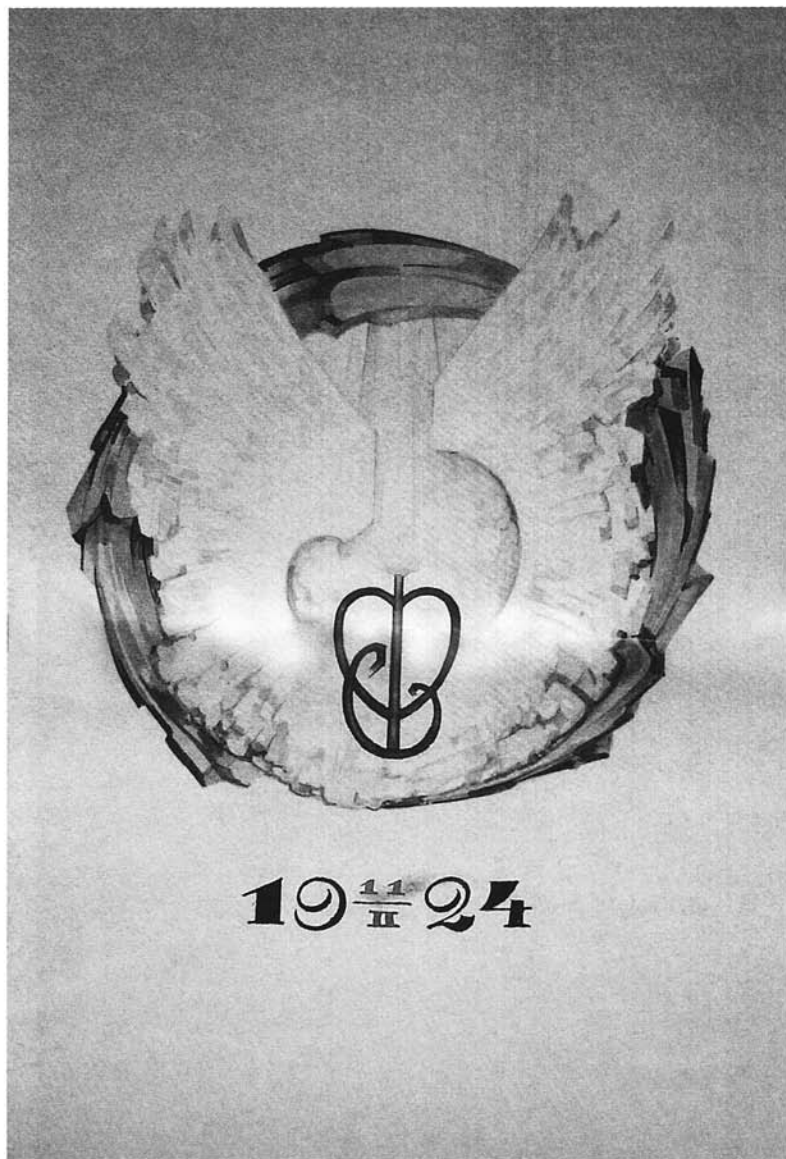

Голубев на заседании художественного кружка.
1906 г. Париж. Рис. А. Н. Бенуа. ГРМ

Юбилей Ф. Сологуба 11 февраля 1924 г. Сцена Александринского театра.

Среди присутствующих: П. Н. Медведев, А. Л. Волынский, Ф. Сологуб, А. А. Ахматова, Е. И. Замятин, В. А. Рождественский и др. (РО ИРЛИ)

Обложка адреса Пушкинского Дома Ф. Сологубу. Художник О. Ю. Клевер

В пути тысячелетий России
Всегда по порфирам души,
Хотят на минуту стать поэтами,
Хотят на минуту стать поэтами.

Душа поэта-патриота не стареет.
Ангели подтверждают этой мысли истинность.
Вы, любезнейший Федор Кузнецов, наи-
маститый поэт и романист.

В пути тысячелетий и «вешней» России не
становились ни на минуту, Россия не обессилила.
Русская поэзия удержала многовековыми свер-
шениями Ваши стихотворения, всегда строго
выдержанные, совершенные и законченные по
форме; русская художественная проза обяза-
тельна Вашими романами, полными изыска-
ния кабуцкий ум и сердца; и в драма-
тической литературе были Вы свой бога-
тый вклад.

И мне сорокантик годовичку непро-
стаюсь литературной деятельности при-
сутствует Вы, один из первых памятней

русского символизма, переживший эту
знаменательные поэтические времена жизни,
собранных.

Ваша свирель звучит для нас
важно и ясно и было прекрасными моментами,
к которым прислушиваемся с любопытством.
восторгом и любовью поклоним русских миро-
ков. Как странствующий энту-
зиаст приносит Вы чародейную
чашу и фимиамом души своей
редкой согревает.

Но что мне жизни палаты
И шелк цуриковых одежд?
В полях жести мои крылатки,
Бездурки сладостные победы.

Они стоят за мной телами,
Когда, встают великими фата,
И окриками стали
Цуру, куда глаза глядят...

Вот Ваши физические басы в Ваше по-
этическое слово.

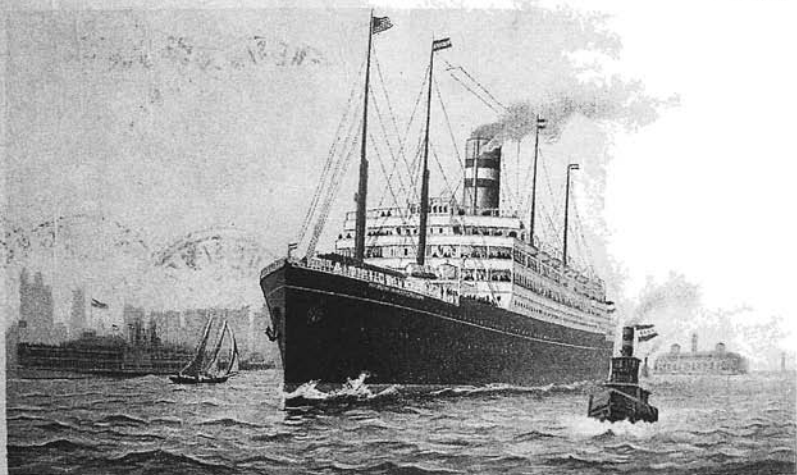
Пушкинский Дом при
Российской Академии Наук - хранитель
новой русской литературы - представляет
в лице Василия Федора Кузнецова, русского
писателя, впервые много и много литера-
турные деятели нашего времени. Прошло и
славнейшее искусство в руках своих те поэти-
ческие произведения, которые оставил русский твор-
чеством своим великий Пушкин.

11 февраля
1924 г.

В. Сологубу
Иркутск
А. В. Сологубу
Иркутск
А. В. Сологубу
Иркутск
А. В. Сологубу
Иркутск
А. В. Сологубу
Иркутск
А. В. Сологубу
Иркутск
А. В. Сологубу
Иркутск

HOLLAND-AMERICA LINE.

ROTTERDAM - NEW YORK

T.S.S. NIEUW-AMSTERDAM. 17250 TONS REGISTER - 31000 TONS DISPLACEMENT.

Почтовая открытка Holland-America Line Rotterdam с письмом К. А. Сомова от 1 июня 1925 г. на обороте. (РО ИРЛИ)

C. Somov Pinx.

Eagle Lodge, Goldess Green Rd., N.W. 11

К. А. Сомов. "Eagle Lodge, Goldess Green Rd., N. W. 11". Репродукция. (РО ИРЛИ)

К. А. Сомов в костюме фермера. Гранвилье, 1933 г. Фотография.
На обороте надпись К. А. Сомова: "Дорогой Пати от К." (РО ИРЛИ)

К. А. Сомов. Париж. 1935 г. Фотография.
На обороте надпись К. А. Сомова: "6 апр. 35".
(РО ИРЛИ)

К. А. Сомов. Париж. 1936 г.
Фотография. (РО ИРЛИ)

Сестры Наташа и Светлана Березовские перед войной.
Фотография из семьи автора

²² Несколькими месяцами раньше, 28 июля 1925 г., в письме сестре К. А. Сомов иначе характеризовал племянника: «Володя за 2 недели у нас совсем обжился, чем больше его знаешь, тем больше ценишь. У него прямо идеальный характер, всем он доволен, спокойный, веселый, работающий донельзя» (Сомов. С. 281).

10

June the 8th 1928
<Paris>

My dear, sweet friend Patty!

Yesterday I got your kind letter and, You see, I answer at once! I was so glad to receive from you some news at last! I thank you so much! And for Your kind wire too, which come some days ago exactly on my «angel-day»! It was so sweet to feel, friends far away are thinking and caring! Do not wonder if till now I did not know exactly where You were, in New York or in New Haven: nearly in every letter to Helena I asked her about your whereabouts and she never answered to this question, that does not mean, she did not write me about you in general. So I knew what a bad time You had with the sick child, and how tired you are. The last news about You I had it from the «young ladies», whom I have seen on my visit to them. Those ladies are a same as always. Tatiana rather charming, Irene less, and I found her looks worse with her hair bobbed and badly treamed. The parents are already here too, but I have not seen them yet. I have heard they shall leave all of them Paris very soon; they will spend their summer on the sea somewhere near Deanville.

As I see you have been told about our success in Brussels and it was certainly one, and a great rather, morally and commercialy. I am included in it, it has improved my finance, wich was not brillant at all the whole winter. By the by: Your picture is also on show there: «Dame aux gant noirs». I hope You have nothing against it? It had many good criticisms-it pleases. I have made a short trip to Brussels — 6 days — and am pleased with it. We, russian painters-we were 6 of them-have been cajoled and feasted by the belgian artistic set. I liked very much Brussels itself and belgian people, kind, not indifferent to art and people. I had time enough to see in Brussels and Antwerp in the museums some very beautiful old pictures. I could call Belgium «a happy isle» so different is it in comparison with Paris and New York, life somewhat old fashioned, the street traffic so quiet, people not rushing. And everything and everyone seems to be wealthy and gay. Certainly it is so provincial, but that has its charm.

For the moment I «гоняю лодыря» (that's intranslatable) and I deserve it having worked so hard all the winter. And then there the great Paris season and one must, to be up to date, see the best among the innumerable display of all sort of things — very interesting exhibition, the concerts and the theatres, we have now the russian ballets, the Mozart opera cycle, the Moskow studio theatre, to mention the most important. These two weeks I am nearly every second evening somewhere there.

Probably I shall leave Paris not before the beginning of July, I should like to spend two or three monthes in Grandvilliers, but unhappy for me — happy for Methodius who has got a good place in an antiquarian shop — I am как без рук

и без ног alone on our farm, Larionoff shall have his holiday month only in August. Perhaps I shall stay for a while at Nolde's in their beautiful chateau Destouches in Surthe, they asked me to be their guest and to paint the beautiful sites there. This family — father, mother and three sons <all grown up> is charming one, very simple in manners, unpretentions and with much culture. Are interested in music and literature. They are related — a far away cousinship — to Your baron. The site is very picturesque and if I am not lazy I can make good sort of things there.

Did You receive my letter which I wrote to You some time since? To judge by Your letter, I am afraid, You have not. Well, dear friend of mine, when shall I see You? I hope still in this world, not in the celestial one? Sinner as I am, I shall not have there even a corner! And You I am sure, not in hell!

Самые сердечные поклоны милому Victor'у! А Вам мой нежнейший поцелуй.

И не забывайте Вашего

«Костеньку».

ПЕРЕВОД:

8 июня 1928

<Париж>

Мой дорогой, милый друг Патти!

Вчера я получил Ваше доброе письмо и, как видите, сразу же отвечаю. Я был очень рад иметь наконец известия от Вас! Благодарю за них! А также за Вашу сердечную телеграмму, которая пришла несколько дней тому назад точно ко дню моего ангела.¹ Было так приятно почувствовать, что далекие друзья думают о тебе и заботятся! Не удивляйтесь, что до сего времени я не знал определенно, где Вы находитесь, в Нью-Йорке или в Нью-Хэвене: почти в каждом письме к Елене² я спрашивал о Вашем местопребывании, и она ни разу не ответила на этот вопрос, хотя это не значит, что она вообще не писала мне о Вас. Так я узнал о том тяжелом периоде, который Вы пережили из-за болезни ребенка, и о том, как Вы устали. Последние новости о Вас я имел от «молодых леди»³ во время моего визита к ним. Леди такие же, как всегда. Татьяна — довольно привлекательна, Ирина — менее, и я нашел ее внешне подурневшей из-за короткой стрижки и плохой укладки. Родители⁴ тоже уже здесь, но их я еще не видел. Слышал, что очень скоро они все вместе покинут Париж; будут проводить лето на море, где-то неподалеку от Deanville.⁵

Как я вижу, Вам рассказали о нашем успехе в Брюсселе.⁶ Он, действительно, был, и к тому же достаточно большим, как в моральном, так и в коммерческом отношении. Будучи причастен к нему, я поправил свое финансовое положение,⁷ которое оставалось отнюдь не блестящим в течение всей зимы. Между прочим: Ваша картина «*Dame aux gant noirs*» <«Дама в черных перчатках» — франц.>⁸ также там выставялась.⁹ Надеюсь, что Вы ничего не имеете против этого? Она имела много хороших отзывов и понравилась. Я совершил кратковременное — 6 дней — путешествие в

Брюссель¹⁰ и остался им доволен. Мы, русские художники — нас оказалось 6 из них — были обласканы и приняты с почетом бельгийскими художественными кругами.¹¹ Мне очень полюбились как сам Брюссель, так и бельгийцы, добрые, не безразличные к искусству и людям. У меня было достаточно времени для того, чтобы посмотреть в музеях Брюсселя и Антверпена прекрасную старую живопись. Я мог бы назвать Бельгию «счастливым островом», так отлична она от Парижа и Нью-Йорка жизнью, имеющей какое-то очарование старины, спокойным движением на улицах, никуда не спешащими людьми. И всё и все выглядят богатыми и веселыми. Конечно, это немного провинциально, но имеет свой шарм.

В настоящий момент «гоняю лодыря» (непереводимо), что я заслужил, работая весьма напряженно всю зиму. К тому же теперь — большой парижский сезон, и каждый, чтобы быть на высоте, должен посещать лучшее из бесчисленного количества зрелищ разного рода — интереснейшую выставку, концерты и театры; сейчас у нас русские балеты,¹² Моцартовский оперный цикл,¹³ Московский театр-студия,¹⁴ если перечислять только наиболее значительное. Последние две недели я почти каждый второй вечер присутствую на представлении одного из них.

Из Парижа я уеду, вероятно, не ранее июля, мне бы хотелось провести два или три месяца в Гранвиле,¹⁵ но, к несчастью для меня — к счастью для Мефодия, получившего хорошее место в антикварном магазине,¹⁶ — в одиночку на нашей ферме я как без рук и без ног. Ларионов¹⁷ будет иметь свой месячный отпуск только в августе. Может быть, я остановлюсь на время у Нольде в их превосходном шато Destouches в Surthe, они приглашали меня погостить и порисовать прекрасные виды тех мест.¹⁸ Эта семья — отец, мать и трое сыновей (все взрослые) — обаятельна, проста в обращении, непретенциозна и обладает большой культурой. Интересуются музыкой и литературой. Они находятся в дальнем родстве с Вашим бабаком.¹⁹ Место очень живописное, и если не поленюсь, то могу сделать там хорошие вещи.

Вы получили мое письмо, которое я написал Вам некоторое время тому назад? Судя по Вашему письму, боюсь, что нет. Итак, мой дорогой друг, когда я Вас увижу? Надеюсь, что все-таки в этом мире, а не на небесах? Такой грешник, как я, даже не будет иметь там угла! А Вы, я уверен, не окажетесь в аду!

Самые сердечные поклоны милому Виктору!²⁰ А Вам мой нежнейший поцелуй.

И не забывайте Вашего

«Костеньку».

¹ День ангела — именины Константина, празднуются 3 июня.

² Елене Константиновне Сомовой.

³ Имеются в виду дочери С. В. и Н. А. Рахманиновых Ирина и Татьяна.

⁴ С. В. и Н. А. Рахманиновы.

⁵ Действительно, в десятых числах июня Рахманиновы сняли дачу в Нормандии, в местечке Виллер-сюр-Мэр (villa «Les Pelouses», Villers sur Mer, Calvados). Это была «просторная, окруженная зелеными лугами и цветниками вилла», расположенная «на берегу моря» (цит. по: Соколова О. И. Сергей Васильевич Рахманинов. М.: Музыка, 1983. С. 125). Там «постоянно гостили молодые люди, музыканты и художники старшего поколения, принимавшие активное участие во всех домашних увеселениях — постановках фильмов, шарадах, музицировании и

т. п. По вечерам все собирались за большим столом и пили чай. Иногда Сергей Васильевич играл с Л. Э. Коносом на двух роялях, Ирина с Татьяной пели дуэтом, или выступал кто-нибудь из гостей» (Там же.). С 20 июля по 4 августа 1928 г. на даче гостил К. А. Сомов. 22 июля 1928 г. С. В. Рахманинов писал Е. И. Сомову: «Сейчас у нас гостит Ваш дядюшка К<онстантин> <Андреевич>. Он общал придумать сценарий для фильма, кот<орый> мы собираемся ставить. Я уже снял две фильмы, и они вышли довольно удачно» (цит. по: Рахманинов С. Литературное наследие. М., 1980. Т. 2. С. 238).

⁶ Речь идет об успехе русских художников на Международной выставке в Брюсселе 1928 г. Входившая в ее состав экспозиция «старого и нового русского искусства» включала произведения от икон до работ современных художников-эмигрантов. Подробное о выставке см.: письма К. А. Сомова сестре от 3 и 4 мая 1928 г. (Сомов. С. 333), а также: Авдюшева-Леконт Н. А. О русских художниках в Бельгии (1917—1939). Попытка обзора художественной жизни // Зарубежная Россия. 1917—1939. Кн. 2: Сб. ст. СПб.: Лики России, 2003. С. 442—447. Упоминания о выставке см. в письме К. А. Сомова от 8 дек. 1927 г. в наст. изд.

⁷ Из экспонировавшихся на выставке произведений К. А. Сомова, согласно сведениям из бельгийского архива РВА, любезно предоставленных Н. А. Авдюшевой-Леконт, были работы, принадлежавшие Анри Лебёфу (Брюссель), одному из организаторов выставки. Это «Романтический балет» и «Спящая». На выставке Лебёф приобрел такие произведения Сомова, как «Итальянская опера» и «Фейерверк» — каждое за 4000 бельгийских франков, «Зимняя прогулка» — за 4250 и «Спящая молодая женщина» — за 5000. Танцовщица антрепризы С. П. Дягилева Алиса Никитина (Париж) купила с выставки две миниатюры — «Балет» и «Комедия дель арте» — за 4000 бельгийских франков каждую, граф Корне де Вейс Руарт (?) (Брюссель) приобрел «Венецианский карнавал» за 3000 бельгийских франков и г-н Катъе (?) (Брюссель) — миниатюру «Зеркало» — за 2500. Последняя, по словам Сомова (см. письмо художника сестре от 13 мая 1928 г.), изображала «даму 18 века под вуалеткой с собачкой на руках», которая «смотрится в зеркало, профиль силуэтом, и фас в зеркале, а зеркальная рама делает как бы обрамление всей картинке» (Сомов. С. 334).

⁸ Под этим названием экспонировался портрет К. М. Животовской работы К. А. Сомова (см. прим. к письму от 16 авг. 1925 г. в наст. изд.).

⁹ 3 мая 1928 г. из Брюсселя К. А. Сомов писал сестре, что его работы на выставке были размещены «в двух разных местах, масляные картины — в одной, миниатюры и иллюстрации — в другой комнате, где вся книжная графика и книги». Фарфор экспонировался «в витрине с другими фарфоровыми вещами» (Сомов. С. 333).

¹⁰ В Бельгию К. А. Сомов отправился накануне открытия выставки, 3 мая 1928 г.

¹¹ На вернисаж помимо К. А. Сомова были приглашены художники А. Н. Бенуа, М. В. Добужинский, И. Я. Билибин, искусствоведы С. К. Маковский и П. П. Муратов. 4 мая на торжественном открытии выставки присутствовали бельгийский «король Альберт и его дочь Marie José, вся в голубом» (Сомов. С. 333).

¹² К. А. Сомов имеет в виду 21-й «русский сезон» балетной труппы С. П. Дягилева, который проходил на сцене парижского Театра Сары Бернар с 6 по 23 июня. Репертуар «Русских балетов» включал следующие спектакли: «Стальной скок», «Свадебка», «Послеполуденный отдых фавна», «Полуночное солнце», «Кошечка», «Жар-птица», «Пульчинелла», «Бараб», «Половецкие пляски». Новыми были балет «Ода» Н. Д. Набокова в постановке Л. Ф. Мясина (премьера 6 июня, показан шесть раз) и «Аполлон Мусaget» И. Ф. Стравинского в постановке Г. М. Баланчина (парижская премьера 12 июня, показан шесть раз). О впечатлениях К. А. Сомова от балетов «Ода», «Послеполуденный отдых фавна», «Кошечка», «Полуночное солнце», «Аполлон Мусaget» см. в его письмах сестре от 9 и 15 июня 1928 г. (Сомов. С. 336—338).

¹³ Абонементный цикл включал пять опер В. А. Моцарта: «Дон Жуан», «Так поступают все», «Волшебная флейта», «Свадьба Фигаро», «Похищение из сераля». Постановку и исполнением руководил известный дирижер Бруно Вальтер. О впечатлениях К. А. Сомова см. в его письмах сестре от 4 и 15 июня 1928 г. (Сомов. С. 336—338).

¹⁴ Спектакли Третьей студии Московского художественного театра шли на сцене парижского театра «Одеон». Впечатлениями от спектакля «Виринья» К. А. Сомов делился с сестрой в письме от 25 июня 1928 г. (Сомов. С. 339).

¹⁵ Планы К. А. Сомова изменились: с 20 июля по 4 августа 1928 г. он гостил у Рахманиновых в Виллер-сюр-Мэр (Villers-sur-Mer), поэтому в Гранвилле приехал только 7 августа.

¹⁶ М. Г. Лукьянов «получил место» в антикварном магазине С. Лесника (бульвар Распай, 66). Вскоре он «придумал» и организовал там выставку, включавшую примерно 60 небольших

по формату работ русских художников-эмигрантов — К. А. Сомова, А. Н. Бенуа, его зятя Ю. Ю. Черкесова, З. Е. и А. Б. Серебряковых, М. В. и Р. М. Добужинских, В. И. и В. Ф. Шухаевых, А. Е. Яковлева, всего 13 авторов. Разместившаяся в двух небольших залах выставка работала с 20 июня по 15 июля 1928 г. О ней см. письма К. А. Сомова сестре от 15, 17 и 25 июня 1928 г. (*Сомов*. С. 338—339). По словам В. Ф. Шухаевой, «Мефодий подрабатывал тем, что выискивал у антикваров в провинции старинные вещи, в которых он понимал толк, и продавал их любителям в Париже» (*Шухаева В. Ф.* О Сомове К. А. <Машинопись>. СР ГРМ, ф. 154, ед. хр. 71, л. 4).

¹⁷ Художник Михаил Федорович Ларионов. О нем см. примеч. к письму К. А. Сомова от 4 авг. 1926 г. в наст. изд. Вероятно, Сомов имеет в виду сотрудничество М. Ф. Ларионова с С. П. Дягилевым, выступления антрепризы которого после Парижа (6—23 июня) продолжились в Лондоне (25 июня—28 июля) и Остенде (29 и 31 июля). В августе труппа отправлялась в летний отпуск.

Последней совместной работой Дягилева и Ларионова стало возобновление в 1929 г. в Театре Сары Бернар балета И. Ф. Стравинского «Лисица» в измененном виде — в хореографии Сержа Лифаря и ярком, оригинальном оформлении Ларионова. Первой постановкой «Лисицы» был спектакль антрепризы С. П. Дягилева, поставленный Брониславой Нижинской в оформлении Ларионова на сцене парижского Национального оперного театра в 1922 г.

¹⁸ Приглашением семьи Нольде художник воспользовался только в сентябре. В принадлежавшем Нольде имении Шато Де Туш, расположенном в La Mans, К. А. Сомов прожил неделю — с 11 по 19 сентября 1928 г. Впоследствии он вновь гостил там: десять дней в сентябре 1929 г. и с 20 августа по 6 октября 1930 г., когда написал пастелью четыре портрета хозяев дома: барона Бориса Эммануиловича Нольде (1876—1948), его жены, Александры Андреевны, урожденной Искрицкой (1881—1932), их сына Андрея (1905—?), а также принца Гюбера де Брея. Несмотря на то что портрет хозяйки, рисованный в течение двенадцати дней, всем понравился, автор остался им недоволен. 6 октября 1930 г. в письме сестре Сомов сообщал, что только один портрет, который он «нарисовал в 3 раза и для себя с принца де Брея, очень удался и живостью лица и приятностью техники» (*Сомов*. С. 373).

С главной семьей — Борисом Эммануиловичем Нольде — видным юристом, профессором, дипломатом царского времени, государственным и общественным деятелем, и с его женой Сомов был знаком еще в Петербурге. В 1911 г. он исполнил карандашный портрет А. А. Нольде (бумага на картоне, графитный и цветной карандаши; 44,4 × 31,5; ныне в собрании ГРМ). Спустя годы, уже в Париже, в феврале 1927 г., Александра Андреевна призналась Сомову, что их беседы во время позирования «имели на нее громадное влияние и что в ее жизни многое даже она повернула иначе» (*Сомов*. С. 313).

Семья Нольде, в которую помимо родителей входили сыновья Борис (1903—1971), Андрей и Эммануил (1909—?), эмигрировала из России в 1919 г. Во Франции Б. Э. Нольде вел большую общественную и научную работу, работал адвокатом и сотрудничал с эмигрантской печатью. В начале 1920-х гг. в Париже был председателем Центральной юридической комиссии при Советании послов, участвовал в разработке паспортов для беженцев из России. Оставил воспоминания и книги о русско-французских отношениях. За участие в движении Сопровитления награжден орденом Почетного легиона.

Любопытен факт, связанный с его портретом работы Сомова (1928): отвечая на просьбу баронессы М. Д. Врангель прислать его биографические сведения, барон Нольде в приложении к письму от 8 июля 1931 г. отправил не обычную в таких случаях фотографию, а «фотографический снимок с пастельного портрета работы К. А. Сомова» (см.: *Шевеленко И.* Материалы о русской эмиграции 1920—1930-х гг. в собрании баронессы М. Д. Врангель (Архив Гувровского института в Стэнфорде) // *Stanford Slavic Studies*. Stanford, 1995. Vol. 9. P. 143—144).

В письме сестре от 18 сент. 1928 г. Сомов описал «простой и радушный, хлебосольный, совсем русский» дом Нольде в Шато Де Туш. «Хозяйка — сама доброта и простота <...>. Хозяин молодой, очень веселый, умный и образованный. Со своими 3-мя сыновьями больше товарищ, чем отец, и видно, как они его любят и уважают <...> младший, мсье Мануэль, 18-летний, учится в школе правоведения. Он своего рода вундеркинд, всем интересуется, меломан — уже недурно играет на рояле — неистовый прустист. С ним я в большой дружбе и, чтобы как-нибудь отблагодарить их всех за их радушный прием, предложил нарисовать пастелью его голову, на что он с восторгом согласился. Два раза начинал его рисовать неудачно, а третий раз

в 2 сеанса мне удалось сделать кое-что, что заслужило общие аплодисменты <...>. Старший сын, артиллерист, очень веселый и немножко сноб» (Сомов. С. 343).

¹⁹ К. А. Сомов имеет в виду проживавшего в Америке барона Льва Александровича Нольде.

²⁰ Виктору Тимофеевичу Животовскому.

11

6 декабря 1928

<Париж>

Драгоценная, милая Paty!

Только теперь собрался написать Вам, хотя уже около 2 недель прошло, как я получил от Вас через Нольде¹ «сладкий» знак Вашей любви и дружбы.² Я был так дико занят все это время! Спасибо за все, и за милую записку! Но зачем она так коротка? Почему не напишете о себе побольше? Лень или некогда?

Сейчас событие в моей жизни — моя первая, самостоятельная выставка в Париже, выставлено около 65 вещей.³ Вчера был vernissage <открытие выставки — франц.>, и сверх ожидания было так много публики, что небольшое помещение не могло всех вместить.⁴ И был успех, даже продажи.⁵ Я не ждал! Мой новый последний жанр — пастельные небольшого размера портреты — их я выставил 9 штук, многим они очень понравились. Из-за этой выставки последнее время я очень много работал, так много, что сейчас чувствую переутомление. Надо немного отдохнуть. Я почти нигде не бываю и никого не вижу. Впрочем — Вам будет интересно — недавно я посетил «our beauty» <«нашу красотку» — англ.>,⁶ увы к ней все меньше и меньше подходит этот эпитет, она очень увяла и потускнела. По-видимому, здесь, в Париже, ей нехорошо живется, все какие-то у нее неприятности, муж настаивает, чтобы она не ехала в N<ew> Y<ork>, обратно. Окружена она, как мне кажется и как я видел, какими-то донельзя скверными людьми. Она была нам приятна в хорошем антураже в Highlands'ах среди Вас и Елены. Казалась и значительной, и умной. Наедине с ней скучно.

Мне было бы очень интересно узнать побольше о Вас самих! Вы ведь не писали мне целую вечность. Что Вы делаете, кончились ли все Ваши заботы, болезни дочки? Весело ли Вам? С кем дружите? Ходите ли в театры? Что нового и интересного в них? Чем теперь занят Виктор Тимофеевич?⁷ Доволен ли он и здоров ли?

Видите, я задал Вам так много вопросов, что Вам нетрудно будет начать мне письмо! A Your old friend gets very old and I think you should not recognize him! Is there some hope of your visiting France and Paris again? That should be splendid <Ваш старый друг становится очень старым, и я думаю, Вы не узнаете его! Есть ли какая-нибудь надежда на то, что Вы вновь посетите Францию и Париж? Это было бы великолепно — англ.>.

По-видимому, Вы теперь не так часто видите с Еленой, как в мое время, почему, ведь Вы живете по-прежнему близко друг от друга? Охладели?

Или новые подруги? Помните наши уютные завтраки у Вас, Вы, Елена и я? Как все это уже далеко! Невозвратно.

Парижем я очень доволен и рад, что решил для него покинуть Нормандию и Grandvilliers.⁸

Там хорошо только летом. В этом году мы провели там всего один месяц. Было прелестно. Может быть, на Рождество поедем туда дня на два, на три.

Напишите же мне, а то я подумаю, или что вы разучились писать, или стали забывать меня.

Мой сердечный привет милому Вашему мужу!

Если позволите: целую Вас!

Ваш К. Сомов.

¹ Через барона Льва Александровича Нольде.

² В своей «Записной книжке с дневниковыми записями» К. А. Сомов оставил следующую запись: «К 9 часам пришел барон Лев Алексан<дрович> Нольде нью-йоркский, заходивший ко мне вчера в мое отсутствие и принесший мне от Елены 3 пары шелк<овых> носков и от Рату Животовской коробку карамелей <...>. Он постарел за 4 года, с сединой, мне сказал, что я несколько не изменился. Говорил о Жене с Еленой...» (СР ГРМ, ф. 133, ед. хр. 442, л. 28).

³ Выставка К. А. Сомова в галерее С. Лесника на бульваре Распай, 66 экспонировалась с 5 по 22 декабря 1928 г. Был издан каталог, включающий «60 номеров», о чем писал художник сестре 26 ноября 1928 г. (Сомов. С. 346).

⁴ Ссылаясь на М. Г. Лукьянова, К. А. Сомов в письме сестре от 7 дек. 1928 г. сообщал, что толпа «была так велика, что под конец к картинам нельзя было подойти, все толкали друг друга». Всего же «было человек 500», и среди них — «масса иностранцев, французов, немцев и других» (Сомов. С. 347).

⁵ Об успехе выставки и проданных работах К. А. Сомов написал сестре: «Многие спрашивали цены, и несколько миниатюр и одна небольшая картина были проданы». А. А. Нольде, например, «купила маленький пастельный пейзаж, изображающий вид из ее имения Шато Де Туш, вид на городок Брайн <нрзб.> сквозь ветви деревьев» (Сомов. С. 347).

⁶ Лицо не установлено.

⁷ Муж К. М. Животовской.

⁸ В конце 1927 г. К. А. Сомов приобрел квартиру в Париже, в доме на бульваре Эксельманс. 23 дек. 1927 г. он писал сестре: «Произошло у нас с Мефодием величайшее событие за эти два дня! Подумай, у нас в Париже фатера — гарсоньерка; вчера я заключил условие — и мы парижане <...>. Состоит она из одной, но сносной по величине комнаты с отличным окном на север, что для меня как раз нужно из-за живописи, с камином, над которым большое зеркало, и со шкафом, вделанным в стену <...>. Окно выходит на бульвар Exelmans; против нас, но не близко, идет виадук, по которому два раза в час проходит по поезду. Против окна растут деревья, не отнимающие света. Сообщение очень удобное всюду, и все от нас буквально в двух шагах — две линии метро, две линии трамвов в разные стороны. Но самое очаровательно то, что в 5 минутах ходьбы начинается bois de Boulogne <Булонский лес. — франц.>» (Сомов. С. 327).

В конце марта 1930 г. из этой однокомнатной квартиры, расположенной в первом этаже, Сомов и Лукьянов переехали в 16 район Парижа, в двухкомнатную квартиру на улице Civity. Вероятно, о ней вспоминала В. Ф. Шухаева: «Жили они, т. е. К<онстантин> А<ндреевич> и М<ефодий>, вместе в очень скромной квартирке. Мы бывали у них довольно часто, и меня всегда удивляли уют, чистота, опрятность, поразительные для квартиры без женщины» (Шухаева В. Ф. О Сомове К. А. <Машинопись>. СР ГРМ, ф. 154, ед. хр. 71, л. 4). В апреле 1933 г., уже после смерти Лукьянова, Сомов перебрался на другую квартиру — в соседнем доме, по адресу: 24, rue de Civity. О ней см. в письме К. А. Сомова от 22 апр. 1935 г. в наст. изд.

25 января 1932
Париж

Моя милая, дорогая Paty!

Я был чрезвычайно тронут Вашим вниманием, Вашей милой запиской и только уж очень она коротка! — и souvenir'ом: Prichi's gouger'ом <?>, который я так люблю! От души шлю Вам большое спасибо.

Мне так приятно знать, что, несмотря ни на прошедшие годы, ни на расстояние, нас отделяющее, Вы меня не забыли. И я Вас не забыл, хотя мы и не переписываемся с Вами. Всегда буду помнить, как я с Вами хорошо проводил время в New York'e и Highlands'ах, наш миленький флирт, уютные завтраки с Еленой, наше смехо-веселое время по сравнению с теперешним. Мне теперь очень тяжело, как никогда не было в жизни; видно, Вы знаете через Елену, что мой лучший друг, у которого никого нет на свете близких, кроме меня, тяжело, почти смертельно болен и уже 7 месяцев лежит в постели и борется за жизнь.¹ Мне приходится за ним ухаживать и всего себя посвятить ему. И мучиться за него нравственно. Для меня было бы ужасно, если бы он умер — тогда бы я стал совершенно одиноким. Я никуда не хожу и почти никого не вижу все эти 7 месяцев. А что впереди, не знаю; если даже больной мой выживет, выздоровление будет очень долгим: у него после плеврита сделалась чахотка. Т<ак> к<ак> ему скоро 40 лет, возраст не роковой для чахотки, у меня есть еще надежда спасти его.

От Елены знаю, что и у вас тоже было очень тяжелое время — chômage <безработица — франц.> Виктора Тимофеевича, Ваши болезни и болезни Вашей дочки. Но теперь я радуюсь за Вас искренне, все у Вас благополучно, и жаль только, что Вы разлучены с Еленой, которой Вас очень не хватает в N<ew> York'e.²

Наверно, Ваша дочь теперь стала почти взрослой — по моему расчету, ей лет 15, 16. Как идет время! Увидимся ли мы опять с Вами? Мне это<го> очень бы хотелось. Но грустно — я старею, и через каких-нибудь 5, 6 лет мне надо будет собирать свой чемодан в дальний, неизвестный путь, отку-да нет возврата! Грустно!

Будьте счастливы и впредь Вы и Ваша маленькая семья! Целую Вас!

Ваш всегда К. Сомов.

¹ Мефодий Георгиевич Лукьянов тяжело заболел летом 1931 г. В. Ф. Шухаева вспоминала: «Это был красивый крупный мужчина, производивший впечатление очень здорового человека, но вскоре затем у него оказался туберкулез, то, что раньше называлось „скоротечная чахотка“, и, недолго проболев, он скончался» (*Шухаева В. Ф. О Сомове К. А. <Машинопись>. СР ГРМ, ф. 154, ед. хр. 71, л. 4*). Вплоть до смерти Мефодия Георгиевича, случившейся 14 апреля 1932 г., Константин Андреевич за ним ухаживал. Об этом см. письма К. А. Сомова от 10 марта и 18 апр. 1932 г. в наст. изд., письма художника сестре (*Сомов. С. 387, 389—395*), а также письма его друзей и современников.

² К. М. Животовская с семьей переехала жить в Вашингтон.

10 марта 1932

<Париж>

Драгоценная моя Paty!

Получил Ваше письмо, такое милое, такое нежное, что не нахожу слов, как мне Вас благодарить, как выразить то, что я чувствую. Вы настоящий и дорогой друг. Я переживаю теперь самое тяжелое для себя время. По-видимому, положение Мефодия совершенно безнадежно, мне кажется, он доживает свои последние дни.¹ «Кажется» — это неверно, доктора сказали мне это. Недавно был консилиум из 3 докторов и среди них знаменитый специалист по туберкулезу, Рист<?>. Они вынесли этот ужасный приговор. Я совершенно не представляю, как я буду жить без моего бесценного друга, моего ангела-хранителя и опоры. Не думал, что мне придется его хоронить, думал, что доживу свою жизнь около него. Но что делать — злая такая уж наша судьба. Ни земная, ни небесная силы спасти его не могут. Кажется, было сделано все, что было в моих возможностях! Сам он, хотя и часто говорит о смерти, даже ее призывает, когда его мучения не дают ему покоя, по-видимому, еще надеется выздороветь. Но у него за всю его долгую болезнь — 9 месяцев — не было никакой энергии и желания сопротивляться. Впрочем, его сразу болезнь сильно схватила и не давала передышки. Мне очень трудно перед ним скрывать мои чувства, притворяться, изображать спокойное и бодрое лицо. В душе мрак и отчаяние. О себе я не думаю, хотя невероятно устал и силы мои ослабели.²

Вчера ко мне прибежала Таничка,³ и мы помирились.⁴ Даже расцеловались. Так как она до сих пор не поняла своего (и ее сестры⁵) проступка против нас, я ей все подробно объяснил. Она была удивлена, оправдывалась и, в конце концов, все же не поняла его. Разные у нас психологии и воспитания. Я очень рад, что эта ссора, длившаяся почти два года, закончилась. Все-таки, в конце концов, Таничка не дурной человек и могла быть лучше, если бы весь строй жизни этой семьи был бы другой. Об Ирине я не говорю, считаю ее совершенно hopeless <безнадежной — *англ.*>; глупа, эгоистична, бестактна, ничтожна и... скупа! Отвратительный недостаток у молодой женщины, имеющей денег до отказа.

Постоянно получаю от нашей Елены письма. Они всегда бодрые и жизнерадостные, я удивляюсь стойкости ее характера. А им, верно, очень, очень тяжело. Она никогда не жалуется и не ноет. Таничка говорила мне, что и на вид она бодра и совершенно не постарела. А вот Женя, говорит, расклеился, что-то у него неладное с сердцем,⁶ запретили ему курить и есть много хлеба, который он так любит.

У нас уже весна и особенно грустно. Мефодий любит жизнь, понимая ее прелести, и умирать в такое время особенно тяжело.

Я не могу написать Вам больше, нет ничего у меня интересного, все интересы, все время, все заботы — о больном.

Спасибо еще раз, дорогая, за Ваше ко мне отношение и ласку. Нежно целую Вас!

Виктору Тимофеевичу мой искренний привет.

Ваш К. Сомов.

¹ Мефодий Георгиевич Лукьянов прожил немногим более месяца.

² О состоянии К. А. Сомова 19 марта 1932 г. писал А. Н. Бснуга М. В. Добужинскому: «Бедный Костя <Сомов> не выходит из кошмара, так как Мефодий <Лукьянов> „продолжает умирать“. Костя совсем измучился. К тому же это и совершенно разорительно, так как лечение стоит бешеных денег» (цит. по: Александр Николаевич Бснуга и Мстислав Валерианович Добужинский. Переписка (1903—1957) / Сост., подготовка текста и комм. И. И. Выдрина. СПб.: Сад искусств, 2003. С. 152).

³ Татьяна Сергеевна Рахманинова.

⁴ Причина ссоры неизвестна.

⁵ Ирины Сергеевны Волконской.

⁶ О болезни сердца («грудной жабе») Евгений Иванович Сомов писал С. В. Рахманинову, который, пытаясь разуверить его, поставил свой «диагноз»: это не болезнь, а пресутомление. «Поезжайте в деревню, отдохните и Вы увидите, что дышать Вам будет легко», — советовал композитор Евгению Ивановичу в письме от апреля 1932 г. (Рахманинов С. Литературное наследие. М., 1980. Т. 2. С. 330). Спустя 19 лет, 16 июня 1951 г., М. А. Чехов писал М. В. Добужинскому о чудодейственном лекарстве в виде впрыскиваний, которые излечивают «все сердечные недомогания»: «Пишу Вам потому, что, может быть, наш милый Евгений Иванович как человек, страдающий сердцем, слышал об этих впрыскиваниях. Поговорите с ним» (цит. по: Бюклинг Л. Письма Михаила Чехова Мстиславу Добужинскому (годы эмиграции, 1938—1951). СПб.: Всемирное слово, 1994. С. 82).

14

18 апреля 1932

<Париж>

Дорогая Paty!

Ваше милое, нежное письмо я получил накануне похорон Мефодия.¹ Не удалось его спасти! Ему так хотелось жить, последние его страдания были ужаснее всех прочих, и в агонии он лежал 10 часов, лучше не описывать, как он страдал. Смотря на него, мое сердце разрывалось. Похоронил я его в отличном, деревенском месте, на кладбище St. Genevieve des Bois,² где есть «Русский дом»³ — род богадельни. Оно находится в 25 километрах от Парижа среди природы, зелени. И себе я покупаю место рядом.⁴ Прежде мне это было безразлично, теперь же — нет. Есть сладость грустная, что будем лежать рядом 99 лет, почти что вечность. Вот я живу, вижу людей, сплю, ем! Не знаю, как я могу! Но жизнь берет свое. Верно, я очень еще живучий. Пока не знаю, как устроить свою жизнь. Как-нибудь она сама устроится. Буду больше еще работать, работа меня спасала эти месяцы и, может быть, спасет от моих тяжелых мыслей. Я знаю, что с уходом Мефодия я буду видеть мир в печальном свете. Забыть Мефодия нельзя мне. Вы мало его знали. Он был такой прелестный. В отпевании в одной молитве есть слова «прелестный сон». Вот этот сон для меня ушел навеки.

Милая Пати, Ваш проэкт нам встретиться всем в избушке Жени и Елены,⁵ увы, невыполним! Перелететь туда нельзя, а делать этот путь я бы не был в состоянии, даже если бы и мог его осуществить материально. Я боюсь и грущу, что больше не увижу Вас. Меня Нью-Йорк пугает, переезд через океан тоже. Я стал другой. Совсем не предприимчивый и не способный на такие «авантюры». Уж лучше приезжайте Вы. Теперь Сомовы и Вы, если бы были со мной, мне очень помогли бы нести мое несчастье. Как гру-

стно, что мы все бедны. Я очень огорчен, что Вы мне пишете о вашем будущем, что с осени В<иктору> Т<имофеевичу> придется искать опять работу.⁶ Поедете ли Вы в избушку к Сомовым? Мефодия все наши друзья и знакомые любили, его гроб был весь покрыт цветами. Все помогали мне в это трудное время и сняли с меня самые тяжелые и неприятные заботы о похоронах и прочем.

Я все время не один.⁷ Одиночество теперь было бы совсем мучительно. Все мне советуют выходить, видеть людей, ходить на выставки, слушать музыку. Я ведь был 9 месяцев, как в тюрьме, пригвожденный к постели Мефодия и по-своему страдал ужасно. Я давно, давно был убежден, что он умрет. С самого начала его болезни я это понимал. Потом эти перепады от маленькой надежды к полному отчаянию! Я не знаю, как я все это вынес и не сломился.⁸ Последние 4 месяца меня спасала работа,⁹ а первые 5 я не мог совсем работать. Может быть, и сейчас надо за нее приняться, чтобы забиться в ней. Дорогая Пати, больше мне нечего писать, если буду писать еще, буду повторяться. Напишите мне скорей! Ваши милые всегда слова мне большое утешение. Целую Вас! Передайте Виктору Тимофеевичу мой самый сердечный привет.

Ваш К. Сомов.

¹ М. Г. Лукьянов похоронен 16 апреля 1932 г.

² Русское кладбище в Сент-Женевье де Буа, расположенное в 25 км от Парижа, является частью городского кладбища. С 1927 г. там хоронили русских эмигрантов.

³ «Русский дом» имени императрицы Марии Федоровны построен в Сент-Женевье де Буа в 1930-е гг. для проживания престарелых и нетрудоспособных эмигрантов. «Русский дом» — это усадьба, включающая дом с флигелями и парк. Ее приобрела юная англичанка Дороти Педжет и по инициативе княгини Веры Кирилловны Мещерской подарила престарелым русским эмигрантам. Во второй половине 1930-х гг. на территории прилегающего к усадьбе докупленного участка земли по проекту архитектора Альберта Александровича Бенуа (1888—1960) возведена прикладбищенская церковь Успения Богородицы (первый камень заложен в апреле 1932 г.). Торжественное освящение храма состоялось 14 октября 1939 г.

⁴ 9 мая 1939 г. на кладбище Сент-Женевье де Буа рядом с могилой М. Г. Лукьянова обрел вечный покой и сам К. А. Сомов.

⁵ Имеется в виду летняя дача, «избушка», Е. И. и Е. К. Сомовых в штате Коннектикут, находящаяся у слияния речек Помперг и Хусатоник. Одним из первых русских поселенцев этих мест в начале 1920-х гг. стал граф Илья Львович Толстой. Тогда же, вероятно, приобрели домик и Сомовы. В 1925 г. неподалеку, «среди берез, дубов и кипарисов», построил свою «избушку» и перебравшийся из Сибири в эти места писатель Г. Д. Гребенщиков. Он и дал название «русской деревни»: Чураевка. В начале 1920-х гг. в этой местности приобретали дома русские эмигранты. Помимо названных выше это были артисты балета М. М. и В. П. Фокины, авиаконструктор И. И. Сикорский, бывший член российской Государственной Думы И. И. Ушаков и др. Приезжали в «русскую деревню» С. В. Рахманинов, М. А. Чехов, Н. К. Рерих. По проекту Рериха и при финансовой поддержке Сикорского в 1930 г. в Чураевке построили часовню святого Георгия.

По словам Михаила Чехова, «Сомовичи» и спустя годы любили бывать в своей «избушке». В письме М. В. Добужинскому от 21 июня 1946 г. Е. К. Сомова писала: «...Ездим в нашу милую избушку и там забываем о жуткой современности» (*Бюклинг Л. Письма Михаила Чехова Мстиславу Добужинскому (годы эмиграции, 1938—1951)*. СПб.: Всемирное слово, 1994. С. 138). Ныне русско-американская деревня Чураевка получила официальное название и включена в национальный реестр государственных исторических памятников США.

⁶ Поиски В. Т. Животовским нового места работы, как и подавленное состояние Е. И. и Е. К. Сомовых, вероятно, были связаны с экономическим кризисом рубежа 1920—1930-х гг.

⁷ В число преданных друзей К. А. Сомова в это время входили Г. Л. и В. О. Гиришманы, В. Ф. Нувель, помогавшая ухаживать за М. Г. Лукьяновым Е. С. Поляк. Елизавета Соломоновна Поляк была подругой В. Ф. Шухаевой: они «когда-то вместе учились на женских Бестужевских курсах в Петербурге». Вера Федоровна вспоминала, что вместе с Лизой они «старались хоть как-нибудь развлечь сго <К. А. Сомова. — Е. Я.> и отвлечь от горестных мыслей. Лиза Поляк была очень музыкальна, хорошо играла на рояле, и К<онстантину> А<ндресвичу> доставляло удовольствие приходить к ней и слушать ее игру. Потом, когда он немного оправился, они стали музицировать вместе. К<онстантин> А<ндресвич> когда-то хорошо пел, у него был неплохой голос. Лиза аккомпанировала ему. На этой почве они подружились, и К<онстантин> А<ндресвич> стал часто бывать у Поляков» (*Шухаева В. Ф.* О Сомове К. А. <Машинопись>. СР ГРМ, ф. 154, ед. хр. 71, л. 5). Елизавета Соломоновна во время немецкой оккупации попала в концлагерь и там погибла.

⁸ В. Ф. Шухаева вспоминала, что после смерти М. Г. Лукьянова все «узнали другого К<онстантина> А<ндресвича>. Он сразу постарел, осунулся и стал неузнаваем. Пржде всегда ухаживавший, хорошо одетый, остроумный, иногда язвительный, не от недоброго отношения к людям, а от острой наблюдательности, он стал таким бедненьким, потерянным, что смотреть на него без слез было невозможно» (*Шухаева В. Ф.* О Сомове К. А. <Машинопись>. СР ГРМ, ф. 154, ед. хр. 71, л. 4).

⁹ В письмах сестре этого периода К. А. Сомов постоянно сообщал, что много работает. Так, 3 февр. 1932 г. он писал: «Теперь меня только спасает от полного упадка работа. Работаю чрезвычайно много и, к счастью, успешно...» (*Сомов.* С. 390); 3 апр. 1932 г.: «Все эти дни я без усталости работал» (Там же. С. 394).

15

24 сентября 1932

<Манс, Шато Де Туш¹>

Драгоценная Pату, очаровательный мой друг, получил Вашу нежную записку и при ней Ваш подарок!² Надо бы Вас было немного поругать за транжирство и баловство, но уж очень Вы мне угодили, прислали мне the right thing <нужную вещь. — *англ.*>. Ведь я, несмотря на свою старость и все свои несчастья, все еще люблю красивые и элегантные вещи и люблю их на себя напяливать. Если бы у Виктора Тимофеевича по-прежнему не было места, я бы на Вас совсем рассердился за это транжирство, ну а теперь Бог с Вами! Узнал я о том, что Вы перестали быть «безработными», от Льва Нольде,³ с которым мы съехались сюда в одно и то же время. «The most tiresome men of the world» <Самый скучный человек в мире — *англ.*>, как называет его Елена! Он все же много мне рассказывал о всех вас, об «избушке», куда вы все съехались, как жили, как Вы были деятельны и радужны, принимая общих гостей. Я обрадовался, узнав от него, что Вы совсем не изменились, что Вы такая же миленькая и такая же молодая. Про меня он тоже сказал, я удивился даже этому, что я нисколько не изменился на вид. Он ведь не способен на комплименты. Пришло ко мне в это же время длинное письмо от Елены и записка от Жени, я давно ничего от них не получал, и вот теперь я как будто бы ближе ко всем вам! Здесь я уже 3-й день, погода чудесная, еще наш rudion summer <лето в цвету — *англ.*>, чудесный старинный château, чудесный парк, масса цветов, многолюдное и симпатичное общество, давно мне знакомое, большая библиотека книг на всех языках.⁴ Все было бы хорошо, если бы не то, что мне здесь надо нари-

совать портрет in a hurry <спешно — *англ.*>, т<ак> к<ак> моя модель — старший сын Нольде,⁵ уезжает через неделю.

Я и вообще порядочный лентяй, и за это лето особенно разленился, и работа моя началась, кроме того, неудачно. Начались «муки творчества»: и стыд перед самим собой, и страх, что кончится это предприятие а failure <провалом — *франц.*>! Такой уж я несчастный каждый раз, когда приходится писать или рисовать портрет. Вашу пижаму я уже обновил здесь и был горд произведенным ею эффектом. Здесь обычай: в 8 ч<асов> утра мужской элемент спускается в столовую пить кофе в пижамах или халатах, а дамский элемент пьет кофе по своим комнатам. И вот я, благодаря Вам, теперь самый нарядный и шикарный. Надеюсь, Вам это немного приятно будет узнать. Пижамы как будто сшита мне на заказ. Я не понимаю, как это удалось Вам найти такую, совершенно по моему росту и объему! Лев Нольде сказал мне, что Вы переменили в Вашингтоне квартиру, поэтому я направляю письмо по адресу Жени, думаю, что так оно попадет в Ваши руки скорее и вернее. Нольде говорил мне, что Вашингтон чудный город, гораздо красивее и приятнее для жизни, чем N<ew> York. Рассказывал мне про Вашу Ирину,⁶ что, несмотря на свои 14 лет, она уже взрослая на вид и очень, очень хорошенькая. Я думаю, Вы ею гордитесь. Мне жаль расставаться с летом, трудно начинать городскую жизнь одному. Без моего доброго покойного друга все кажется немилым и ненужным. Первое острое чувство потери, вызывавшее отчаяние и долгую тоску, притупилось, но все же я постоянно чувствую его присутствие в сердце и мыслях. Так все это произошло жестоко, неожиданно и шиворот-навыворот: не мне надо было хоронить его, а ему меня!

Ну вот, дорогая моя верная Paty, шлю Вам мой нежный поцелуй — ведь это можно? — а Виктору Т<имофеевичу> мой сердечный привет. Ваш ... «The sweetest man You ever knew» <«самый сладкий человек из когда-либо известных Вам» — *англ.*> (это уж слишком большая несправедливая appreciation! <оценка — (*англ.*)>).

К. С.

¹ Имение семьи барона Б. Э. Нольде Шато Де Туш в La Mans.

² Судя по этому письму и неопубликованному фрагменту письма К. А. Сомова сестре от 16 янв. 1933 г. (СР ГРМ, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 182, л. 5 об.), подарком была присланная К. М. Животовской «шелковая палевая пижама».

³ Барона Льва Александровича Нольде, американского родственника Б. Э. Нольде.

⁴ В имении барона Б. Э. Нольде Шато Де Туш ранее К. А. Сомов гостил неоднократно (см. его письмо от 8 июня 1928 г. в наст. изд.). 22 авг. 1927 г. в письме сестре художник так описал это имение: «Ты не можешь представить, как здесь хорошо. Дом в 22 комнаты с закоулками, сильно запущенный, точно из романа Анри де Ренье, чудный старинный парк, террасы с каменными зверюгами. Хозяева, дама и ее 3 сына, очень любезные. Большая простота и свобода. <...> Александра Андреевна очаровательная хозяйка и умница. Сама ведет все хозяйство — поля, ферму, свиней и т. д.» (Сомов. С. 322—323).

⁵ Борис Борисович Нольде, двадцатидевятилетний сын Б. Э. и А. А. Нольде, которого К. А. Сомов называл «мсье де Туш». Портрет был начат в сентябре в Шато, но не удался, и художник заново приступил к нему уже в Париже в декабре 1932 г. 11 дек. 1932 г. Сомов жаловался сестре, что начались мучительные «свансы с мсье де Тушем»: «позирует он мне несумло, и этим меня раздражает» (Сомов. С. 398). 8 янв. 1933 г. художник писал, что все время чувствует «усталость какую-то». «Отчасти меня доканал мой портрет мсье де Туша, а еще предстоит суд семьи, который я все откладываю под предлогом, что портрету надо подсохнуть

и быть покрытым лаком» (Там же). Наконец после 21 сеанса работа была окончена. Через неделю, обращаясь к сестре, Сомов писал: «Ты можешь со мной порадоваться за меня: вчера был „роковой“ для меня день, я возил на показ „папе“ молодого де Туша, мой злокачественный портрет, успех полный у этого „папы“, а также и у младшего брата. И искренний, это было ясно» (Там же). О портрете см. также письмо К.А. Сомова от 15 янв. 1933 г. в наст. изд.

⁶ Дочь К. М. и В. Т. Животовских.

16

15 января 1933

<Париж>

Опять, миленькая Paty, Вы меня балуете!

Я только что получил Ваши *candied* <леденцы — *англ.*> и «дико» Вас благодарю!¹ Только зачем эти Ваши баловства, теперь, когда жизнь дается так трудно, когда положение ваше неустойчиво и т<ак> д<алее>.² Какая Вы транжирка! Забавные Ваши *candied* ем с большим удовольствием: ем и кое-кого угощаю, не хочу быть жадным. Получили ли Вы мое, недавно Вам написанное письмо в ответ на Ваше, новогоднее? С тех пор у меня ничего особенного не произошло. Все то же и все не очень радостное — этот год для всех какой-то мрачный, люди мало видятся друг с другом, праздники прошли совершенно незаметно, как будто их и не было. И у меня ни одного невесело совсем. После ухода Мефодия я так одинок. Работаю довольно много — только что окончил и сдал небольшой портрет с сына здешнего Нольде³ — он родственник вашего американского.⁴ Портрет понравился семье, я же им в душе очень недоволен. И это обстоятельство еще прибавляет грусти. Когда работаешь удачно, на время чувствуешь подъем и бодрость. Но удача у меня бывает очень редко. Больше огорчений. Хотя я и не сдаюсь и все время стремлюсь к усовершенствованию.

От Жени и Елены очень давно не получал известий и не знаю, что с ними. Я же им писал последний и пора бы им ответить. Их положение и, главное, здоровье Жени меня очень тревожат. Куда им пристать, кто им поможет, если придется им очень скверно. Надежда одна на Серг<ея> Васильевича,⁵ но, мне кажется, он, старея, делается все меньше и меньше отзывчивым. Что-то его и всю его семью заела скупость.⁶ А говорят, что он с Шаляпиным⁷ самый богатый в мире артист.

С его «девами»⁸ я вижусь чрезвычайно редко, как-то меня к ним не тянет. Кажется, мы с ними так коротко знакомы, так даже много с ними пережито — говорю о болезни и смерти Волконского,⁹ — а сердечной интимности никакой. Еще Таничка ничего — бывает иногда проста и приятна, но у нее новая жизнь,¹⁰ не знаю, счастливая или нет, и с ней я потерял ту немного детскую-полушуточную *alliance*'у <союз — *франц.*>, когда мы добродушно подшучивали над собой и подразнивали друг друга.

Дорогая Paty, еще раз благодарю Вас, целую Вас нежно! Виктору Тимофеевичу сердечный поклон. Ваш К. С.

¹ 16 янв. 1933 г. К. А. Сомов писал сестре, что собирается «написать благодарств<еннос> письмо в Вашингтон Paty (Клеопатре Матвеевне) — «бывшей „my flame“ <мос увлечение — *англ.*>, оставшейся одной из самых верных подруг», за то, что на днях она прислала ему «ми-

ленький деревянный ящичек, наполненный <...> вкусными сладостями», а раньше — «шелковую палевую пижаму». Денег же «у нес мало: и они <т. с. Животовские. — Е. Я.> снова персидут на положение безработных». «Эта Pary мила, простодушна, сердечна, весела, когда жизнь не очень ее треплет...», — подводил итог художник (СР ГРМ, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 182, л. 5 об.).

² В этот период США и страны Западной Европы переживали экономический кризис.

³ Портрет Бориса Борисовича Нольде. См. примеч. к письму К. А. Сомова от 24 сент. 1932 г. в наст. изд.

⁴ Барона Льва Александровича Нольде.

⁵ С. В. Рахманинова. До переезда композитора в Европу Е. И. Сомов работал у него помощником.

⁶ По отношению к С. В. Рахманинову К. А. Сомов несобъективен. Зарабатывая большие гонорары концертными выступлениями, Рахманинов немалые средства выделял на благотворительность. Например, в сезоне 1933/1934 г. он сделал несколько крупных пожертвований: гонорар за концерт в Брюсселе 3 мая 1933 г. передал в пользу русских студентов в Бельгии, сборы с парижских концертов 5 мая 1933 г. и 23 марта 1934 г. — различным русским благотворительным учреждениям Парижа. Подобных примеров множество.

⁷ Имелся в виду Федор Иванович Шаляпин (1873—1938). 22 мая 1929 г. К. А. Сомов писал сестре, что неделю назад на обеде у Рахманиновых впервые в жизни оказался рядом с певцом «не в театре», и ему Шаляпин и «весь его стиль» «очень не понравился». Сомов считал, что «он до мозга костей *sabotin* <комедиант, актриска — франц.>. <...> Сам занят и всех занимает своею особой. Со всеми любезен, но чувствуется, как это на поверхности и как он никем и ничем не интересуется» (Сомов. С. 354).

⁸ С дочерьми С. В. Рахманинова Ириной и Татьяной.

⁹ Зятя С. В. Рахманинова, светлейшего князя Петра Григорьевича Волконского.

¹⁰ 8 мая 1932 г. Татьяна Сергеевна Рахманинова вышла замуж за Бориса Юльевича Конюса, сына скрипача, альтиста, композитора Ю. Э. Конюса.

17

3 января <1934>¹
<Париж>

Милая, дорогая Pary!

Так мне было приятно опять увидеть Ваш бисерный почерк — спасибо за Вашу верную, вечную дружбу — я, кажется, ее не заслужил: может быть, моя вина больше, чем Ваша, что мы не переписываемся или что пишем так редко. Я от природы лентяй писать письма, м<ожет> б<ыть>, от того, что считаю себя неважным эпистоляром — хотя никто из моих друзей мне этого в лицо не говорит; конечно, из деликатности только.

Желаю ото всей души Вам и Вашей маленькой семье счастливого Нового года, здоровья, успехов и других возможных на земле благ. И теперь, может быть, кроме здоровья, самое главное, чтобы положение Виктора Тимофеевича² в Вашингтоне не изменилось, а укрепилось.

Миленькая Pary, напрасно Вы говорили Льву Нольде,³ что я не изменился, чудес не бывает, и я стал старым грибом. Он, Нольде, верно близорук или меня не рассматривал внимательно. Единственно, что может дать иллюзию, что я не столетний старец — это то, что я по-прежнему (то есть по петербургскому прежнему, а не по new-york'скому, где я принужден был ходить чумичкой из-за *lost of money* <отсутствия денег — англ.>, люблю франтить и ношу хорошее платье, рубашки, носки и галстуки. От этого отвыкнуть не могу и не хочу. А костюм ведь молодит.

Первую половину зимы я провел в мрачности, нелюбимстве — напал на меня пессимизм — мало встречался с людьми,⁴ совсем не ходил в театр и в концерты. Но такое настроение вызывает обычно темнота, холод, дожди, а у нас почти все время была замечательная погода, солнце и тепло. Весь декабрь была какая-то весна, точно в апреле, и сейчас еще совсем на зиму не похоже. Так что настроение мое плохое само по себе! Я после возвращения летом в Париж⁵ много работал — написал два портрета, один, скорее, удачно, другой — как раз, увы! — заказной, очень скверно.⁶ Это не помогло, конечно, поднять мой дух, наоборот! Главное то, что я до сих пор не могу примириться с мыслью, что у меня Мефодия нет.

Вы его так мало знали, что не могли иметь настоящего представления о нем, какой он был чудный человек, какой заботливый и самоотверженный друг. Такого человека второго я уже не найду никогда.⁷

Да и общая депрессия — она у нас, конечно, такая же, как у вас, и в особенности среди русских, которые действительно ужасно страдают — на меня, конечно, действует немало. И меня она касается — художники ведь *люхе* <роскошь — франц.> и теперь как будто никому не нужны — я озабочен за будущее, что, если придется когда-нибудь ночевать под мостами Сены? Впрочем, это я шучу и надеюсь, до этого не дойду. Но в этом году насчет продажи заказов очень, очень скудно — и были у меня довольно блестящие года лет пять, шесть тому назад — тогда-то я и расфрантился.

С девами Серг<ея> Вас<ильевича>,⁸ как Вы наверно знаете, я помирился — после двух годов ссоры — в этом году виделся с ними всего два раза — неинтересные они, особенно Ирина Серг<еевна>, неумелые хозяйки; когда приглашают к себе, не бывает никакого разговора, и всех заставляют целый вечер играть в фанты — будь то молодежь или взрослые, или даже старики. И так всегда, из года в год. Я не понимаю, как можно быть такими идиотками! Я не раз над ними смеялся в лицо, но ничего не помогает. Таничкин муж⁹ — ничего себе, вполне сносный, кажется, звезд с неба не хватает, но воспитанный, внимательный и, кажется, Таничку искренне любит. Чего еще надо Серг<ею> Васильевичу? За эти последние годы я в нем по многим причинам разочаровался, не нахожу его таким, каким считал его в N<ew> Y<ork'е>.

От Жени и Елены получаю письма регулярно, они меня не забывают никогда, и всегда их письма так сердечны и так меня трогают.¹⁰ Восхитительные они люди!

О болезни сердца Жени я знаю давно и от него самого, и от Елены. Я думаю, Вам, которая прожила с ними лето, виднее, очень серьезно ли его положение, или нет. M<ожет> б<ыть>, тут играет роль мнительность (не знаю, мнителен он или нет), m<ожет> б<ыть>, нервозность, ведь его жизнь была так тяжела все эти годы! А если он болен серьезно, как мне жаль его! Ведь он еще молодой человек сравнительно со мной, и ему надо бы жить еще долго. Если же у него настоящая грудная жаба — это ужасно, болезнь мучительная и неизлечимая.¹¹

Очень приятно слышать, что Вы теперь довольны своей Ириной,¹² и что она доставляет Вам только радости! Просто выросла девочка и поумнела. Нольде¹³ говорил мне, что она прехорошенькая у Вас.

С этим Нольде я виделся 3-го дек<абря>¹⁴, мы с ним встречали Новый год у Нольде парижских¹⁵ — а на другой день, 1 января, он уже должен был сесть на пароход в Америку.

Вы пишете об Елене, что она изменилась, потеряла свой добрый дух. Это так понятно ввиду положения здоровья Жени и всех их материальных невзгод. Но в письмах ее я это еще не почувствовал, никогда она в них ни на что не жалуется.

Не забудьте мне послать обещанную карточку с Вас и с Ирины! Вот, дорогой друг, и конец письму, я напишу вам еще более мелким бисером, чем Ваш. Разберете ли Вы эти иероглифы? Поклонитесь и передайте мой дружеский привет Виктору Тимофеевичу. А Вас я просто целую, нежно и крепко.

Ваш К. С.

¹ Датируя письмо К. А. Сомов ошибся, написав «3 декабря 1933», но потом исправил только обозначение месяца.

² Мужа Клеопатры Матвеевны.

³ Льву Александровичу Нольде.

⁴ Об этом же 29 января 1934 г. писал М. В. Добужинскому А. Н. Бенуа: «Костя <Сомов> по-прежнему нас сторонится, как зачумленный (в чем дело?), но я *сторонкой* от Валички <Нувеля> знаю, что и ему несладко живется. Ты бы ему написал» (цит. по: Александр Николаевич Бенуа и Мстислав Валерианович Добужинский. Переписка (1903—1957) / Сост., подгот. текста и коммент. И. И. Выдрина. СПб.: Сад искусств, 2003. С. 164).

⁵ После возвращения из Гранвилле, где К. А. Сомов находился с конца июля по сентябрь.

⁶ Одним из них может быть портрет Евгении Соломоновны Мацисевой (холст, масло; 81 × 60; с 1996 г. в собрании ГТГ), над которым К. А. Сомов работал с 26 мая по 21 июля 1933 г. (Сомов. С. 591, коммент.). Евгения Соломоновна — сестра Елизаветы Соломоновны Поляк (см. примеч. к письму К. А. Сомова от 18 апр. 1932 г. в наст. изд.), друга Сомова последних лет его жизни, почитательницы его таланта, художницы-любительницы, занимавшейся вышивкой. 6 и 11 июня 1933 г. художник писал сестре о работе над портретом Евгении Соломоновны: «шедевра, конечно, не будет, дай Бог, чтобы вышел просто „портрет портретович“. У меня она даже пока что вышла более благородного типа, чем она на самом деле. Главный недостаток ее лица — гладкий рот — почтовым ящиком и с зубами — расшатанным частоколом» (Сомов. С. 403).

⁷ Похоже был охарактеризован и сам К. А. Сомов, о котором В. Ф. Шухаева написала: «Он был очень преданным человеком, и однажды отдав кому-то свою любовь и преданность, уже не изменял ей. Таких было немного» (Шухаева В. Ф. О Сомове К. А. <Машинопись>. СР ГРМ, ф. 154, сд. хр. 71, л. 5).

⁸ Дочерьми С. В. Рахманинова.

⁹ Борис Юльевич Конюс.

¹⁰ Приведем одно из ответных писем К. А. Сомова Евгению Ивановичу и Елене Константиновне Сомовым, датированное 1 января 1934 г.:

«Дорогие мои!

Пронзен вашей памятью обо мне: сегодня получил вашу телеграмму! Вам писал очень недавно, а Елене еще вчера. Хотелось бы поблагодарить Животовских, но не знаю их адреса и даже, в каком они городе. Сообщите им при случае, как я им благодарен, что и они меня не забывают. А вас, дорогие, благодарю и целую крепко. Жду письма, хотя не очень заслужил его!

Любящий вас Костя» (РО ИРЛИ, Р. I, оп. 8, № 39).

¹¹ Речь идет о Е. И. Сомове.

¹² Дочь.ру.

¹³ Лев Александрович Нольде.

¹⁴ Описка, надо: 31 декабря.

¹⁵ В семье Б. Э. и А. А. Нольде.

Январь 1935
24, rue de Civry
Paris 16me

Милая, дорогая Пати!

Получил вашу телеграмму, очень тронут, что Вы и Виктор Тимофеевич вспомнили меня. И я вам шлю от всего сердца пожелания всех благ на Новый год. Но это мое письмецо придет к Вам с большим запозданием — не знаю вашего адреса в Вашингтоне — и при помощи моих Елены и Жени. Последнее время очень мало слышал о Вас, если не считать последнего письма Елены, из которого вижу, что вы недавно виделись. Жизнь же моя идет по-старому; увы, стал хворать, стареть совсем. Грустно это — так жить люблю! Работаю, но не успешно в смысле финансовом. Но не жалуюсь слишком — многим другим здесь еще гораздо хуже. Будет у Вас настроение, сделайте мне радость, напишите мне о себе и обо всем; я Вам отвечу более подробным письмецом.

А пока примите мой нежный поцелуй.

Ваш К. С.

22 апреля 1935
24, rue de Civry
Париж ^{xvi}

Милая, драгоценная Пати!

Только что получил Ваше письмо и вот отвечаю Вам! А Вы думаете, что мне не захочется писать Вам! Вы не стали для меня чужой — воспоминание о Вас осталось у меня очень ярким и нежным. Как я могу забыть, как Вы были добры, милы со мной и как меня баловали! Одиннадцать лет уже прошло с тех пор¹ — беспощадное время! Но вот Вы говорите, что, м<ожет> б<ыть>, мы еще увидимся, значит ли это, что Вы собираетесь так или иначе во Францию? Я Вам посылаю с себя две фотографии — одну, где я довольно презентабельный, снятую лет 7 тому назад, другую, от 1933 года, в костюме фермера из Grandvielliers.² А если Вы будете в Нью-Йорке и знакомы, т<о> е<сть> бываете иногда у Фокиных,³ попросите их показать Вам движущую ленту, которую они сняли с меня прошлым летом на моей улице. Елена и Женя ее видели и остались очень довольны моим видом: будто я совсем не изменился, только похудел. Таким образом, у Вас будет представление о моем теперешнем виде. Я очень тронут, что Вы захотели мои фотографии. Но за это пришлите мне свои, из последних. Тоже хочется мне видеть, какова Вы теперь. Возраст Ваш я еще считаю молоденьким, и унывать Вам нечего, можно еще жить и наслаждаться жизнью. Вы пишете о большом и тяжелом нравственном переживании — I presume it is love

<предполагаю, что это любовь — *англ.*>, — но не пишите мне об этом, если это Вам тяжело. Если love <любовь — *англ.*> — это и сладко, и мучительно, и грустно, но зато это настоящая жизнь. Я тоже испытал это — видите, эта полуконфиденция — намек! И несмотря на мой преклонный возраст! Теперь я отвечу Вам на Ваши вопросы. Болезнь моя заключается в артрите, и у меня поражена одна нога, двигаться могу, но медленно и с болью — а Вы, верно, помните, как я летал и как любил двигаться, — и это мне портит жизнь. Все время лечусь у хорошего франц<узского> доктора, иногда мне бывает легче, иногда хуже. Думаю, болезнь эта неизлечима в моем возрасте, можно себя только подправлять, и я делаю это глав<ным> образом очень строгим режимом. В этом году я в общем лучше себя чувствую, чем в прошлом году. Живу я теперь один уже 3 года, после смерти моего друга, умершего, как Вы знаете, от чахотки после ужасных страданий. Уже два года, как я на новой квартире из двух комнат, очень уютной, комфортабельной и светлой,⁴ я ею очень доволен; а летом живу недель 6 или 2 в Grandviellier's на моей ферме, которую никак не могу продать: она мне опостылела после смерти Мефодия. Зимой она заперта, комфорт в ней аховый, и я ищу пути, только чтоб куда-нибудь летом деться и наводить экономию. Со мной ездят уже три года двое молодых художников, он и она, люди вполне приличные, но дико неинтересные.⁵ Но без них я вовсе не мог бы ездить на эту ферму; а они так бедны и неизбалованны, что отсутствие комфорта их не пугает. Зато жизнь с ними обходится очень дешево. А экономить мне нужно, т<ак> к<ак> уже давно заработки мои как художника сильно уменьшились, и редко ко мне являются покупщики и заказчики — началось это со всеобщего кризиса года 4 тому назад. Но я все же довольно много работаю, без работы мне было бы очень тоскливо, хотя очень редко я ею доволен, и у меня как-то пропала вера в себя и энтузиазм к моему художеству. Не знаю, от старости ли (все художники кончают свою карьеру в упадке) или оттого, что я чувствую себя никому не нужным. В Париже увлечение модернизмом, знаменитости все мне не нравятся — все они гонятся за успехом и *dernier cri* <за «последним криком» — *франц.*> — я бы так работал, не потая, как они. Выставляю очень редко, последний раз мои индивидуальные выставки были в Париже в <19>28 году⁶ и в Лондоне в 1930.⁷ Выставлял я еще в 1932 году, но выставка была смешанной,⁸ и я предпочитаю, если уж выставляться, то solo <одному — *итал.*>. Мои друзья и знакомые часто меня упрекают, зачем я не выставляю, я отвечаю, что еще рано, что нет достаточно ярких вещей. Не думайте все же, что я делаю только старческий хлам — нет, иногда, как, напр<имер>, прошлым летом — я написал несколько этюдов с натуры очень удачных. Из моих постоянных поклонников у меня, в сущности, остался один — Брайкевич,⁹ — он постоянно живет в Лондоне, раза два в год приезжает в Париж и почти всегда что-либо покупает у меня, или заказывает.¹⁰ Знакомых у меня в Париже множество, но я их понемногу растериваю — нарочно: уж очень они неинтересны, буржуазны, пошлы. Множество дам, которых я изображаю, — Вы не можете себе представить, какими жалкими интересами живут здесь русские; судя по письмам Елены, в Нью-Йорке есть у русских больше интересов, или просто Сомовы нашли там избранный круг. У меня, в сущности, близких и мне милых друзей

двое: один из них моего возраста, еще мой гимназический товарищ, очень умный, веселый и талантливый человек, отлично и остроумно рассказывающий.¹¹ Другой — «сошелся черт с ребенком», но неизвестно, кто из нас черт, кто ребенок, скорее, ребенок я, — совсем молодой,¹² с ним я познакомился случайно: я искал себе натурщика для иллюстраций, заказанных мне лет 6 тому назад одним зде<шним?> издателем.¹³ И вот наткнулся на него. Он оказался очень интересным, сложным; у него мятежная душа; он большой лентяй. И поэт — пишет интересные стихи и по-русски, и по-французски. Я подружился и с его чрезвычайно милыми родителями¹⁴ и бываю у них, как будто бы у родных. Этот друг проводит со мной много времени, я часто его и потом и рисовал, и писал,¹⁵ он мой вечный компаньон в синема, без которого жить не может.¹⁶ Со мною он очень откровенен, рассказывает о себе все решительно, и мне с ним всегда весело: я с ним как-то молодею. Я ведь не люблю людей моего возраста, стариков и старух — м<ожет> б<ыть>, это странно, но я с ними не имею общих интересов и очень скучаю, оттого ли, что я художник, или оттого, что у меня не старая душа, не знаю. И старики, к счастью, ко мне не льнут, верно, чувствуют. Живу я совершенно без театров и концертов после смерти Мефодия,¹⁷ с которым мы носились по ним, перестал и так привык к этому, что меня даже не тянет. И к тому же тут была экономия: сидеть в дорогих местах было бы приятно, а на галерках — в парижских театрах они ужасны по сравнению с N<ew> Y<ork>'ом — утомительно, жарко, неудобно. Исключение делал только для молодого русского балета из Monte-Carlo,¹⁸ им я года 3 как увлекался, и вправду это было какое-то чудо — сочетание молодости, красоты и искусства, но теперь и к нему я остыл. Жаль, что Вы не видели этого балета, как и Елена.¹⁹ Вот Чехова я не видел,²⁰ а Сомов мне о нем пишет чудеса.²¹ Я не пошел, потому что в Москве, когда он был совсем молод, Чехов мне не нравился или очень мало.²² На Ваш вопрос, «неужели Вы стали совсем старичком», честнее было бы ответить «да»! Хотя я все еще люблю жизнь и умирать не хочу, но чувствую, что и мозгами я ослаб, память ослабла, скоро устаю и т. п. Но на людях я стараюсь свою старость скрывать. Но по-прежнему люблю хорошее платье, галстуки и стараюсь иметь вид элегантный, насколько это позволяет моя несуразная фигуришка.²³ Мои знакомые мне часто говорят, что я smart <щеголеватый — англ.>. В N<ew> Y<ork>'е я таким не был еще, т<ак> к<ак> было мало денег, но лет 7 тому назад я много зарабатывал и имел возможность заказать себе платья у первоклассного портного и заказал их тогда так много, что мне их хватит на всю, кажется, жизнь. Не знаю, интересна ли Вам эта подробность из моей жизни, я пишу о ней, т<ак> к<ак> считаю костюм и вкус, и умение одеваться very important <очень важным — англ.> для мужчины. А Вы как думаете? А что с Вами, чем Вы болеете? Лечитесь ли и бережете ли себя? Я от Елены знаю, что Вы были очень больны, но это же давно. А какая Вы были подвижная, бодрая и веселая, неужели это прошло? Жаль, очень жаль, если так. Я удивляюсь, как Вам удалось сделать из дочки Вашей²⁴ «русскую девушку»! Ведь, наверно, это было очень трудно сделать? Я помню ее совсем маленькой американочкой, едва говорящей по-русски. Верно, она вышла у Вас очень хорошенькой, девочкой она обещала стать такую.

Я стал большим домоседом — очень люблю по вечерам сидеть дома или принимать моих двух друзей.²⁵ Или читаю; к счастью, мои глаза мне еще это позволяют, хотя я и днем достаточно их утомляю иногда мелкой, миниатюрной работой. Чем дальше, тем больше грущу о своей сестре, уже 11 лет, как мы в разлуке;²⁶ и она эту разлуку до сих пор очень остро чувствует. Мы всю жизнь прожили в одном доме,²⁷ всегда всюду вместе показывались; она меня больше любила, чем своего скучного неинтересного мужа;²⁸ нас шутя называли сиаемскими близнецами. А теперь мне кажется, что мы на этом свете не увидимся, ей уже 62 года, она стала хворать. Ехать мне в Россию невозможно из-за бесконечных причин, хотя бы уже из-за того, что я бы там умер с голода из-за моей ненадобности как художника. Моя сестра овдовела года 2 тому назад, в мое отсутствие у нее родились две внучки — одно ее утешение, но она все еще грустит обо мне. Она же приехать во Францию не может, это, как Вы, верно, знаете, не позволено тамошним гражданам, да и стоило бы, если бы даже позволили, целое состояние. Вы меня спрашиваете о Рахманиновых²⁹ — я иногда только выдаю Таничку,³⁰ единственную из них, которая ко мне неплохо относится; но и она скорее равнодушна, существую ли я, или нет. Когда встречаемся раз или два в год случайно где-нибудь, зовет к себе на five o'clock <чаепитие в пять часов — *англ.*>, и это все. Получаю открытку в год. Муж ее очень любезный, но очень ничтожный и на вид и на разговор.³¹ Занята она и своим сыном.³² Княгиню,³³ которую определенно не люблю, не вижу почти никогда. А Сергей Вас<ильевич>³⁴ никогда обо мне не вспоминает, никогда не выражает, хотя бы через Таничку, желания меня видеть. Если бы он пожелал, я бы, не ожидая его визита или письма, пошел к нему на свидание, но вот уже 5 лет, как он меня не вспоминает. А навязываться я не хочу. Тут м<ожет> б<ыть> причина та, что я во время болезни Мефодия и безденежья попросил у него в долг денег на основании того, что, когда у меня все было благополучно, он предлагал мне денег на покупку мастерской в Париже. В просьбе моей он не отказал, но предложил мне такую жалкую сумму! Я ее должен был все же взять и очень скоро после смерти Мефодия ее вернул полностью. Мне было досадно, что я к нему обратился, а ему, м<ожет> б<ыть>, теперь совестно, что он отозвался такой мизерной суммой. Они ведь все чрезвычайно скупы, до безобразного иногда. Когда я просил у него довольно крупную сумму — я был уверен, что рано или поздно с ним расплачусь. Он, верно, побоялся, не поверил.

Дорогая, Вашу верность я ценю чрезвычайно и удивляюсь ей — это так редко на нашем свете! Как мне ее не помнить? Мог бы Вам написать об этом много! Верьте, Вы остались у меня очень светлым воспоминанием. И как иногда нам было весело с Вами, на даче Webster'a, помните?

Что я сейчас читаю, спрашиваете Вы меня: всякую всячину — много исторических и биографических книг, романов немного.³⁵ Новые французские редко хороши и интересны. Читаю и по-английски: недавно перечел «Wuthering Heights» Emily Brontë <«Грозовой перевал» Эмили Бронте>,³⁶ ее англичане считают «great» <«великой» — *англ.*>, но при всем таланте этой Emily книга ее мне кажется наивной и придуманной, хотя воображение для одинокой девицы, жившей в глуши, очень замечательное. Иногда перечитываю русских классиков — то, что читал давно и забыл.³⁷ Ну вот,

дорогая Пати, наболтал я Вам, будете ли Вы иметь теперь представление, какой я теперь? Разберете ли Вы мои каракули? Мне совестно за них, но что же с собой поделаешь? Виктору Тимофеевичу и Ирине³⁸ сердечный привет, а Вам самый нежный поцелуй и благодарность за память и верность!

Ваш К.

Перед отправкой перечел это письмо, вышло оно сумбурное и неумелое и нелитературное: не взщите! Всегда не умел хорошо писать. Зато целый манускрипт! Фотографии пришлю в отдельном конверте.

¹ К. А. Сомов ведет отчет с того времени, когда в декабре 1923 г. в составе группы советских представителей он был командирован в Соединенные Штаты Северной Америки для содействия «Выставке русского искусства». Цель выставки заключалась в том, чтобы, «с одной стороны — ознакомить американское общество с русским искусством, а с другой — реализовать наиболее выгодно данные на выставку произведения и тем самым обеспечить художников на более или менее продолжительное время» (цит. по: *Сомов*. С. 565—566, коммент.). О пребывании в Нью-Йорке, подготовке и проведении выставок см.: РГАЛИ, ф. 974 («Выставка картин русских художников в Америке»), СР ГРМ, ф. 133 (К. А. Сомов), ОР ГТГ, ф. 106 (И. Э. Грабарь), ГАРФ, ф. 5283; Собрание Российского фонда культуры: Коллекция общества «Родина»; *Виноградов С.* О выставке русского искусства в Америке // *Перезвоны*. 1925. № 1; *Сомов*. С. 228—244, 253—275; *Грабарь И.* Письма 1917—1941. М.: Наука, 1977; *Грабарь И. Э.* Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках. М.: Республика, 2001; *Землякова О., Леонидов В.* Триумф в Америке // *Русское искусство*. 2004. № 1 и др.

Об участниках так называемого выставочного комитета вспоминал И. Э. Грабарь — московский художник и в тот период директор Государственной Третьяковской галереи: «В поездке приняли участие следующие лица: И. Д. Сыгин, долготелетний сотрудник Сыгина, педагог И. И. Трояновский, однофамилец доктора Трояновского, С. А. Виноградов, художник, один из наиболее активных деятелей „Союза русских художников“, и, вместе с Трояновским, ближайший помощник Сыгина по организации выставки, скульптор С. Т. Коненков, художник Ф. И. Захаров, К. А. Сомов, в качестве представителя интересов петроградцев, В. В. фон Мекк, в качестве знатока английского языка, <...> и я — всего восемь человек» (*Грабарь И. Э.* Моя жизнь. С. 278).

В январе 1924 г. группа прибыла в Нью-Йорк, где 8 марта в центре города, на углу Лексингтон-авеню и 46-й улицы, на двенадцатом этаже Grand Central Palace, открылась выставка. Экспозиция включала произведения всех групп и всех направлений, «за единственным исключением ультрамодернистов» (*Сомов*. С. 567, коммент.). Всего, согласно каталогу, в выставке участвовали 93 художника, представлявших 914 произведений. Выставку сопровождали два варианта каталога: один иллюстрированный, другой, удешевленный, без иллюстраций. Составителями каталога были Грабарь и Сомов; однако фамилия Константина Андреевича в выходных данных издания отсутствует (см.: *The Russian art exhibition / Introduction and Catalogue by Igor Grabar. Cover design Sergey Chekhonin. Ornaments by Anna Ostroumova-Lebedeva. New York, 1924*). Каталог включал два предисловия. Автором первого (с. 1—5) был американский искусствовед Christian Brinton, второго (с. 6—13) — Игорь Грабарь.

Каталог на выставке продавали «русские дамы-волонтеры — Е. К. <Сомова> и несколько ее подруг» (*Сомов*. С. 233), в числе которых была, конечно, и К. М. Животовская. Грабарь писал: «Еще до открытия выставки туда приходили все бывшие в то время в Нью-Йорке русские. А их было множество — подлинный „русский сезон“. В самом деле, кроме нас там были Шаляпин, выступавший в опере, была Анна Павлова, были Балиев со своей „Летучей мышью“, Фокин со своим балетом и школой, К. С. Станиславский с Художественным театром <...> С. В. Рахманинов, А. И. Зилоти, И. Л. Толстой, скрипка Ауэр, Яша Хейфец. Несмотря на всю разнокалиберность этой публики, вся она служила делу пропаганды русского искусства. Русское было решительно в моде» (*Грабарь И. Э.* Моя жизнь. С. 283).

В экспозиции выставки было представлено 38 произведений Сомова (см. Каталог, № 690—738), из которых 11 картин, 4 миниатюры (масло), 3 акварели, 18 раскрашенных авто-

ром гравюр к «Книге маркизы» (Le Livre de la Marquise. Recueil de poésie et de prose. Le choix des morceaux de poésie et de prose compris dans ce recueil a été fait par peintre Constantin Somoff, auteur des sujets et des ornements qui les accompagnent. St.-P.: R. Golické et A. Wilborg, 1918) и 2 фарфоровые композиции: статуэтки «Влюбленные» (1905) и «Дама, снимающая маску» (1906). Уже на следующий день после вернисажа было продано несколько произведений Сомова, в том числе за 750 долларов — «Венецианский маскарад» (*Грабарь И.* Письма 1917—1941. С. 114). В ходе работы выставки несколько картин приобрел С. В. Рахманинов; среди них «сомовский nature morte» (Там же. С. 126). В целом же материальный успех выставки значительно уступал успеху моральному. «Громоздкость выставки и ее разношерстный состав оказались такими минусами, которые мешают коммерческой стороне дела» (Там же. С. 120). После завершения выставки в Нью-Йорке 20 апреля 1924 г. на ее базе были сформированы две передвижные выставки — «Южная» и «Северная», каждую из которых сопровождал отдельный каталог. «Южная» выставка (1 ноября 1924 г.—15 ноября 1925 г.) завершилась в Портленде, а «Северная», начавшаяся 15 декабря 1924 г., закончилась в Торонто (Канада).

Из советских представителей, приехавших в Нью-Йорк, на родину вернулись трос: Грабарь, Сытин и Трояновский. В Америке остались Коненков, Захаров и фон Мекк, «Сомов поехал в Париж <...> Виноградов — в Ригу, где также осел» (*Грабарь И. Э.* Моя жизнь. С. 288).

10 февр. 1924 г. в письме жене Грабарь кратко охарактеризовал каждого участника инициативной группы. Константин Андреевич Сомов, по его словам, «очень аккуратен и практически деловит. В эмпиреях не витает, а всегда трезв. В искусстве весьма нетерпим и вкусов определенных. Он и великих импрессионистов-классиков не очень жалует, за немногими исключениями <...> а к москвичам относится, видимо, резко отрицательно, считая все это никому не нужными перепевами Сезанна. <...> Он хороший товарищ, хотя довольно эгоистичен — иногда до наивности — в мелких, впрочем, а не в крупных вещах. Очень честен и не лукав. Нужен для дела здесь чрезвычайно» (*Грабарь И.* Письма 1917—1941. С. 99—100). Отмечая воспитанность и деликатность Сомова, Грабарь отнес его к представителям «рафинированного дворянства», сопроводив свое определение следующим примером: «первая интересовавшая его нью-йоркская покупка — шелковый халат» (Там же. С. 100). Ранее, в письме жене от 14 янв. 1924 г., Грабарь изложил суть его разногласий с Сомовым «по вопросам современного искусства»: «Я очень горячо отстаиваю свой взгляд, резко отрицательный, на всякие вариации подделки под старых мастеров. Он возражает: „ну, что ж, а новые подделки Вы допускаете? Весь Кончаловский — это подделка под Сезанна и мне просто смешно утверждение Трояновского (Скатертного), что „Кончаловский первый живописец в Европе“. Лучше подделываться под стариков, чем под новичков”» (Там же. с. 84).

Важные сведения содержатся в письме и о Евгении Ивановиче Сомове. Грабарь писал, что, «благодаря большим связям и множеству друзей среди американцев» он «сделал много важного и полезного для выставки»: «устраивал — и очень удачно — все дела в таможене, вел переговоры с разными учреждениями о сложении пошлин, о льготах, о наиме помещения и т. п.». В целом Грабарь охарактеризовал Евгения Сомова как «очень милого человека, неглупого, образованного, по специальности инженера». Раньше он, «кажется, много работал в иностранных отделениях Центросоюза или что-то в этом роде. Приятель Зилоти и особенно Рахманиновы. Сейчас в каком-то предприятии служит. Живет скромно. Деньги даются нелегко. Одну комнату приходится в квартире сдавать и сдал ее сейчас дяде — Сомову» (Там же. С. 100).

² Фотография 1933 г. хранится ныне в РО ИРЛИ: Р. I, оп. 8, № 41, л. 7. На оборотной стороне снимка авторская надпись графитным карандашом: «Дорогой Пати от К.».

³ *Фокины — Михаил Михайлович* (1880—1942), балетмейстер, танцовщик, педагог и его жена, *Вера Петровна* (урожд. Антонова; 1886—1958), танцовщица, балерина, педагог — участники «Русских сезонов» С. П. Дягилева. С 1918 г. постоянно жили за границей. С 1923 г. Вера Петровна преподавала в частной Студии Фокиных в Нью-Йорке. В «русской деревне» в штате Коннектикут у Фокиных, как и у Е. И. и Е. К. Сомовых, была летняя дача, где гостили Животовские; тогда, вероятно, и произошло их знакомство с Фокиными.

В 1924 г. Сомов нарисовал Веру Петровну («Балерина В. П. Фокина»). Бумага, графитный карандаш; 25 × 17,7; с 1968 г. в собрании ГРМ). Спустя десять лет, 23 мая 1934 г., из Парижа художник писал своей сестре: «Ко мне вдруг в воскресенье днем явились Фокины, он и она, уже давно здесь проживающие, выписанные Идой Рубинштейн для се балстов. <...> Фокин, оказывается, очень увлечается живописью. Показывал мне свои три масляных портрета, два со своей жены и один собственный. Я был поражен ими — для любителя он замечателен —

о красках по фото я судить не могу, но нарисованы они очень хорошо, позы выбраны художественно, одним словом, дарование незаурядное» (*Сомов*. С. 417—418).

⁴ Квартира в доме 24 по улице Ciryu. См. примеч. 8 к письму К. А. Сомова от 6 дек. 1928 г. в наст. изд.

⁵ К. А. Сомов имеет в виду Леонида Александровича Успенского (1902—1987) и его первую жену, Валерию Ивановну Буданову (род. 1911), во втором браке Момзикову. В период их совместного проживания в Гранвилле Сомов в сентябре 1933 г. исполнил двойной портрет Валерии Ивановны, в разных поворотах изобразив лицо молодой художницы с красивой косой «черных, почти синих волос»: одно — «почти en face и улыбается», другое — «серьезное и с опущенными глазами» (*Сомов*. С. 407). Создание портрета было связано с затеей художника написать картину — «нечто тургеневское, помещицъ»; в ней оба «поворота головы изображали бы сестер близнецов, но, к сожалению, так не вышло» (Там же). Двойной портрет В. И. Будановой хранится ныне в Музее Эшмолеан (Оксфорд).

Леонид Успенский — уроженец Воронежской губернии — в годы гражданской войны эвакуировался с частями Белой армии в Галлиполи, оттуда — в Болгарию, а в 1926 г. поселился в Париже. С 1929 по 1931 г. вместе с Будановой занимался в Русской академии живописи (*Académie Russe de Peinture*) Т. Л. Сухотиной-Толстой, где преподавали М. В. Добужинский, Н. Д. Милиоти, В. И. Шухаев и Б. Д. Григорьев. После закрытия Академии Успенский, Буданова и присхавший в Париж в 1931 г. Георгий Иванович Крут (1908—1969) брали уроки у Милиоти, в мастерскую которого приезжал рисовать модели его давний петербургский коллега К. А. Сомов. Во время этих занятий Константин Андреевич охотно давал советы молодым художникам, а начиная с 1932 г. приглашал их на лето в Гранвилле. Там под его руководством они занимались живописью и рисунком, много писали с натуры, рисовали друг друга. По словам протоиерея Николая Озолина, со времени пребывания в Гранвилле остались «остроумные и талантливые рисунки, взаимные портреты и т. д.» (цит. по: *Вздорнов Г. И., Залесская З. Е., Лелекова О. В.* Общество «Икона» в Париже: В 2 т. М.; Париж: Прогресс-Традиция, 2002. Т. 1. С. 293). «Среди сохранившихся рисунков Г. И. Крута есть несколько очень удачных набросков карандашом, изображающих К. А. Сомова за работой», — свидетельствует В. Васютинская-Маркадэ (цит. по: *Вздорнов Г. И., Залесская З. Е., Лелекова О. В.* Общество «Икона» в Париже. Т. 1. С. 236). О рисовании друг друга в так называемой *Académie de Grandvilliers* 27 июля 1934 г. Сомов писал сестре: «Вчера очередь позировать была моя — 3 позы по полчаса. Я позировал очень хорошо <...>. Успенский сделал с меня замечательные наброски, первый и второй, я на них поразительно похож. Вообще он делает большие шаги вперед, и я перестаю его считать бездарностью, но ему еще так много надо знать; надо образоваться, развить вкус, а на это у него нет и среды, нет времени, нет денег, он так беден, что даже не имеет возможности ходить на платные выставки» (*Сомов*. С. 421). Неоднократно Успенский служил Сомову моделью, получая за позирование вознаграждение. В 1932 г. оба участвовали в масштабной «Выставке русского искусства», устроенной в парижской галерее Ренессанс (см. примеч. 8 к наст. письму). Постепенно, и во многом благодаря общению с Крутом, он оставил светскую живопись, посвятив себя исключительно религиозному искусству: стал изучать православную икону, ее технику. В 1934 г. вместе с Крутом Успенский стал членом общества «Икона» и участником его выставок. В 1935 г. они создали свой первый иконостас — в парижском храме Трех-Святительского подворья. В итоге Успенский стал широко известным иконописцем-богословом, преподавателем церковной живописи, резчиком по дереву, автором трудов об иконах, неоднократно переиздаваемых на разных языках. До конца дней он хранил у себя «пейзаж с французской деревней» и небольшую картину «Яблоня», написанные «из окна дачи К. А. Сомова», а перед смертью передал их, рисуночные автопортрет и портрет Сомова молодой в те годы художнице, Галине Махровой (*Махрова Г. А.* Воспоминания о Лидии Александровне и Леониде Александровиче Успенских // *Вздорнов Г. И., Залесская З. Е., Лелекова О. В.* Общество «Икона» в Париже. Т. 1. С. 303). Махровой Успенский запомнился «человеческим молчаливым, очень скромным»: «...умел слушать <...> часто улыбался, как бы про себя, говорил авторитетно, не спеша, никого не осуждая» (Там же. С. 302).

Григорий Крут, о котором Сомов отзывался как о «милейшем, застенчивом», «симпатичном и чересчур деликатном» человеке (*Сомов*. С. 420), впоследствии стал создателем иконостасов и фресок, иконописцем, автором записок об иконописи. В 1948 г. принял монашество под именем Григорий. О Круте и Успенском см. также: *Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я.* Художники Русского Зарубежья 1917—1939: (Биографический словарь). СПб.: Нотабене, 2000. С. 351, 574—575.

⁶ Выставка в галерее С. Лесника на бульваре Распай, 66, организованная М. Г. Лукьяновым в декабре 1928 г. См. примеч. 3 к письму К. А. Сомова от 6 дек. 1928 г. в наст. изд.

⁷ Выставка К. А. Сомова в лондонской галерее Владимира Голицына на Беркли стрит, 20 работала летом 1930 г. Она включала около 80 произведений. На средства М. В. Брайквича был издан каталог: Exhibition of Constantine Somov Paintings 2 juni to 2 juli 1930, Prince Vladimir Golitzine Gallery. 7 июня 1930 г. Сомов цитировал сестре письмо к нему Брайквича, сообщавшего об успехе выставки и реакции на нее зрителей (*Сомов*. С. 368). 23 июля 1930 г. художник переписал в письме сестре фрагмент из лондонской статьи, в которой он был назван «русским гением» (*Сомов*. С. 371). В парижской газете примерно тогда же Брайквич опубликовал статью «Сомов и Левицкий» (*Брайкевич М. В. Сомов и Левицкий* // Последние новости. 1930. 26 июля), в которой сравнил искусство Сомова с искусством знаменитого портретиста и сообщил о его «новых достижениях в технике и живописи» (*Сомов*. С. 370).

⁸ На «Выставке русского искусства», открывшейся 2 июня 1932 г. в парижской галерее «Ренессанс», экспонировалось 350 произведений русских художников и скульпторов всех направлений. По своим масштабам она считалась второй после 1906 г. выставкой русского искусства в Париже. Выставка устраивалась с благотворительной целью. К. А. Сомов входил в ее Комитет. Был издан каталог: Exposition d'Art Russe: <Catalogue> / Préface de Louis Reau. Introduction de Arsène Alexandre, Denis Roche. Paris: Galerie «La Renaissance», 2—15 Juin 1932. В экспозицию входило 10 произведений Сомова. 23 июня 1932 г. в письме сестре художник процитировал фрагмент из фельетона французского критика Дени Роша, касающийся его произведений, представленных на выставке (*Сомов*. С. 397).

⁹ *Брайкевич Михаил Васильевич* (1874—1940) — эмигрант, коллекционер произведений русских художников, меценат, на протяжении многих лет почитатель таланта К. А. Сомова, его преданный друг, сохранивший личный архив художника и собравший две (в России и в эмиграции) большие коллекции его произведений. На руках Брайквича, гостившего у Сомова в Париже, Константин Андреевич и скончался — скоропостижно, от болезни сердца. Н. Н. Берберова писала: «Я хорошо помню эти похороны: Брайкевич, рыдая, распорядился на кладбище Сент-Женевьев де Буа, как повернуть гроб, как опустить его в могилу, кому пойти проститься с гробом. Кому куда сесть, чтобы ехать домой. „Костенька, — говорил он, — ангел мой, как я любил тебя!“ И все кругом плакали» (*Берберова Н. Н. Курсив мой: Автобиография*. М.: Согласие, 1996. С. 338).

Во опубликованном некрологе Брайкевич вспомнил о дружбе с Сомовым, которая «началась в далекие довоенные годы, крепла с годами и ни разу не нарушилась размолвкой» (*Брайкевич М. В. Памяти К. А. Сомова: личные воспоминания* // Иллюстрированная Россия. 1939. № 22. С. 9). «Пожилой, толстый, говорливый, он во всем был противоположностью Сомову, — вспоминала Берберова. — Pater familias, традиционный „бонвиван“ начала нашего века, с брышком и косматыми бровями — и тишайший, скромнейший в своих одиноких вкусах, хрупкий художник» (*Берберова Н. Н. Курсив мой*. С. 338). Сомов считал своего лондонского друга «удивительным идеалистом, иногда даже до наивности», но это не мешало ему «быть хорошим дельцом». Ценил художник в Брайкевиче и то, что в нем было «много нежности» к друзьям (*Сомов*. С. 420). 18 ноября 1929 г. он писал о своем друге и покровителе: «Такое поклонение, как у него ко мне, поистине трогательно и меня очень поднимает. Он сказал такую фразу: „Все мои свободные деньги — Ваши!“ Но он зарабатывает с трудом и в поте лица. Трогательно еще, что и жена его, как он говорит, не обращает внимания на деньги, не буржуазна и не препятствует ему тратиться на коллекционирование» (*Сомов*. С. 360).

Одессит по рождению, Брайкевич до 1917 г. жил и работал в этом городе: был председателем одесского отделения Русского технического общества и Одесского общества изящных искусств, избирался одесским городским головой. В эмиграции в Англии являлся членом комитета Русского торгово-промышленного союза, в 1921—1922 гг. — членом Лондонского общественного комитета помощи голодающим России.

Дополнительная информация о Брайкевиче и его деятельности содержится в приведенном ниже фрагменте из статьи В. Леонидова: «Инженер, один из лучших выпускников Института путей сообщения, человек, благодаря которому были созданы портовые сооружения в Либаве, дредноут на Николаевской судостроительной верфи и Ейская железная дорога, он был очень популярен в России. И особенно в Одессе, городе, где несколько лет избирался городским головой, в том числе и в страшные годы Первой мировой и гражданской. <...> Еще он был товарищем министра промышленности и торговли Временного правительства, участником знаменитой Ясской встречи, когда представители политических партий России и глав

местного самоуправления российских регионов, не занятых большевиками, вели переговоры с союзниками о будущем России. Брайкевич всегда выступал против любого разделения Российской империи. Несутомимый демократ, редактор и издатель русского журнала „Экономист“, выходявшего в Англии, он много писал в эмигрантской прессе о необходимости свободы и частной конкуренции в своей стране, которую ему так и не довелось увидеть после отъезда в 1920 году. <...> Брайкевич, страстно любивший Одессу и долгие годы живший на Черноморской улице, оставил Новороссийскому университету более сотни картин, которые сегодня являются гордостью Одесского художественного музея» (*Леонидов В.* Собрание одесского городского головы в Оксфорде // *Русское искусство.* 2004. III. С. 28—29).

Дореволюционная коллекция Брайкевича в собрании Одесского художественного музея в 1975 г. пополнилась произведениями Сомова эмигрантского периода его творчества. Ксения Михайловна Филдинг-Кларк, старшая дочь Брайкевича, привезла из Лондона в дар Одессе портреты М. В. Брайкевича (1937; картон, темпера; 36,5 × 28,6), его младшей дочери Татьяны Брайкевич, в замужестве Соболевой (1931; холст, масло; 46 × 38, овал), портрет С. В. Рахманинова (1929; бумага на картоне, цв. карандаш; 26 × 21), нарисованный специально для профессиональной пианистки Татьяны Брайкевич. Другой портрет С. В. Рахманинова, созданный Сомовым в 1925 г. в Шато де Корбевиль, в 1964 г. семья Брайквичей передала в ГРМ (холст, масло; 63,7 × 51,6). О нем см. примеч. 2 к письму от 16 авг. 1925 г. в наст. изд.

Несколько работ художника в составе большей части собранной Брайкевичем в Англии коллекции русского искусства по завещанию владельца были переданы в лондонскую галерею Тейт, откуда все поступило в Музей Эшмолеан в Оксфорде. Из сомовских работ там хранятся графический портрет М. В. Брайкевича (1934; бумага, карандаш, сангина; 25,1 × 18,7), эскиз портрета Татьяны Брайкевич (1931; бумага, пастель; 35,4 × 25,3), портрет Е. С. Михайлова — племянника художника (1916; холст, масло; 72 × 55), «Автопортрет в зеркале» К. А. Сомова (1928; бумага, пастель; 37,2 × 26,8), иллюстрации к повести Лонга «Дафнис и Хлоя» (1930) и др. Мечта Михаила Васильевича «собрать на чужбине, по возможности, полный музей русской школы живописи, точнее, той части этой школы, которую принято называть „Миром искусства“», сбылась (*Бенуа А. Н. М. В. Брайкевич // Последние новости.* 1940. 20 февр.).

О Брайкевиче и его семье см. письмо К. А. Сомова от 12 авг. 1936 г. в наст. изд.

¹⁰ Из писем К. А. Сомова сестре известно, когда и какие именно произведения заказывал ему М. В. Брайкевич. Так, 6 декабря 1924 г. художник писал, что «обещал сделать Михаилу Васильевичу» и уже начал «новую акварель — гуашь — девица среди зелени с собачкой» (*Сомов. С.* 261), 23 декабря 1928 г. — «начал свой Selbstbildniss для Михаила Васильевича» (Там же. С. 349), 31 декабря 1928 г. — накануне закончил «самый схожий из всех», что делал прежде, автопортрет пастелью — «Автопортрет в зеркале» — и описал его: «...портрет анфас, сбоку виден край овального зеркала и в довольно широком стеклянном скосе его отражается узкой овальной лентой одна, может быть, осьмая моего лица в увеличенном раза в полтора размере. Довольно необычно и небанально» (Там же. С. 349). О пяти «картинках», увезенных Брайкевичем в Лондон, Сомов сообщал сестре 23 июня 1932 г. (Там же. С. 397). «В скором времени ожидаю сюда Михаила Васильевича, — писал художник 4 июня 1934 г. — Это, может быть, мне будет полезно — он такой вечный мой энтузиаст, что подымет мой художественный дух, может быть, что-нибудь и приобретет из моих вещей» (Там же. С. 418).

¹¹ Вальтер Федорович Нувель. См. о нем примеч. 17 к письму К. А. Сомова от 3 марта 1926 г. в наст. изд.

¹² Имеется в виду Борис Михайлович Снежковский (род. 1910), с 1929 г. натурщик К. А. Сомова, моложе художника на 41 год. Сомов называл его «Дафнис» по имени героя античного буколического романа Лонга «Дафнис и Хлоя», который он иллюстрировал в 1930 г. Основой визуального образа Дафниса послужила внешность Снежковского, которого Сомов так охарактеризовал в письме сестре от 16 декабря 1929 г.: «...русский, 19 лет, оказался очень умным, образованным и славным. Так заинтересовался своим позированием и моею целью, что попросил меня дать ему прочесть роман Лонгуса» (*Сомов. С.* 361). Книга «Daphnis et Chloe» вышла в издательстве «Триоп» в феврале 1931 г. 6 февраля 1931 г. Сомов, возмущенный ее полиграфией, писал сестре: «Мерзость исполнения моего картина превзошла все мои ожидания. <...> Знай, что между этими грубейшими оттисками и оригиналами — колоссальная разница — целая пропасть» (Там же. С. 378).

¹³ Вероятно, Станиславом Каганом.

¹⁴ С Михаилом Ивановичем и Аделью Эдуардовной Снежковскими.

¹⁵ Помимо образа Дафниса в иллюстрациях к роману Лонга (бумага, акварель, тушь, перо; 15 × 11) К. А. Сомов запечатлел Снежковского во многих акварелях, изображающих обнаженных (1933), в том числе из собрания Ренэ Герра (Франция), а также в картинах «Обнаженный юноша» (1937), «Портрет боксера» (1932) и т. д.

¹⁶ Известно, что сам К. А. Сомов был, по выражению И. Э. Грабаря, «страшным любителем кинема» (*Грабарь И. Письма 1917—1941*. С. 96).

¹⁷ Это не совсем так. Из писем К. А. Сомова сестре известно, что художник хоть и изредка, но все же посещал и театры, и концерты. Так, 12 июня 1933 г. он «наслаждался» балетом Л. Ф. Мясина на музыку Боккерини «Scuola di ballo» (*Сомов*. С. 403), в начале ноября 1933 г. — концертным исполнением базельским хором «совершенно гениальной, бесподобной красоты» оперы Моцарта «Idomeneo» (Там же. С. 409). В мае 1934 г. вместе с Фокиными посмотрел три балета Иды Рубинштейн — «Диана де Пуатье», «Семирамида» и «Болеро», которыми остался недоволен. 4 июня 1934 г. Сомов писал сестре о посещении балетов Мясина: «Choeartium» на музыку 4-й симфонии И. Брамса, «Треуголка» на музыку М. де Фалья в оформлении П. Пикассо «Union Pacific» на музыку Н. Набокова (Там же. С. 418, 419). 10 февр. 1935 г. Сомов писал сестре, как накануне, «разодевшись в смокинг, от которого несло немного камфорой, так как около двух лет его не надвдал, попал с Валечкой на даровщинку в Гранд Опера» на премьеру балетного спектакля «Salade» («Смесь») «в постановке Лифаря и с его участием» (Там же. С. 426).

¹⁸ «Русский балет Монте-Карло» — балетная труппа, созданная в 1932 г. на базе двух трупп бывших артистов императорских театров России. Одной из них руководил Ренэ Блюм, другой — полковник де Базиль (В. Г. Воскресенский), после смерти С. П. Дягилева (1929) купивший монопольное право на репертуар его антрепризы. После распада предприятия Дягилева многие артисты обосновались в Монте-Карло. Директором «Русского балета Монте-Карло» стал де Базиль, художественным руководителем — Блюм, главным режиссером — С. Л. Григорьев, балетмейстером — сначала Дж. Баланчин, потом — Л. Ф. Мясин. В 1936 г., с уходом Блюма, труппа приняла название «Оригинальный русский балет». Главным руководителем стал де Базиль. После его смерти в 1951 г. труппа прекратила существование. Гастрольные спектакли 1932 г. (9—21 июня) в парижском Театре Елисейских полей включали три одноактных балета Баланчина — «Мещанин во дворянстве», «Конкуренция», «Котильон» и два балета Мясина — «Сильфиды», «Детские игры». Парижские гастрольные 1933 г. (9—30 июня) — балеты Мясина «Пляж» и «Ноктюрн» (премьера), а также «Предзнаменования», «Матросы», «Прекрасный Дунай», «Сильфиды», «Школа танцев», «Детские игры» и балет Баланчина «Конкуренция». Гастрольные в Париже 1934 г. (28 мая—16 июня) — балеты Мясина «Мирный союз» (премьера), «Сильфиды», «Tucome», «Choeartium», «Жар-птица», «Карнавал», «Прекрасный Дунай», «Union Pacific», балет Баланчина «Конкуренция», постановка Д. Лишина «Воображаемы».

¹⁹ Елена Константиновна Сомова.

²⁰ К. А. Сомов имеет в виду Михаила Александровича Чехова (1891—1955) — актера, режиссера, педагога, племянника писателя А. П. Чехова, а также гастрольные спектакли Пражской группы Московского художественного театра, проходившие в парижском Théâtre des Arts 28, 30 января и 1, 2, 3 февраля 1935 г. Чехов играл в спектаклях «Ревизор» и «Чеховский вечер».

²¹ Евгений Иванович Сомов в письмах Константину Андреевичу, по-видимому, делился впечатлениями от личности М. А. Чехова, с которым познакомился в феврале 1935 г., когда по просьбе С. В. Рахманинова встречал знаменитого актера и его жену Ксению Карловну, припавших пароходом в Нью-Йорк. С первой встречи Чеховы «очень понравились» чете Сомовых. В письме Рахманинову от 21 февр. 1935 г. Евгений Иванович признавался, что ему «доставляет огромное наслаждение общаться с таким невероятной деликатным и душевно тонким человеком», как Михаил Чехов (цит. по: Чехов Михаил. Литературное наследие: В 2 т. / Сост. И. И. Аброскина, М. С. Иванова, Н. А. Крымова; Вступ. ст. М. О. Кнебель. М.: Искусство, 1986. Т. 2. С. 521).

Нью-йоркские гастрольные Пражской группы МХТ, куда входил Чехов, завершились в начале апреля. Вероятно, об этих гастролях, о личности Чехова, о его разносторонних талантах и блистательной актерской игре и писал в своих письмах К. А. Сомову его американский родственник.

²² В труппе Московского художественного театра петербуржец М. А. Чехов состоял с 1912 г. Тогда он был занят в массовых сценах и эпизодах, играл роль Епиходова в «Вишневом

саде» А. П. Чехова. Это исполнение и не понравилось К. А. Сомову. Наиболее ярко актерское дарование Чехова раскрылось в спектаклях Первой студии МХТ, в том числе в инсценировке по рассказу Ч. Диккенса «Сверчок на печи», где актер исполнил роль Калеба. В начале 1915 г., после посещения Сомовым этого спектакля, при содействии А. Н. Бенуа состоялось личное знакомство художника с актером. В дневнике Сомов сделал запись о «превосходном молодом Чехове в роли престарелого игрушечного мастера» (*Сомов*. С. 138).

²³ Ироничное отношение к своей внешности, адекватное словосочетанию «несуразная фигуришка», 3 июня 1937 г. К. А. Сомов выразил в шарже на себя (бумага, акварель; 20 × 13,5; собрание Р. Герра, Франция). См. воспр.: *Images de Pouchkine Portraits d'exil. Dans l'oeuvre des peintres russes émigrés en France 1920—1970. Collection René Guerra. Préface de Henri Trouat de l'Académie française. Catalogue édité à l'occasion du Bicentenaire de la naissance de Pouchkine. <Paris, 1999>. № 77.*

²⁴ Ирины Викторовны Животовской.

²⁵ В. Ф. Нувеля и Б. М. Снежковского.

²⁶ К. А. Сомов пишет об Анне Андреевне Сомовой, в замужестве Михайловой (1873—1945), своей любимой и единственной родной сестре, близком друге. Она была певицей и художницей декоративно-прикладного искусства. Все цитируемое в примечаниях к настоящей публикации письма Сомова адресованы Анне Андреевне, которая все годы вместе со своей семьей жила в Ленинграде. В разные годы художник неоднократно портретировал сестру. Ее имя упоминается в письмах и воспоминаниях современников. Сведения об Анне Андреевне попытался собрать и обобщить петербургский краевед Г. И. Зуев в очерке «Анна Андреевна Михайлова» в его книге «Адрес мой — Владивосток, крейсер „Алмаз”» (СПб.: Славия, 2002. С. 136—218).

²⁷ В Петербурге, в доме 97 по Екатерингофскому проспекту (ныне проспект Римского-Корсакова). Построенный в 1830 г. четырехэтажный дом, окнами парадных комнат выходивший на Екатерингофский канал, принадлежал старинному дворянскому роду Лобановых. Дом стал частью приданого Надежды Константиновны Лобановой, в замужестве Сомовой (1835—1906), матери Александра, Константина и Анны Сомовых. После замужества в 1894 г. Анна Андреевна с мужем переехала в съемную квартиру в дом 57 по Офицерской улице, а Константин Андреевич продолжал жить с родителями. Его комната, «с двумя окнами, выходящими во двор, площадью несколько более двадцати метров», примыкала к кабинету отца (*Зуев Г. И. Анна Андреевна Михайлова*. С. 157). Отец художника — Андрей Иванович Сомов (1830—1909) — был искусствоведом, старшим хранителем по отделению картин, гравюр и рисунков Эрмитажа. После смерти родителей семья Анны Андреевны переехала в родовой дом, заняла квартиру в третьем этаже и до конца дней продолжала жить в нем. «Часто думаю с нежностью о комнате на Екатерингофском, о деревьях на нашем канале и о тишине», — писал 1 февр. 1924 г. сестре художник (*Сомов*. С. 231).

²⁸ Михайлова Сергея Дмитриевича (1869—1933). К 1917 г. С. Д. Михайлов был действительным статским советником департамента окладных сборов Министерства финансов, занимая должность чиновника особых поручений.

²⁹ К. М. Животовская изредка писала С. В. Рахманинову, он кратко отвечал. Так, 30 июля 1935 г. в ответ на письмо Клеопатры Матвеевны Сергей Васильевич писал: «Дорогая Пати, в моем адресе, состоящем из четырех слов, Вы сделали две ошибки: не Sinar, а Senar, не Herlonstein, а Hertenstein. Ох уж эти американцы! Ну, да ладно. Извиняю Вас, потому что люблю Вас! Привет и поклон. С. Р.» (цит. по: *Рахманинов С. Литературное наследие: В 3 т. М., 1980. Т. 3. Письма*. С. 59).

³⁰ Татьяна Сергеевну Коноус, которая жила неподалеку от К. А. Сомова.

³¹ Борис Юльевич Коноус. См. примеч. 10 к письму К. А. Сомова от 15 января 1933 г. в наст. изд. Из письма С. В. Рахманинова С. А. Сатиной от 3 июля 1935 г. известно, что Борис Юльевич в Париже «держал экзамены» на аттестат зрелости, «с отличием» сдал их и «теперь думает об университете». «Готовился только год и работал этот год ежедневно до поздней ночи» (цит. по: *Рахманинов С. Литературное наследие. Т. 3. С. 54*). Тем не менее к марту 1936 г. у Коноуса возникли «трудности» с университетом, о чем его тесть 18 марта 1936 г. сообщил той же родственнице: «Возможно, им придется переезжать в Женеву, если только его туда примут. Жалко мне Танюшу! Не везет ей!» (Там же. С. 73).

³² 8 марта 1933 г. у Т. С. и Б. Ю. Коноусов родился сын Александр. Любящий дед, С. В. Рахманинов, когда ребенку исполнилось два года, в письме С. А. Сатиной от 3 июля 1935 г. так охарактеризовал его: «Мальчик выглядит заморышем: худенький, бледный. Характером и по-

ведением напоминает дикого зверька. Никого не слушает, ни нас, конечно, ни мать — только отца. Очень самолюбив и застенчив. В то же время умный. А оригинал будет такой, какие бывают только в Тамбовской губернии. Мудрненький мальчик, и, боюсь, много горя Танюша с ним набредет. К тому же она так его любит, что он сделает с ней все, что хочет, или, другими словами, — не сделает ничего, что она хочет. В свои хорошие минуты бываешь очарователен» (*Рахманинов С. Литературное наследие. Т. 3. С. 54—55*). Александр Борисович Конюс (с недавних пор Рахманинов-Конюс) стал финансистом, юристом, наследником архива С. В. Рахманинова и всех авторских прав композитора, президентом Международной ассоциации друзей С. В. Рахманинова, организатором конкурсов имени знаменитого деда.

³³ Ирину Сергеевну Волконскую.

³⁴ С. В. Рахманинов.

³⁵ В феврале 1935 г. К. А. Сомов читал «две книги сразу — „Baletomania” Arnold’a Haskell’a и Suetone’ия „Les douze Cesar” <Светония «Двенадцать царей» — франц.>» (*Сомов. С. 426*).

³⁶ Роман «Грозовой персвал» английской писательницы Эмили Джейн Бронте (1818—1848).

³⁷ Например, в 1934 г. К. А. Сомов читал и перечитывал романы Ф. М. Достоевского «Под-росток», М. П. Арцыбашева «Санин», Поль де Кока «Гюстав, или Негодяй», а также не понравившиеся ему «Петербург» Андрея Белого и поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» и «Песня про купца Калашникова» (*Сомов. С. 413, 415, 420, 421*).

³⁸ Мужу и дочери К.М. Животовской.

20

28 октября 1935

<Париж>

Дорогая моя, милая Рату!

Вчера получил Ваше грустное письмо, и мне поскорее хочется написать Вам и попытаться как-нибудь утешить Вас. На мое сердечное участие и ласку Вы всегда можете рассчитывать — я никогда не забываю, что у меня за океаном есть такой друг, как Вы!

Пройдет и забудется, как все в жизни, то, что Вы так остро теперь переживаете. Жизнь возьмет свое — Вы еще так молоды, ведь Вам нет еще и 40 лет. Советую Вам продолжать любить жизнь, вот так, как я ее люблю. Любить сам процесс жизни в ее лучшем и благороднейшем — видеть солнце и всю природу, дышать, двигаться, любить красоту, уметь ее находить везде, где она есть, общаться с немногими, но милыми уму и сердцу людьми, читать хорошие книги, слушать музыку, смеяться! У Вас есть еще десятки лет впереди, а я вот цепляюсь за остаток моей жизни. Потом, у Вас есть дочь, по-видимому, прекрасная, умная, любящая Вас.

Я понимаю и по себе знаю, как невыносимо тяжело переживать то, что у Вас, знаю потому, что и сам за эти годы, что мы с Вами не виделись, испытал сильное увлечение, в которое я вложил все свое существо. Счастья было немного, и оно кончилось; мне было очень тяжело, но я примирился и живу без него. Примиритесь и Вы! Когда заболеваешь болезнью — «любовь» (или влюбленность, или страсть), так некот<орые> пессимисты называют это чувство, пока не излечишься от него, все советы и увещания кажутся ненужными, неуместными, даже фальшивыми.

Дорогая Рату, боюсь, что мое письмо не даст Вам успокоения. Хотелось мне хотя бы только, чтобы Вы почувствовали, прочтя мое письмо, что у

Вас есть далекий друг, который Вас понимает и жалеет Вас, и сочувствует Вам.

Вашу тайну я, конечно, не сообщу Елене никогда. Что у Вас с ней произошло? Почему такое охлаждение после горячей дружбы? Жаль, что Вы не можете быть с нею откровенной. Она ведь так отзывчива и, может быть, сумела <бы> дать Вам совет и утешение.

На этот раз про себя и свои дела писать не стану. Все у меня серо на сером осеннем фоне, и здоровье мое скверное, и дела мои.

Я Вас просил прислать мне свою фотографию, хотелось бы видеть еще, какая теперь Ваша дочь, пришлите мне!

Я же посылаю Вам свою последнюю. Но она совершенно не соответствует тону этого моего письма. Скажете: «сидит самодовольный, довольно раскормленный сибарит».¹ Часто *les apparences sont trompenses* <наружность обманчива — франц.>.

Целую нежно Вас. Пишите мне еще!

Ваш К. С.

¹ На фотографии К. А. Сомов запечатлен сидящим в кресле с сигарой в правой руке. На обороте снимка — авторская надпись: «Дорогой Paty, 28 окт<ября> 1935»; сверху другая надпись: «6 окт<ября> 35». Фотография хранится в РО ИРЛИ, Р. I, оп. 8, № 41, л. 1, где находятся и еще два похожих снимка. На одном сидящий в кресле Сомов держит в правой руке сигару, левая рука — на талии (Там же, л. 2). На другом снимке сидящий в кресле Сомов смотрит на книгу (Там же, л. 3). На обороте обих фотографий — дата: «1936».

21

10 января 1936
<Париж>

Дорогая моя Paty,

Получил Ваше письмо, очень благодарю Вас за пожелания на Новый год и шлю Вам тоже мои поздравления и желание Вам всех благ, здоровья и спокойствия духа. Буду поджидать от Вас более подробных вестей. С Еленой я в переписке, еще недавно получил ее длинное письмо, отвечал ей и ничего о Вас не писал. Про себя нового ничего написать не могу — все по-старому; работаю теперь над портретом-этюдом, не заказным, а для себя, для упражнения в портретном искусстве.¹ Праздники (по новому стилю) провел тихо, если не считать одного «выхода со двора» в канун Нового года. Был в небольшой компании, всего 4 человека — одна леди и трое мужчин, трех возрастов — 66 лет (я), 47 и 25, а самой леди 28.² Был большой ужин, очень вкусный, хорошие вина и шампанское St. Marcoux extra-dry. Что называется, честь честью. Даже надо было напялить на себя фрак, который по большей части лежит у меня в камфоре и нафталине. Кажется, не одевал его года 4! Вот какая, Вы видите, у меня не светская жизнь.

Больше сижу дома по вечерам и читаю. Радуюсь, что становится в Париже светлее, весь декабрь у нас был темный и очень дождливый, а темнота и непогода очень действуют на меня — всегда на душе грустно.

Елена мне пишет, что она вся в музыке, там у них Рахманинов, и они наслаждаются и его концертами,³ и другими. По ее письмам, она все такая же энтузиастка, всем интересуется и у нее множество друзей, и очень много новых. Вы, по-видимому, с ней не в переписке — она мне давно уже ничего о Вас не сообщала. Получаю я от времени до времени от них и их фотографии — по-видимому, оба они изменились — не к молодости — увы. Ведь 11 лет уже прошло, как мы расстались. Вот, дорогая Пати, кажется, все, что мог Вам написать. Это не месть за Ваше короткое письмо, не подумайте.

Целую Вас крепко и еще раз желаю Вам бодрости духа, надеюсь, Вам теперь уже лучше.

Ваш К. С.

Следовало бы и Вам прислать мне свою фотографию! Подумайте об этом, не забудьте. Пошлите мне и фото с Вашей дочки, хотелось бы видеть, какая она теперь молодая особа. Я предполагаю, что она очень хорошенькая.

¹ Вероятно, речь идет о портрете-этюде Б. М. Снежковского. 16 января 1936 г. К. А. Сомов писал сестре: «Вчера вечером — днем 2 часа работал над портретом...» (СР ГРМ, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 192, л. 7 об.). «Как видишь, я все еще не кончил своего портрета-этюда с Д<афни>са! Не нравится мне он — замазал его, записал, и ужасно от него устал. Но из упрямства все же хочу его довести до окончания. Сходство большое, но не такое, к какому я стремился. Лицо вышло лет на 5 моложе и слишком „bebe-cadum“ <?>. Поэтому я все время не я душой — точно все время болели зубы. Какое иногда грустное, тягостное бывает мое метic! Несудача всегда меня сражает. Буду писать еще два дня, а в понед<ельник> у Д<афниса> начинается служба, и он не будет больше свободен. Служба у него довольно жалкая, коммиссионерство на проценты, без жалования. А у него нет свойств для коммиссионерства, он и застенчив, и не умеет навязывать и приставать. А по вечерам он учится массажу, чтобы добыть себе на этот предмет диплом. Да, жалка его доля. Способный, умный, но прогулял 5 драгоценных лет. Ему уже теперь 25. Часто он бывает очень мрачен, он понимает свое положение, в сущности безвыходное» (Там же, л. 9). И только 23 янв. 1936 г. художник сообщил сестре: «Завтра я кончаю свой портрет-этюд — остался небольшой уголок фона...» (Там же, л. 13).

² Мужчиной 25 лет мог быть Б. М. Снежковский, другие лица не установлены.

³ С. В. Рахманинов находился в Америке с концертами с начала октября 1935 по январь 1936 г.

10 июня 1936
<Париж>

Дорогая моя Patty,

Наконец-то я собрался Вам написать — чувствую себя перед Вами свинтусом — давно получил Ваше письмо, Ваш портрет, а 3-го — телеграмму.¹ За все благодарю бесконечно! Даже день моих именин не забыли!

Портрет Ваш мне очень понравился, Вы все еще очень молоды, и я надеюсь, фотография не врет относительно этого. Вот только выражение лица и глаз особенно незнакомое мне, грустное — не то, как тогда, когда мы с Вами и Еленой сидели в роще на обрыве в New York'e (дача Webster'a) и резвились, как дети, хохотали, шутили, дразнили друг друга. О время, и жизнь! Надеюсь, теперь Вы себя нравственно чувствуете лучше, спокойнее, Ваше объяснительное письмо мне все объяснило. Дай Вам Бог войти в счастливую и спокойную колею. Что касается меня, я жив и, несмотря на мои немощи — больную ногу, много работаю и, скорее, с успехом. Недавно у меня был интересный и сезонный заказ из Лондона. Тамошний мой друг² заказал мне не копию, а парафразу — вроде как бы Bach — Busoni <Бах — Бузони> или Mozart — List <Моцарт — Лист> — на одну знакомую картину, в которую мой друг влюблен, — профильный портрет молодой женщины работы А. Pollajuolo.³ Он находится в Chantilly.⁴ Мне была дана полная свобода сочинить краски и колорит моего варианта, я только точно придерживался рисунка и сходства. Я даже нарочно не поехал в Chantilly смотреть оригинал до начала работы, а поехал только после ее окончания. Заказчик приезжал за моей дамой — ее зовут La bella Simonetta <Прекрасная Симонетта — *итал.*>⁵ — и остался от нее в полном восторге, даже решил, что мои краски свежее, и что сама дама красивее оригинала. На этой копии-варианте я многому научился и очень доволен, что взялся за заказ, который сначала казался мне неисполнимым. А теперь я пишу портреты — к сожалению, не заказные — а в виде тренировки и усовершенствования.⁶ Видите, несмотря на мою старость, я стараюсь двигаться вперед. Все мне говорят, что я стал работать иначе и лучше.

Теперь в Париже интересная выставка, большая и полная Cezanne'a⁷ и много других⁸ — это несмотря на политические события, стачки и т. д. К сожалению, время бежит так быстро, лето наступает и пора думать о поездке на отдых в мой Grandvilliers — больше мне некуда деваться из экономических соображений, — Grandvilliers, который мне постыл после смерти Мефодия. И все там обветшало, зимой моя избушка заколочена, без присмотра, все это не молодеет ее. К тому же мои компаньоны — молодой художник и его жена,⁹ уже 3-й год ездящие со мной — очень неинтересные и даже скучные люди — у меня с ними нет ничего общего и даже сердечных отношений. Принужден ездить с ними, т<ак> к<ак> никто другой на такое отсутствие комфорта не поехал бы. Вот потому я и недоволен, что приближается время отъезда, — во 2-й половине июля. Но оставаться в городе на август очень тоже тягостно, надо и о здоровье своем подумать — в Grandvilliers все же чудный воздух и тишина. Собираюсь там поработать и почитать, читал я последнее время очень мало. Берег глаза, а читать я страшно люблю, и у меня лежит несколько очень интересных, не начатых еще книг. А Вы, дорогая Patty, что собираетесь делать летом? Куда поедете? Не в «избушку» к Сомовым? Вам бы хорошо было опять сблизиться с Еленой, я не совсем понимаю, почему ваши отношения изменились, были ли какие-нибудь конкретные на то причины или просто разлука и жизнь в разных городах?

Я думаю, отзывчивая Елена, все понимающая и Вас так всегда ценящая, поймет Вас в Ваших переживаниях больше, чем кто бы то ни был.

Вот, дорогая Patty, все, что я хотел Вам сказать, будьте здоровы, бодритесь, не теряйте надежды на счастье.

Всегда Ваш К. Сомов. Целую Вас нежно! Прилагаю Вам открытку с оригинала *La bella Simonetta*. По-моему, она не из красавиц. Но ее любили, у нее был целый двор поклонников, она была любовницей Julio Медичи,¹⁰ ей писали поэмы. Она умерла молодой.

Привет Виктору Тимофеевичу и благодарность ему за телеграмму.

¹ По поводу именин Константина и Елены, которые отмечаюся 3 июня.

² М. В. Брайкевич.

³ Речь идет о портрете Симонетты Веспуччи («Прекрасной Симонетты»), который датируется ок. 1500 г. (дерево, темпера; 57 × 42). После смерти К. А. Сомова искусствоведами установлено, что автором этого портрета является не Антонио дель Поллайоло (1433—1498) — итальянский живописец, скульптор и гравер флорентийской школы эпохи Возрождения, а Пьеро ди Козимо (1462—1521), настоящее имя которого Лоренцо — представитель той же, флорентийской, школы, живописец, испытавший влияние Филиппо Липпи, Леонардо да Винчи и Хуго ван дер Гуса, ученик Козимо Росселли (1439—1507), с которым расписывал стены Сикстинской капеллы в Ватикане.

⁴ Château Chantilly — замок Шантийи, расположенный в шестидесяти километрах к северу от Парижа; некогда принадлежал баронам Монморанси и принцам Конде из королевского дома Бурбонов. Многие представители этих семей покровительствовали литераторам, художникам, коллекционировали произведения искусства. Известный своими ценностями историко-художественный ансамбль замок Шантийи — Музей Конде считается вторым после Лувра музеем Франции. Музей Конде включает крупнейшее собрание живописи, рисунка, произведений декоративно-прикладного искусства, предметов старинного быта, исторические реликвии, военные трофеи, архивные документы, огромную библиотеку.

⁵ К. А. Сомов имеет в виду копию портрета Симонетты Веспуччи работы Пьеро ди Козимо, исполненную им по заказу М. В. Брайкевича (холст, масло; 55 × 46; ныне в Музее Эшмолеан, Оксфорд). Внизу на изображении художник сделал надписи: слева — «A. Pollajuolo»; справа — «С. Somov». 1936.

⁶ Возможно, одним из таких портретов был портрет К. П. Тонконоговой. 10 февраля 1936 г. К. А. Сомов писал сестре: «Вчера утром у меня был сеанс <...> очень молоденькая и привлекательная особа <...>. Что-то появляется на рисунке уже хорошес, но это не заказ, а просто этуод для себя без всякой ответственности. Я даже не показываю его модели, которой даже плачу немного за сеансы. Хотя она богата!» (Сомов. С. 426).

⁷ Выставка французского живописца Поля Сезанна (1839—1906) экспонировалась летом 1936 г. в парижском музее Оранжери Тюильри. См. каталог: *Venturi L. Cezanne, son art, son oeuvre*. Paris, 1936. Т. 1—2. Запоздалый отклик о выставке поместил в парижской газете «Последние новости» за 17 октября 1936 г. А. Н. Бенуа. Разочарованный огромной по объему экспозицией, включавшей работы разного уровня, критик считал, что выставлять следовало только лучшие произведения. В результате, по мнению Бенуа, памятником «колоссальной работы», которую провели устроители, останется только «превосходный каталог» (цит. по: *Бенуа А. Опоздавшие // Бенуа А. Художественные письма. 1930—1936*. Газета «Последние новости», Париж. М.: Галарт, 1997. С. 343—346). Посетившая выставку художница З. Е. Серебрякова, исповедующая иные художественные принципы, получила «от такого количества Сезаннов» странное впечатление: «любуеться красками, но досадное чувство не покидает (беспомощность рисунка)... А все „снобы“ здесь ходят до сих пор по Сезанну с ума!» (Зинаида Серебрякова. Письма. Современники о художнице / Авт.-сост. В. П. Князева; Авт. примеч. Ю. Н. Подкопаса. М.: Изобразительное искусство, 1987. С. 112).

⁸ К парижским выставкам первой половины 1936 г., которые могли бы заинтересовать К. А. Сомова, можно отнести персоналии французских живописцев Жоржа Сёра (1859—1891) и Клода Моне (1840—1926) в галерее Розанбера, Камиля Коро (1796—1875) в Оранжерее Тюильри и «наполеоновского» художника, барона Жана Антуана Гро (1771—1835) в музее Пти-Пале. Возможно, Сомов проявил интерес и к очередным выставкам трех традиционных парижских Салонов — Независимых, Весеннего и Тюильри, к выставке испанских работ Алексея Грищенко (1883—1977) в галерее Друот. Конечно, он не мог не посетить выставку

«младшего мирискусника», Дмитрия Бушена (1893—1993), открывшуюся в той же галерее Друот в конце февраля. Через два года Сомов будет присутствовать на вернисаже другой выставки Бушена, о чем 26 марта 1938 г. запишет в дневнике, упомянув встреченных там знакомых: «В. С. Нарышкину — напоролся! — зовет к себе, зовет идти с ней веч<сром> на выставку англичан. Рене Кестлин, кот<орая> со мной очень любезна, но я с ней нет. Андрияша Бакст...» (СР ГРМ, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 457, л. 7 об.).

⁹ Художники Л. А. Успенский и В. И. Буданова.

¹⁰ К. А. Сомов ошибся: легендарная красавица Симонетта Веспуччи (1453—1476) была возлюбленной Джулиано Медичи (1453—1478), мецената, отца незаконнорожденного Джулио Медичи (1478—1534), известного как папа римский Климент VII (1523—1534). Покоренные красотой и добродетелью Симонетты художники неоднократно запечатлели ее в своих произведениях. Симонетта скончалась от чахотки.

23

18 июня 1936

<Париж>

Дорогая моя Рату,

Только что получил Ваше письмо, а совсем на днях написал сам.¹ Теперь Вы знаете обо мне все новости, их всегда мало при моей уединенной жизни. С тех пор, т<о> е<сть> за несколько дней, ничего не произошло. Опять много работал и вчера закончил один заказ из Лондона² и могу сказать себе «уф!» и отдохнуть, походить по выставкам или просто поболтаться дома, болтаться по городу мне не суждено — виной тому мои больные ноги. А вот за Вас я чрезвычайно рад! Это Ваше письмо совсем иное, и как будто в Вас водрузился мир. Как это хорошо! И не кажется ли Вам теперь, что все было преувеличено? Впрочем, Вы сами об этом пишете. Но почему Вы думаете, что то письмо «причинило мне неприятности»? Почему близкому другу не сообщить о самом сокровенном, кому же, как не ему изливать свою душу и свои внутренние переживания. То письмо я совсем понял — Вы, я думаю, почувствовали это по моему ответу. Что касается simpleton'a <простак — *англ.*>, то было бы лучше на земле, если бы их было побольше, таких, как Вы. Я и себя во многом считаю simpleton'ом, несмотря на мой древний возраст и, казалось бы, на опыт. Но опыт часто ничему не учит, и опыты надо искать снова.

Советы же, пригодны они или нет, я всегда готов Вам давать, а уму-разуму, пожалуй, мне не научить, я думаю, Ваше сердце, искреннее и глубокое, лучше Вас научит, что делать, что и когда нужно. Я предполагаю, что в этой истории Ваше, Ваше сердце вывело Вас на правильный путь. Давай Вам Бог идти на этом пути дальше и обрести полное счастье и спокойствие. А дочь Ваша? Помогает Вам переживать жизнь и ее невзгоды? Кажется, она девушка серьезная и сердечная, совсем не *american flapper* <американская девочка-подросток — *англ.*>. Мне о ней писали, в прошлом и запрошлом году и очень ее хвалили.

Лев Александрович³ сделал мне комплимент, что я не изменился, если он и Вам так сказал, то, очевидно, это правда. На вид я еще держусь, и весьма неприятно, что я начал по-настоящему, по-старчески хворать. Но т<ак> к<ак> я хочу жить очень долго, я берегу себя всячески: очень мало

ем и только самые простые вещи, избегаю всего, что ерісé <пряно — франц.>, почти никогда не пью спиртных напитков, кроме изредка немного красного вина.

Хотя мало надежды, что мы увидимся еще на этом свете, будем все же надеяться на это. Вам легче попасть в Европу, чем мне в Ваши States <Штаты — англ.>! Никогда не собирайтесь умирать (как в прошлом году) и продолжайте радоваться, что живете. Жить, по-моему, это благо, что бы ни было вокруг. Жить надо научиться внутренне и для себя. Вот, оказывается, неожиданно для себя, кончаю письмо советом и ученьем «уму-разуму», совет неглубокий и банальный, но искренний. Как бы я был счастлив иметь Ваши годы и продать свою душу за молодость. Но Мефистофеля уже нет! И я очень крепко целую Вас и очень благодарен Вам за Ваше ко мне отношение настоящего, не забывающего и любящего друга. Сердечный привет Вик<тору> Тимофеевичу. А Ваша дочка на фото, которую Вы мне послали, похожа на китайночку или японочку, я ее совсем представлял другою, в 5 лет она обещала быть американской beauty <красавицей — англ.>.

Еще раз целую!

Ваш К. Сомов.

¹ См. письмо К. А. Сомова от 10 июня 1936 г. в наст. изд.

² Имеется в виду завершение работы над «парафразом» портрета Пьеро ди Козимо «Прекрасная Симонетта» по заказу М. В. Брайкевича.

³ Лев Александрович Нольде.

24

12 августа 1936
Grandvielliers
par Damuslle
(Eure)

Драгоценная моя Paty!

Отвечаю Вам на Ваше милое письмо с запозданием — не собрался ответить Вам сразу — теперь же в деревне¹ я посвободнее и вот пишу! В той же деревне, где Вы когда-то посетили меня.² Приехал я сюда неделю тому назад порядочно уставший и физически и нравственно от города и от работы там.

Но здесь так скверно — не запомню такого лета, дождь почти без перерыва, холодно и сыро. Мой бедный домик разбегается: недавно, в мое еще отсутствие, молодые художники, обычные мои здесь компаньоны,³ приехавшие ранее меня, проснулись от страшного треска — оказалось, что потолочная балка в их комнате треснула и покосилась; они пошли к местному каменщику-плотнику, он пришел, посмотрел и сказал им, что лучше в этой комнате не жить. В доме стало теснее. И во многих его местах угрожающие трещины, стены покосились. Так скверно здесь, что подумываю

вернуться в город. Хотя я умею опрощаться и жить без всякого комфорта, но в этом году не выдержу, пожалуй.

В городе я последнее время был сильно занят одним женским портретом⁴ — увы, не заказным! — мучился и «потел» над ним; выходит он в конце концов очень недурно, особенно как *portrait de peinture* <произведение живописи — *франц.*> (сходство не оставляет желать лучшего). Надо было его прервать почти оконченным: моя модель поехала на 3 недели в отпуск, потом уехал сюда я. Но если я сокращу свое деревенское пребывание, можно будет приняться за окончание портрета, что мне очень хочется — окончить и успокоиться, потому меня и тянет в город, а тут еще погода гонит. Милая Paty, Вы не совсем поняли меня, когда получили мое последнее письмо: я и не думал советовать Вам, чтобы Ваша Ирина⁵ стала *confidante* <доверенное лицо — *англ.*> в Ваших интимных сердечных переживаниях. Я Вас только спрашивал, какая она, и может ли быть для Вас вообще поддержкой, утешать Вас вообще и быть Вашим другом. Но, конечно, не делить с Вами Ваше горе, которое, я надеюсь, теперь если и не прошло, то уменьшилось и затихло. Все ведь наши душевные переживания проходят, забываются; и примиряешься. Отправить Ирину в Лондон пожить самостоятельно, мне кажется, очень счастливая мысль у Вас. Это ее сделает самостоятельной и подготовит к жизни. Вот что касается <нрзб.>,⁶ скажу Вам прямо, что из моей рекомендации ничего не выйдет. Он меня совершенно забыл, никогда не пишет. Он очень эгоистичен, невнимателен, и если даже Ирина добилась бы свидания с ним через мою рекомендацию, по правде сказать, мне не хотелось бы его просить о чем бы то ни было, зная бесцельность просьб, она, Ирина, ничего бы не получила от него, кроме равнодушия и... потом обида. У меня в Лондоне есть большой друг, у которого милая и культурная семья, две дочери и сын, все они гораздо старше Ирины, но все очень сердечные.⁷ Вот к этой семье (Брайкевичей) я и могу направить Ирину; Брайкевичи, конечно, все очень заняты, но по своей сердечности наверно хорошо примут ее.

О ревности: кто ее не испытал! Конечно, я знаю это чувство, не раз в жизни пришлось страдать и ревновать. Я думаю, любви без ревности и нет.

Вот! Любительскую фотографию или даже несколько их, очень буду ждать.

Я буду очень рад повидать Ирину, если она будет в Париже, только не знаю, сойдутся ли старый черт с ребенком, найдут ли общее, завяжется ли разговор. Посмотрим!

Целую Вас! Мужайтесь!

Ваш К. С.

¹ В деревне Гранвильс.

² См. письмо К. А. Сомова от 8 мая 1926 г. в наст. изд.

³ Л. А. Успенский, В. И. Буданова и Г. И. Круг.

⁴ Вероятно, портретом К. П. Тонконоговой.

⁵ Дочь К. М. Животовской.

⁶ Кого имсет в виду К. А. Сомов, неизвестно.

⁷ Михаил Васильевич Брайкевич и его семья: жена — Софья Андреевна (?—1975), переводчица, дочери — Ксения Михайловна (в замуж. Филдинг-Кларк; 1903—?) и Татьяна Михайловна (в замуж. Соболева; 1906—1965), сын Михаил Михайлович (1904—?), инженер. Об «очень

дружной семье» Брайкевичей, которую Сомов навестил в Лондоне в декабре 1923 г. по дороге в Америку, 25 дек. 1923 г. художник написал сестре (Сомов. С. 224). О Брайкевиче см. письмо К. А. Сомова от 22 апр. 1935 г. в наст. изд.

25¹

23 дек<абря>1936
Париж

WITH THE COMPLIMENTS OF THE SEASON
AND ALL GOOD WISHES
FROM
C. Somov.

And love!

23 dec. 1936.

Paris.

ПЕРЕВОД:

С поздравлениями и наилучшими пожеланиями

К. Сомов.

И любовью!

23 дек.<абря> 1936.

Париж.

¹ Поздравление отпечатано типографским способом. Приписка, подпись, дата и место вписаны рукой К. А. Сомова. Вложено в обложку с наклеенной репродукцией с произведения Сомова «Eagle Lodge, Golders Green Rd., N. W. 11». 1936.

26

21 марта 1937
<Париж>

Дорогая и миленькая Pety!

Я «свинья», а не Вы! Вы me a tremendous dear <мне ужасно дороги — *англ.*> и просто душка! И как я могу быть на Вас сердит! Вот Вы имеете полное право меня презирать! Я (кажется?) не ответил Вам еще на Ваше милейшее и нежное письмо от 16 октября; это непростительно позорно. А Вы на меня и не сердитесь, даже не упрекаете! Спасибо за присылку фотографий Ваших и Ирины. Вы и В<иктор> Т<имофеевич> удивительно не изменились, точка в точку, какие вы были в 1925 году. Фотография лжет ли, или вы в Америке так не меняетесь? Та Ваша фото, что Вы мне послали — в большом формате одна голова — хороша, но Ваше лицо для меня на ней чужое, я думаю, что как большинство подправленных и ретушированных фото она врет, и Вы не такая в жизни. А тут, на маленькой, совсем настоящая, прежняя Pety. Вы меня спрашиваете, как я нашел Женю;¹ когда он вылез из lift'a и открыл мне свои объятия, я остолбенел от удивления, до та-

кой степени он не изменился, ни одной незнакомой мне морщины, ни одного волоска. Это мне было чрезвычайно приятно, точно видел его вчера, и даже я думаю, что это помогло мне быть с ним как в старину, никакого отчуждения — ведь расстояния и прошедшие годы так опасны для дружбы, — никакого стеснения или замешательства! Поэтому я Вас и спрашиваю, не американский ли это воздух так на Вас действует. С Женей я провел 5 дней в полном единении и дружбе, он меня и баловал, и ухаживал за мной (не то, что я был болен тогда). Вы меня еще спрашиваете о св<оём> портрете,² который я продал в свое время, и владелец которого застрелился — дурного признака для Вас тут я не нахожу — до сих пор не знаю, к кому он попал, мне надо встретить то лицо, которое может об этом знать. Но даже, если бы Вы сделали долларной миллионершей, я бы не советовал Вам его покупать — так как я считаю его неудачным, непоэтичным — я даже и продал его потому — удивляюсь, что нашелся на него охотник, впрочем, он в живописи ничего не понимал — я не подарил его Вам, как было бы, если б я был им доволен. Не надо Вам его и разыскивать! С Рахманиновым я встретился только из-за Жени, Таничка меня с ним пригласила к себе.³ С<ергей> Вас<ильевич> был со мной холоден, как лед. Очевидно, он не забыл истории, произошедшей между мной и его дочерьми в 1930 году — из-за невоспитанности и хамства этих молодых дам. И из-за другой истории, в которой С<ергей> Вас<ильевич> был со мной неблагороден — если Вам любопытно, Женя это знает и может Вам рассказать. Наталья Алекс<андровна>⁴ была со мной мила, но так, как она со всеми. У Рахманиновых всех нет «гения дружбы». Таничка, которая со мной раньше очень дружила и как будто любила меня, никогда обо мне и не вспоминает, хотя мы и живем друг от друга в 15 м<инутах> езды,⁵ а делает вид, что рада меня видеть только тогда, когда мы с нею изредка встречаемся на улице или в концерте. Да и интересной для меня она перестала быть — живет она мизерно — скупость! — занята ребенком, муж ее очень мне несимпатичен, он какой-то фальшиво вкрадчивый и чересчур вежливый,⁶ я думаю, и взяла она его совсем не по любви, а из-за боязни засидеться или *rag dépit* <с досады — франц.>. Так что, я думаю, мои отношения со всей семьей навсегда прекратились, и я не жалею об этом. Надеюсь дожить до Вашего приезда во Францию через 2—3 года, боюсь только, что вы меня не узнаете никак; выйдет к Вам сморщенный, ковыляющий старичок с недовольным и злым лицом и, к тому же, «дада», бестолковый и т<ому> под<обное>. Увы, близится такое для меня время. Нога моя в том же положении, жить еще можно, но не так весело: двигаться мне можно медленно, старческим шагом; лечиться мне надоело — я не люблю докторов и не очень им верю. Но живу я осторожно, т<ак> к<ак> жизнь люблю, и она меня интересует; очень мало и просто ем, не пью вина, только от любимого мной кофе не могу отказаться — это уже не в моих силах, и курю больше, чем мне можно; а и то, и другое при моем артрите вредно. Ваша Ирина⁷ (по стилю — говорю, смотря на ее фото) очень мила, прелестно сложена; думаю, что Вы ею довольны. Вот жаль только, что она не может ужиться с В<иктором> Т<имофеевичем>,⁸ я думаю, Вам это очень тяжело. И кто же из двух больше виноват? Мне очень приятно было прочитать Ваши слова о моих картинках, привезенных Женей для Елены,⁹ я в самом деле не сдаюсь и все стремлюсь

совершенствоваться и совершенствоваться, как то ни трудно, — иногда я страдаю ленью, отсутствием энергии, силы воли, иногда из-за глаз, которые последние годы сильно испортились. Последнее время я много занимался портретной живописью, портреты почти все, кроме одного, не заказные, а делал я их как упражнения, для разных экспериментов техники в этой области. Некоторые из них мне удались. А заказной портрет из очень неудобных: заказала мне его одна богатая дама, живущая постоянно в Лондоне и редко ненадолго наезжающая в Париж.¹⁰ Она очень стара, вся раскрашена в розовый цвет, волосы золотые (верно, из седых), но очевидно, в молодости была совершенно очаровательна. Я ведь мысленно умею реставрировать людей. Все это было бы ничего — и задача написать крашеную, стареющую красавицу очень интересна. Но она капризна, неохотно позирует, все время жалуется на нервы, на усталость, на *mondanités* <светские требования — франц.>, которым она подчинена, на необходимость возиться с портнихами; словом, такое впечатление, что она делает мне одолжение.¹¹ Даже я не понимаю, почему она заказала мне портрет. В течение двух лет она дала мне всего 7¹/₂ сеанса — этого, конечно, для меня чрезвычайно мало. Я сделал с нее один неоконченный рисунок и мало подвинутый этюд масляными красками. А теперь я решил не ждать ее, и по этим двум этюдам написать ее портрет от себя, так сказать, по памяти. Вот 3 дня, как я этим занят; к моему необычайному удивлению, работа сразу пошла на лад, и я надеюсь с нею справиться. А если не будет довольна, пошлю ее to all the devils <ко всем чертям — англ.>! И наговорю ей в лицо не очень приятные вещи.

Карьера художника, особенно портретиста, часто бывает очень несладкой. Но, к сожалению, заказы теперь так редки, что надо за них держаться. Что касается моих, они все реже и реже. Думаю, что меня скоро все позабудут. Да, я так понимаю, как Вам будет грустен переезд Жени и Елены в Англию,¹² и, верно, навсегда. Вам горе — а мне радость! Надеюсь с ними видеться хотя бы раз в год. М^{ожет} б^{ыть}, я соберусь к ним в Dartington¹³ — они меня уже туда очень приглашают. Это место очаровательно — Вы, наверно, его знаете по книжкам, что у Жени. Я рад, что Вы опять дружите с Еленой, был у Вас ведь период, когда было некоторое охлаждение? Вот, дорогая Pety, я Вам настроил! Разбираете ли Вы мои скверные каракули? Начиная письмо, всегда стараюсь писать четко, потом забываю! Если не разбираетесь в них, напишите, я буду стараться тогда больше. Я очень за Вас радуюсь: Вы пишете, что духовно выздоравливаете и опять любите жизнь, that's splendid <это прекрасно — англ.>! Так лучше! У нас начался сезон интересных художественных выставок, сейчас великолепного Degas'a,¹⁴ совершенно восхитительного мастера, не знаю, был ли он когда выставляем в N^{ew} Y^{ork}; выставка Const^{anten}'a Guys'a, рисовальщика, очень живописного, времен 1840—1860 год^{ов}.¹⁵ Выставка каталонского пейзажа, перевезенная в Париж из музея в Барселоне.¹⁶ И т^{ак} д^{але}, и т^{ак} д^{але}.¹⁷

Целую Вас нежно и благодарю за память и ласку!

Ваш К.

Очень прошу меня извинить за помарки.

¹ Евгений Иванович Сомов приезжал в Париж, где произошла их встреча с Константином Андреевичем, вероятно, в связи с предполагавшимся переездом Сомовых из Америки в Англию. Оставшись без работы после переезда С. В. Рахманинова в Европу, Евгений Иванович получил приглашение М. А. Чехова, проживавшего с октября 1936 г. в Англии, работать в его в театральном предприятии. Потеряв надежду получить работу в Америке, Е. И. Сомов с горечью писал С. В. Рахманинову 11 марта 1937 г.: «Сорвалось. Значит, надо что-то придумать на предмет дожития отпущенных мне лет земного существования. Первым шагом, очень тяжелым для меня шагом, будет подание заявления о принятии меня в американское гражданство. Хотя мой Россия, очевидно, не выдать больше, — все же это делать очень тяжело, Сергей Васильевич, как Вы и сами это чувствуете. Но, видимо, это надо сделать» (цит. по: *Рахманинов С. Литературное наследие*. М., 1980. Т. 3. С. 299).

² О портрете К. М. Животовской (1924) работы К. А. Сомова.

³ Т. С. Конюс с семьей жила в этот период главным образом в Париже, куда время от времени приезжали ее родители. С. В. Рахманинов в письме Е. К. и Е. И. Сомовым от 24 апреля 1937 г. писал: «Было очень приятно провести время в Париже с Танюшей, которая почему-то очень похудела, но и похорошела. Мальчик ее презанятный: умный, шельма и комик. Много нас потешал своими разговорами. У Танюши хронически меняются няньки. <...> Бедная Танюша!» (*Рахманинов С. Литературное наследие*. Т. 3. С. 105).

⁴ Жена С. В. Рахманинова.

⁵ Дом, в котором жила Т. С. Конюс, — 45 Boulevard Vaucausjoue — находился в том же 16 районе Парижа, где жил К. А. Сомов.

⁶ Письма С. В. Рахманинова конца 1930-х гг. дают представление о муже и сыне его дочери. Так, он писал В. Р. Вильшнау 7 июня 1937 г.: «Муж ее с достойным удивления упорством и прилежанием окончил в один год гимназию и поступил в высшую школу. Сейчас у него экзамены, а окончательные экзамены еще через год. Танюша к нему часто ездит отсюда. Мальчику их уже четыре года. Он у нас сейчас. Умица и оригинал, но характер довольно трудный (в Конюсов, вероятно) и приносит много мучений своей матери» (*Рахманинов С. Литературное наследие*. Т. 3. С. 110). 19 июля 1938 г. С. В. Рахманинов сообщал Е. К. и Е. И. Сомовым, что Борис Юльевич «сдал великолепно экзамены и сейчас отбывает двухнедельную военную службу» (Там же. С. 136), а через год, 7 июля 1939 г., в письме С. А. Сатиной, что наконец-то зять окончил военную школу и собирается искать работу.

Летом 1939 г. Рахманинов приобрел для Татьяны Сергеевны «небольшое владение в сорока милях от Парижа», в Шамборэ, но дача требовала перестройки, ремонта и финансовых вложений; между тем дочь и зять оказались неопытными в этом отношении. Рахманинов писал Сатиной: «Начинает мне казаться, что и Бор<ис> Юльевич не очень деловит, если не допустить, что он вообще не хочет в эти дела вмешиваться» (Там же. С. 159). Когда в июне 1940 г. немецкие войска вошли в Париж, дача Конюсов оказалась в захваченной фашистами зоне. После отъезда С. В. и Н. А. Рахманиновых в Америку в августе 1939 г. с Татьяной Сергеевной, оставшейся во Франции, они больше не увиделись.

⁷ Дочь К. М. Животовской.

⁸ Со своим отцом.

⁹ О каких произведениях речь идет, неизвестно.

¹⁰ Госпожа Филипс. Ее портрет, написанный в 1937 г. (холст, масло; 55,2 × 46; овал), в 1989 г. был выставлен на аукционе Кристи (см.: *Christie's: Imperial and Post-Revolutionary Russian Art*. London, Thursday, 5 October 1989. P. 173. № 339). Поскольку портрет принадлежал семье М. В. Брайкевича, это означает, что заказчица его не приняла.

¹¹ Первоначально мне казаться: «что она [неохотно ко] мне [сниходит]».

¹² См. примеч. 1 к наст. письму.

¹³ Дартингтон расположен на юге Англии, в Девоншире, недалеко от старинного города Тотнес, в красивейшем месте. Меценаты Л. и Д. Элмхерсты создали там «огромный центр, своеобразную сельскую и просветительскую утопию». Ссылаясь на архивный документ, Лийса Бюклинг пишет, что это был «эксперимент по развитию деревенской жизни» и что целью предприятия было дать местному населению не только работу и образование, «но и возможность творческой деятельности» (*Бюклинг Л. Письма Михаила Чехова Мстиславу Добужинскому (годы эмиграции, 1938—1951)*. СПб.: Всемирное слово, 1994. С. 16). В Дартингтон-холле было задействовано четыре тысячи человек разных профессий. Были там также театр и студия при нем, руководимая с октября 1936 г. М. П. Чеховым.

¹⁴ Выставка Эдгара Дега (1834—1917) — французского живописца, одного из выдающихся представителей импрессионизма — открылась в Париже в марте 1937 г. Отклик о ней напечатал в двух номерах газеты «Последние новости» (№ 5832 за 13 марта и № 5846 за 27 марта) А. Н. Бенуа. 20 марта 1937 г. о выставке писала своим детям, Т. Б. и Е. Б. Серебряковым, друг К. А. Сомова, художница З. Е. Серебрякова: «Сейчас здесь открылась большая выставка Дега — это мой любимый художник, и я непременно пойду». Мнение Серебряковой особенно интересно, т. к. сюжеты ее произведений в наибольшей степени перекликаются с сюжетами знаменитого француза. 31 марта 1937 г. художница писала о выставке: «... Дега — дивный мастер! Всегда неожиданная композиция, и так остро взята жизнь и движенье! Балетные сцены, скачки, „моущисся“ женщины и т. д. и чудные портреты» (цит. по: Зинаида Серебрякова. Письма. Современники о художнице. М., 1987. С. 114).

¹⁵ Выставка рисунков французского художника Константена Гиса (Эрнеста Адольфа Иасента Константена Гиса, 1805—1892) экспонировалась в Париже в феврале 1937 г. В «Последних новостях» (№ 5804, 13 февр.) А. Н. Бенуа поместил отзыв о ней. Гис известен в первую очередь своими многочисленными рисунками пером, подцветочными акварелью. В молодости он вместе с лордом Байроном участвовал в войне за независимость Греции. В 1840—1850-е гг. был военным художником одной из лондонских газет. В начале 1860-х переселился в Париже и всю оставшуюся жизнь посвятил зарисовкам всего того, что видел вокруг, беспристрастно наблюдая за нравами всех слоев парижского общества. Это эlegantная публика в театрах и на бульварах, и сценки в кабаре, бистро и публичных домах. Особенно художнику удавались изображения женщин. Работал он по памяти и очень быстро. Открыл Гиса как художника поэт Шарль Бодлер, напечатавший в 1863 г. в газете «Фигаро» серию статей под названием «Поэт современной жизни». Собранный Бодлером коллекция, включавшая несколько сотен рисунков Гиса, ныне принадлежит парижскому музею Карнавале.

¹⁶ О «Каталанской выставке» А. Н. Бенуа написал в газете «Последние новости» (№ 5860, 10 апр. 1937 г.).

¹⁷ К. А. Сомов не упомянул «Пушкинскую выставку», которая не могла не заинтересовать его: А. С. Пушкин был любимым писателем художника. Выставка «Пушкин и его эпоха (100 лет со дня смерти)», открывшаяся 16 марта 1937 г. в Grande Galerie Pleyel, включала рукописи, гравюры, портреты, интерьеры, связанные с личностью А. С. Пушкина, его творчеством и его временем. Одним из организаторов выставки был С. М. Лифарь. В период ее экспонирования в Salle Pleyel и других помещениях русскими эмигрантами читались доклады и лекции, проводились концерты, вечера (например, 8 апреля — вечер, посвященный памяти Пушкина, 13 апреля — поэтический вечер современных парижских поэтов-эмигрантов, 14 апреля художник М. В. Добужинский сделал сообщение на тему «Рисунки Пушкина»). В Grand Opera в новой постановке Ф. Гобера получила возобновление опера М. П. Мусоргского «Борис Годунов» (премьера 22 марта). В апреле вышел из печати иллюстрированный каталог «Пушкинской выставки» (оформление А. Н. Бенуа). 18 апреля состоялось торжественное закрытие выставки, на котором произведения А. С. Пушкина читали И. А. Бунин и О. А. Судейкина. Вполне допустимо, что многие из этих мероприятий посещал Сомов. О «Пушкинской выставке» в «Последних новостях» писал А. Н. Бенуа (№ 5853—5854, 3—4 апр. 1937 г.). См. также: Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935 — 1937): В 2 т. М.: Эллис Лак, 2000; Денисенко С. В. Пушкинские торжества 1937 г. в русской эмиграции (По материалам Л. Варсано) // Зарубежная Россия. 1917—1939. СПб.: Лики России, 2003. Кн. 2. С. 312—315.

8 октября 1937
<Париж>

Миленьякая моя дорогая Paty!

Пишу Вам сегодня не потому, что только что получил Ваш подарок — носки превосходные во всех отношениях, как раз то, что я люблю! — это было бы свинство: получил подарок и написал, а без подарка не писал! Пи-

шу потому, что давно, давно собирался ответить Вам и особенно последние дни все думал: «вот сегодня вечером буду писать Paty». За подарок очень, страшно Вас благодарю — как это Вам не надоело меня баловать! Ваш знакомый Чехович¹ оказался человеком очень приятным, посидел у меня довольно долго и просил позволения послезавтра приехать ему с матерью, которая, говорит он, очень интересуется живописью и понимает в ней. Он мне много говорил о вас, и я радовался, что теперь вы в prosperity <благосостояние, процветание — *англ.*>, даже приобрели дом около Вашингтона, что у Викт<ора> Тим<офеевича> хорошая работа, а главное, что Вы здоровы и вид у Вас бодрый и оживленный. Одно только, вероятно, Вам неприятно — это то, что дочка Ваша не может попасть в Dartington.² Но, с другой стороны, зачем Вам с ней разлучаться; а если у нее настоящее призвание быть актрисой, то ведь и в Америке можно ей сделаться, особенно если у нее и талант, и способность серьезно работать. Чехович мне сказал, что дочка Ваша очень миленькая, с пикантным лицом, высока и стройна — все, что надо, чтобы стать актрисой. Я ее знаю только по фото, по которой нельзя судить о росте и подробностях наружности. Вот бедные мои Женя и Елена тоже не попадают в Dartington, а как это было бы для них важно, я думаю, они так устали мыкаться и не имеют настоящего положения. А Жене театральное дело при Чехове так бы подходило, так было бы по душе.³ Елена же блаженствовала бы среди чудной природы: я имею полное представление о Dartington'e, т<ак> к<ак> Женя дал мне о нем две книжки, изобильно иллюстрированные. Недавно в последнем письме Женя мне пишет, что Dartington окончательно провалился. В последнем Вашем письме (к моим именинам) Вы меня спрашивали, чего мне пожелать. Увы, теперь главное — здоровья и сил бороться со старостью, а остальное все бы пришло со здоровьем! Хотя я и провел целый месяц в великолепной погоде в столь знакомом Вам Grandvilliers, мне не стало лучше, боюсь, скорее, хуже. Весь до ног я здоров — а ноги дрянь! Если б Вы знали, какая это гадость — не иметь возможности быть подвижным, — Вы помните, какой я был неутомимый и сколько мы с Вами исходили километров, шутя. «Внутреннюю молодость» свою цепко держу в руках, но как ее удержать, если она стремится прочь! Если бы еще все окружающее было жизнерадостным и счастливым — это бы поддерживало — вот Чехович говорит, что в Америке жизнь превосходна, — а у нас кислота и грусть, все мои друзья борются за жизнь и не побеждают в этой борьбе. Нет веселых лиц и счастливых. Этот месяц в деревне я не работал, а сидел большей частью в кресле в дверях моей комнаты, наслаждался воздухом и тишиной и читал. Да и по возвращении в город долго не мог принудить себя работать — из-за лени и апатии; только вот дней пять тому назад раскачался и начал писать маленькую картинку из головы. М<ожет> быть, недели через две у меня будет позировать одна дама, некрасивая аргентинка — очень жадна, хотя дико богата, — не знаю, что из этого выйдет. Я ненавижу — для меня это мука — писать заказные портреты. Но отказываться было бы неблагоприятно: с каждым годом заказы и продажи картин реже и реже. Что касается Ирины и ее планов учиться у Чехова — должен Вам сказать, что я далеко не его поклонник, особенно как учителя. У него, что называется «ум за разум», и я бы свою дочь не отдал бы ему в ученье. По-моему, в Америке ак-

терское искусство стоит так высоко, что, я уверен, и у вас в Вашингтоне найдется какая-нибудь знаменитость, дающая уроки для сцены. Чехов же, по-моему, может скорее учеников своих свести с ума. Относительно Чехова мы с Женей, кот<орый> его очень ценит, совершенно расходимся. Если бы еще Женя и Елена были в Dartington'e, и туда приехала бы Ирина, оба они своим благоразумием и пониманием театра (особ<енно> Елена) могли бы быть ей хорошими советчиками, то она, Ирина, не запуталась <бы> в дебрях чеховской школы. Я помню последнее выступление Чехова в Париже в качестве режиссера — это был такой грандиозный провал и позор, что сезон его ограничился всего одним представлением,⁴ а денег он ухнул уж ли не 500 тысяч, меценатских. Все это я пишу Вам и Ирине в утешение. Что Вам еще сказать? Наступило осеннее темное время — а я осенью всегда грустнее. Наша выставка 1937 <года> меня не интересует — все эти некрасивые павильоны с разной дребеденью — был на ней всего раз, толпы народа и теснота.⁵ Единственное, что при выставке грандиозно и превосходно — это новый музей, в котор<ом> выставлены невероятные шедевры, так он и называется «Les chefs d'oeuvre de'art francais» «Шедевры французского искусства» — *франц.*⁶ Картины привезены на нее со всего света, даже из петерб<ургского> Эрмитажа. Вот, дорогая Pety, кажется, я уж очень расписался! Желая Вам, Вик<тору> Тим<офеевичу> и Ирине всех благ, какие возможны. А Вас еще раз благодарю и нежно целую.

Всегда Ваш К. Сом<ов>.

Понимаете ли Вы мои каракули?

¹ Американский знакомый К. М. Животовской, с которым она передала посылку К. А. Сомову.

² Имеется в виду Театральная студия М. А. Чехова в Дартингтоне. Открывшаяся 3 октября 1936 г., она была призвана в течение трехлетнего курса обучать актеров, способных поднять современный театр на новый уровень. Кроме того, цель студии заключалась в создании постоянной интернациональной гастрольной труппы.

³ К. А. Сомов знал, что летом 1937 г. М. А. Чехов предлагал Е. И. Сомову работу в своем дартингтонском предприятии. 28 июля 1937 г. Е. И. Сомов в письме С. В. Рахманинову цитировал письмо к нему Чехова, в котором тот писал: «Дартингтон — место практическое, и после моего предложения касательно Вас был немедленно создан следующий план: пригласить мистера Сомова в Дартингтон для переговоров в сентябре и, буде переговоры пойдут благоприятно, приятно и благополучно, предложить мистру Сомову принять участие в качестве административно-организаторской силы в создаваемой здесь театральной школе и позднее театра в руководимых неким Моившей Чеховичем. <...> Женечка, дорогой, садитесь за стол и пишите скорее мне: „да” или „нет”...» (цит. по: *Чехов М. Литературное наследие: В 2 т. М., 1986. Т. 2. Искусство актера. С. 524—525.*) Однако, судя по дневниковой записи К. А. Сомова от 8 декабря 1938 г., «из-за невозможности получить визу» Евгению Ивановичу не удалось занять это место и пересечь в Англию (*Сомов. С. 434*). Кроме того, в декабре 1938 г. Чехов со своей студией вынужден был перебраться из Дартингтона в Америку.

⁴ К. А. Сомов имеет в виду гастроль Пражской группы МХТ, которые проходили в парижском театре «Марэ» (Théâtre des Arts) в конце января—начале февраля 1935 г. М. А. Чехов был режиссером «Ревизора» и исполнителем роли Хлестакова. Точку зрения Сомова на этот спектакль разделял и С. В. Рахманинов. 29 янв. 1935 г. он писал Е. И. Сомову: «Вчера вечером был на премьере „Ревизора” с Чеховым, которого через недлю везут Вам в Америку. Чехов только местами удивительно хорош. А если где нехорош, то от переигрывания. Недурен городничий. Остальное — одно горе. Сплошной шарж. В общем — разочарование» (цит. по: *Чехов М. Литературное наследие. Т. 2. С. 520*).

⁵ Речь идет о Всемирной выставке в Париже 1937 г., проходившей под девизом «Искусство и техника в современной жизни». Под выставочные павильоны было отведено несколько гектаров земли по обоим берегам Сены — от дворца Трокадеро до Высшей военной школы. Участником выставки был СССР. Советский павильон, построенный по проекту архитектора Б. М. Иофана, венчала скульптурная группа В. И. Мухиной «Рабочий и колхозница», созданная в новом материале и по новейшей технологии.

Своими впечатлениями о выставке делилась с К. М. Животовской и ее лондонская знакомая Т. Чернавина. 12 дек. 1937 г. она писала, что больше всего ей понравились французские павильоны, где экспонировались «фарфор, ковры, декоративное искусство». «Советский павильон — это сплошная агитка, как Германский и Итальянский. Будто там нет ни страны, ни людей, а только политика и правительства» (РО ИРЛИ, Р. I, оп. 8, № 40, л. 6 об.).

⁶ Парижский музей современного искусства (Le Musee d'Art Moderne de la Ville de Paris), открытый в здании Дворца Токио, построенном для Всемирной выставки 1937 г. В коллекцию музея вошли произведения кубистов и фовистов парижской школы, знаменитый триптих А. Матисса «Танец» и одна из самых больших настенных композиций Р. Дюфи — «Фея электричества».

28

19 авг<уста> 1938
Grandvilliers
(Eure)

Миленьякая Рату!

Хоть нас и отделяет друг от друга и время, и пространство, я нет-нет и вспоминаю о Вас! Давно — кажется уже больше года — не имел от Вас известий. Хочу напомнить Вам о своем существовании из деревни, в которой Вы у меня прогостили на узкой и неудобной постели. Как это уже давно! Очень бы хотелось знать, как Вы поживаете, какое у Вас состояние духа теперь. Если знаю о вас, то только косвенно от Елены. Знаю, что Вашей дочке не удалось попасть в школу Чехова в Dartington! Что она вместо актерской карьеры занялась совсем другим — изучением экономики, что она высокого роста и хорошенькая.¹ Все это Вы должны мне подтвердить. Как дела? Хорошо ли устроился В<иктор> Т<имофеевич>? Про себя могу сообщить немного, особенно нового и интересного. Увы, все время старею! Этот зимний сезон довольно много работал и на свои дела жаловаться не могу — были кое-какие продажи, что вообще по теперешним временам в Париже не часто бывает, даже у франц<узских> художников. Писал, но не дописал женский портрет одной аргентинки-немки, буду его кончать в декабре.² Сюда я переехал усталый и изнервленный, т<ак> к<ак> много волновался из-за этого портрета, не сразу удававшегося.³ К тому же в мае в Париже было в квартире так холодно — у нас возмутительный обычай переставать давать центральное отопление с 15-го апреля, не сообразуясь, холодно или нет, — что я простудился, получил грипп, потом lumbago, заболели почки, и пришлось обратиться к доктору — лечиться я вообще не люблю и к докторам прибегаю очень редко. А с моими недомоганиями как раз совпала работа над этим портретом.

Но здесь, в Нормандии, — я уже здесь около месяца — так хорошо, такая ясная и теплая погода, какой давно не было, что мне стало гораздо лучше. В этом году со мною поехали мои большие друзья — супруги Снежковские,⁴ и мне с ними как у Христа за пазухой. Оба они уже немолодые

люди. Заботятся и балуют меня они чрезвычайно, ничего мне не дают делать. Они отличаются необыкновенной чистотой и аккуратностью — не так, как обычные чумички и грязнули, с которыми я ездил сюда обыкновенно, — молодые муж и жена, художники.⁵ В этом году они заняты работой в Париже и приехать не могли. Я от этого только выиграл. Снежковская необычайно хорошо знает кухню — вроде Елены, — и все у нее спорится, умеет делать превосходные герас (застолья — *франц.*), тратя при этом очень немного, до удивления. Здесь я в этом году совсем не работаю, ни кистью, ни карандашом, а вполне отдыхаю, и время летит необыкновенно быстро. Скоро надо будет думать об отъезде в Париж; поэтому, если будете мне писать, направляйте письма на парижский адрес (24, rue de Cività, Paris 16me). Чтобы не болтаться все время и не заскучать, довольно много читаю,⁶ зимой было у меня на чтение меньше гораздо времени. Я думаю, что и в этом году Вы с дочкой будете гостить в их знаменитой «избушке».⁷ Я еще не получил ответа на мое письмо Сомовым, недавно написанное. Я очень надеюсь, что Вы счастливы и спокойны и что все, волновавшее Вас, прошло, и Вы о нем забыли.

Вернувшись в город, я намереваюсь сразу засесть за работу после такого отдыха. Впрочем, меня очень зовут друзья — Брайкевичи,⁸ — приглашали на сентябрь в Лондон погостить. Но я не решаюсь пуститься даже в такой несложный путь из-за моей ноги и других моих bobos <болячек — *франц.*>, боюсь, что это будет не в удовольствие, и я только буду чрезвычайно уставать. А Лондон я люблю, и там так много меня интересующего, и музеи, и сам Лондон. Пока еще не решил, как ни наседают на меня мои тамошние друзья.

Вот, моя дорогая Paty! Надеюсь, что Вам захочется написать Вашему старому и уже теперь старинному другу!

Посылаю Вам мой нежный поцелуй, а В<иктору> Т<имофеевичу> и дочке Вашей мое крепкое рукопожатие!

Всегда любящий Вас

К. Сомов.

¹ О дальнейшей судьбе Ирины Викторовны Животовской известно из писем С. В. Рахманинова, адресованных ее родителям. Так, судя по письму от 26 марта 1940 г., Ирина вышла замуж и уехала от родителей (*Рахманинов С.* Литературное наследие. М., 1980. Т. 3. С. 174). 16 апр. 1940 г. Рахманинов с присущим ему юмором писал К. М. Животовской: «Радует нас очень, что „бэби“ нашла себе место, да еще с таким жалованием. Я чуть в обморок не упал. Появился, наконец, человек, у которого я могу занимать деньги» (Там же. С. 177). 17 окт. 1942 г. композитор поздравил Животовских с рождением внука (Там же. С. 222).

² Портрет графини Росарио Зубовой (урожд. Шиффнер; 1891—1984), жены графа Сергея Платоновича Зубова (1891—1968), над которым художник работал с ноября 1937 г. до дня своей смерти, 6 мая 1939 г. Перерывы в работе были связаны с частыми отъездами модели из Парижа. Портрет остался неоконченным. Он хранился в Швейцарии, в женевском доме Зубовых, владевших большой художественной коллекцией, в которую входили произведения русских художников, в том числе К. А. Сомова, А. Н. Бенуа, З. Е. Серебряковой. После трагической гибели дочери Зубовых Татьяны Росарио Зубова в 1959 г. передала часть коллекции в дар городу Женеве, другую часть в 1974 г. — в дар Аргентине. Ныне эта часть находится в особом зале Национального музея декоративных искусств в Буэнос-Айресс. Принадлежавшую ей картину Сомова «Обнаженный юноша (Б. М. Снежковский)» (1937, холст, масло; 54 × 100,6) в 1969 г. подарила ГРМ. О Р. Зубовой см.: *Бурляя Я.* Влюбленная в Россию // Наше наследие. 1998. № 45. С. 106—113. О коллекции Зубовых: *Исмагулова Т. Д.* «Дай воскресить былого тень...»:

Граф Сергей Платонович Зубов — поэт, драматург, композитор, коллекционер // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб., 2006. Вып. 6. С. 15—22.

³ О работе над портретом см. дневниковые записи К. А. Сомова 1938—1939 гг. (Сомов. С. 432—433, 435—438).

⁴ *Снежковские Адели Эдуардовна и Михаил Иванович* — родители Б. М. Снежковского. О них см. в письме К. А. Сомова от 22 апр. 1935 г. в наст. изд.

⁵ Л. А. Успенский и В. И. Буданова.

⁶ Судя по дневниковым записям, К. А. Сомов в этот период действительно много читал. Он вновь вернулся к книгам Ф. М. Достоевского и Н. С. Лескова. Свыше десяти лет назад в Гранвилле художник «буквально с жадностью и в лихорадке проглотил „Бессов” Достоевского», роман, который не читал последние «лет 25». 13 нояб. 1927 г. он делился с сестрой впечатлениями: «И что это за грандиозная книга. Может быть, лучший роман в мире». И тут же признавался в том, что «многих вещей Достоевского» не читал, «а это позор и стыд!» (Сомов. С. 324). В марте 1934 г. «то с восхищением, то со скукой» Сомов читал «сумбурную книгу» писателя — роман «Подросток» (С. 413). 28 апреля 1938 г. он пишет в дневник: «Днем я читал и кончил „Село Степанчиково” Достоевского, многое хорошо, многое скверно. Хорошо изображен быт, хороши вульгарные разговоры действующих лиц, но Фома Фомич и дядя — такие шаржи, таких людей-идиотов в жизни не бывает» (С. 430). 1 мая Сомов снова фиксирует, что читает Достоевского, на этот раз «Дневник писателя». «Кое-что хорошо, — отмсчает он, — например, „Смерть Некрасова”. „Кроткая” и „Странный человек” — настоящий Достоевский, с его лихорадочным стилем и истеричностью» (Там же).

Весной 1938 г., вновь после 1930 и 1933 гг., Сомов обратился к произведениям Н. С. Лескова. 9 мая он писал в дневнике: «Вечером читал „Житие одной бабы” Лескова и так увлекся, что читал ее до 1/2 3-го. Великолепная трагическая повесть...». 10 мая: «Читал еще „Очарованного странника”: начало совершенно превосходно, но со второй половины портится — и растянуто, и нагружено всякими несообразностями, так до конца — пересол» (Там же. С. 431). 14 мая, «почти весь день», «с интересом и наслаждением» художник читал очерки и рассказы И. Т. Кокорева: «...такой для меня знакомый, приятный дух — простодушный, глуповатый и пьяный, пьяный...» (Там же. С. 432).

⁷ Об «избушке» см. примеч. 5 к письму К. А. Сомова от 18 апр. 1932 г. в наст. изд.

⁸ О М. В. Брайкевиче и его семье см. письма К. А. Сомова от 22 апр. 1935 г., 12 авг. 1936 г. и 19 авг. 1938 г. в наст. изд.

29

23 дек<абр> 1938
<Париж>

Дорогая и миленькая Paty!

С Новым годом, с новым счастьем! Желаю Вам от души моей всего самого лучшего, здоровья и счастья! Особенно счастья, т<ак>к<ак> Ваше недавнее письмо скорее грустное, чем жизнерадостное, а родились Вы, по-моему, для жизнерадости. В чем же дело? Ведь теперь у Вас все благополучно. Или Вы недовольны выбором Вашей дочки? (Разумеется, когда буду писать Елене, об этом ни гу-гу!) Теперь, когда Чеховский театр перебирается в Нью-Йорк и открывает там школу,¹ не собирается ли Ирина² опять вернуться к своей мечте стать актрисой? Вы, конечно, уже знаете, что наш Женя будет в чеховском деле администратором,³ и я за него и Елену очень радуюсь — наконец-то кончилась их трудная и неустойчивая жизнь. Они так заслужили эту, хотя и запоздалую, награду. Я за них ликую.⁴

О себе могу сказать Вам немного — живу так тихо, мало кого вижу и сильно поскрипываю здоровьем. Делать нечего — старость и старые кости не поправишь, хотя я лечусь добросовестно и очень мало и просто ем.

Работаю по-прежнему — то очень интенсивно, то с промежутками лежи и болтания, — и, кажется, не видно в моей живописи старческого упадка. И самому мне это кажется, и так говорят мне мои друзья из тех, в искренности которых я не сомневаюсь.⁵ Жаль только, что я работаю не постоянно, а с перерывами, и упускаю драгоценное время (а проектов у меня множество), которого уже осталось мне немного перед путешествием на тот свет! Но не буду говорить Вам о моей смерти. Никто не знает, когда умрет и сколько проживет! Я бы хотел дожить до 90 лет — нелепая мечта! Из этого Вы видите, как я еще люблю жизнь и как она мне не надоела. Так что не грустите обо мне, мой чудесный друг!

Сейчас у нас сильные морозы, и уже 3-й день лежит и не тает снег. Такой зимы в Париже я не запомню. П^отому к^ак наша квартира к холоду не приспособлена, приходится дрожать и кутаться не только на улице, но и дома: сижу в 3-х шкурах и на ногах теплая хламида. Но надеюсь, что морозы скоро пройдут.

Милая Рату, не грустите, не жалуйтесь, что у Вас нет творческого дела, Вы и без него хороши, и все должны Вас любить. Разве у Вас нет теперь закадычных друзей, с которыми Вы могли бы отвести душу, даже повеселиться? Не преувеличиваете ли Вы свое положение? А «скандал-животик» ведь исправился? Устройте себе диету и массаж, и все будет all right <в порядке, хорошо — *англ.*>. Вы ведь все же еще очень молодая женщина! Вы с легкостью могли бы быть моею дочерью. И портрет, кот^орый Вы мне послали года 3 тому назад, говорит об этом. Cheer up <держитесь — *англ.*>!

Простите, что мое письмо не очень интересное, т^ак к^ак в моей жизни событий нет — не тот уж мой возраст! Нежно вас целую!

Поклон Викт^ору Тим^офеевичу и Ирине, если она меня помнит.

Всегда Ваш К. С.

Если есть у Вас любительские снимки, пошлите мне, себя и Ирину! Хочу видеть, какая Вы сейчас.

¹ В декабре 1938 г. в связи с напряженной политической обстановкой в Европе и активизацией немецкого фашизма Театральная студия М. А. Чехова была переведена в Америку, в штат Коннектикут, где в 55 милях от Нью-Йорка, в Риджфилде, для нее было приобретено имение. В начале 1939 г. студия преобразована в Театр Михаила Чехова со школой-студией при нем. На протяжении четырех лет Чехов репетировал там спектакли для Нью-Йорка и для гастрольных поездок, а также преподавал в школе-студии.

² Дочь К. М. Животовской.

³ Об этом же 8 декабря 1938 г. К. А. Сомов написал в дневнике: «...оказывается, школа театра Чехова из Дартингтона переводится в Америку, и Женя [Сомов] получит там место администратора...» (Сомов. С. 434). Действительно, в 1939 г. Е. И. Сомов оставил обязанности секретаря С. В. Рахманинова и получил должность директора театрального агентства Театра М. А. Чехова. Вместе с Еленой Константиновной он пересел в Риджфилд. В октябре 1939 г. в Нью-Йорке начались спектакли Театра М. А. Чехова.

⁴ «Очаровательными Сомовыми» восхищались и Чеховы — Михаил Александрович и его жена, Ксения Карловна. 25 августа 1935 г., еще накануне переезда из Америки в Англию, в

Дардингтон, М. А. Чехов писал С. В. Рахманинову: «...Как мы благодарны Вам за ... *Сомовых!* Они, вероятно, не люди, а ангелы. Их личных забот не видно и не слышно, а они видят, слышат и понимают заботы и тайные и явные беспокойства других. Случилось так, что мы без Сомовых ни шагу! <...> У необыкновенного Евгения Ивановича на все хватает времени и на всех терпения. Без помощи и доброты Евгения Ивановича мы здесь пропали бы» (цит. по: *Чехов М. Литературное наследие. Т. 1. Воспоминания. Письма. С. 433*). Неудивительно, что, вернувшись в Америку, Чехов пригласил Евгения Ивановича Сомова на работу в свое предприятие.

⁵ Согласно дневниковым записям 1938 г., 8 апреля К. А. Сомов показывал свои новые работы посетившему его художнику Н. Д. Милиоти, который восхитился «ню» и эротическими акварелями. «Сильное впечатление произвел на него „*Cauchemar de la fièvre brûlante*” <«Кошмар лихорадки» — *франц.*>, картинка, которую я сейчас пишу, — сказал про нее, что она жуткая и трагическая. Натюрморты, этюд большой с Дафниса. Да все!» (*Сомов. С. 427*).

14 апреля, показывая А. Н. Бенуа «свои вещи» — «8—9 картин», Сомов просил его «быть откровенным». «Все ему понравилось, — писал в дневнике Константин Андреевич, — хотя он сделал мне несколько и замечаний, ценных относительно „Мандолиниста”, лицо которого ему не понравилось. „*L’homme integral dorme*” <«Спящий человек» — *франц.*> хвалил, „Лето с фигурами” тоже, „Спящего Дафниса” тоже — очень, но заметил, что свет на животе слишком интенсивен; „*Fièvre brûlante*” <«Лихорадка» — *франц.*> вызвала его смех: „Это настоящий Сомов!” — сказал он. <...> Вообще же он сказал, что у меня удивительные краски...» (Там же. С. 429—430).